

deon
eyer

Деон Мейер

**Кровавый
след**

CNPOL.RU
**Crime
theater
horror**

Янина Менц, директор ПРА, Президентского разведывательного агентства, сидела у себя в кабинете, на седьмом этаже «Уэйл-стрит Чемберс», и читала расшифровку допроса Измаила Мохаммеда, заставляя себя сосредоточиться. Закончив, она сняла очки и положила их на стол. Потом протерла глаза руками. Она не выспалась — всю ночь ей не давала покоя услышанная вчера...

Деон Мейер
Кровавый след
Серия «Crime. Thriller. Horror»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4559345

Кровавый след: ЗАО Издательство Центрполиграф; М.; 2012

ISBN 978-5-227-03720-6

Аннотация

Устав от измен мужа и капризов эгоистичного сына, Милла Страхан уходит из семьи, чтобы начать новую жизнь. По счастливому, как ей кажется, стечению обстоятельств она быстро устраивается на работу и не сразу понимает, что попала в разведывательную организацию... Бывший телохранитель Леммер соглашается провезти через границу черных носорогов, а в итоге попадает в переделку с бандитами... Частный детектив Мэтт Яуберт ведет розыск сотрудника автобусной компании... Кажется, что эти сюжетные линии никак не связаны между собой, но они непременно сойдутся, да так, что кульминация романа окажется настоящим сюрпризом для читателя.

Содержание

Книга первая	5
1	7
2	16
3	22
4	34
5	42
6	47
7	54
8	62
9	72
10	83
11	88
12	99
13	104
14	112
15	119
16	129
17	138
18	145
Книга вторая	149
19	150
20	155
21	161

22	171
23	182
24	185
25	194
26	202
Конец ознакомительного фрагмента.	212

Деон Мейер

Кровавый след

Книга первая

МИЛЛА

(Заговор)

Июль – сентябрь 2009 г.

...Некоторые дни не оставляют следов.

Они проходят, будто их не было вовсе, и быстро растворяются в дымке монотонных повседневных дел. Следы других дней видны неделю или чуть больше, а потом ветер памяти засыпает их светлым песком новых впечатлений.

Фотокопия дневника Миллы Страхан, 27 сентября 2009 г.

Сегодня, в соответствии с Указом президента № 13224¹, министерство финансов США предъявило обвинения двум гражданам ЮАР, Фархаду Ахмеду Дократу и Юнаиду Измаилу Дократу, а также

¹ Указ президента США № 13224 подписан Джорджем Бушем-младшим 23 сентября 2001 года для усиления мер по борьбе с терроризмом после терактов 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке и Вашингтоне. Документ предусматривает составление списка террористов, а также позволяет применять к ним санкции. (Здесь и далее примеч. пер.)

связанным с ними лицам в пособничестве и финансировании организации «Аль-Каида». По данному указу заморожены все активы названных лиц на территории США, введен запрет на деловые и финансовые операции между гражданами США и названными лицами.

*Пресс-релиз министерства финансов США, 26 января 2007 г.
(стенограмма)*

31 июля 2009 г., пятница

Измаил Мохаммед бежит по крутому склону Хейлигер-Лейн. Бешено развеваются фалды белой галабеи; воротник-стойка расстегнут в соответствии с требованиями современной моды. Беглец отчаянно размахивает руками – не только для того, чтобы сохранить равновесие, но и из-за смертельного страха. С его головы на мостовую на перекрестке падает вязаная шапочка-куфи. Измаил Мохаммед с надеждой смотрит на лежащий внизу город. Если он успеет добраться до центра, он спасен.

За его спиной во второй раз распахивается дверь. Из однопэтажного строения рядом с бокапской мечетью в Скотсеклофе выбегают шестеро мужчин, тоже в традиционной мусульманской одежде, и смотрят ему вслед. Один выхватывает пистолет. Он торопливо целится в фигуру Измаила Мохаммеда, успевшего отбежать метров на шестьдесят, и дважды стреляет наугад. Вышедший последним человек постарше бьет стрелка по руке снизу вверх, крича:

– Нет! Догнать его! Схватить!

Трое молодых людей бегут за Измаилом. Те, что постарше, остаются на месте и наблюдают за погоней.

– Шейх, почему вы не дали его убить? – спрашивает один.

– Пока нельзя, Шахид. Он подслушивал!

– Вот именно. Подслушивал и сбежал... Говорит само за себя.

– Но мы не знаем, на кого он работает.

– Кто, Измаил? Неужели вы думаете, что он...

– Никогда нельзя знать заранее.

– Нет. Он слишком... неуклюжий. Возможно, на кого-нибудь местных... Например, на НРА...

– Надеюсь, ты прав. – Тот, кого называли Шейхом, следит, как преследователи перебегают по переходу Кьяппини-стрит, и обдумывает дальнейшие шаги. Снизу, на Бёйтенграхт, слышится вой сирены. – Поехали отсюда, – хладнокровно говорит Шейх. – Все поменялось. – Он быстро шагает вперед, к своему «вольво».

Со стороны центра доносится завывание еще одной сирены.

Она издали угадала его намерения по походке. Пятница, пять часов дня. Шаги торопливые и целеустремленные. Ею овладело дурное предчувствие; на плечи словно навалилась тяжесть. С огромным трудом она заставила себя отгородиться, успокоиться.

За Барендом тянулся шлейф запахов: шампунь, дезодорант – пожалуй, дезодоранта многовато. Даже не глядя, она могла сказать, что он куда-то собирается. Снова по-другому уложил волосы. Экспериментирует...

Он сел на высокий барный табурет за стойкой и весело спросил:

– Как дела, мам? Чем занимаешься?

– Готовлю ужин, – безропотно ответила Милла.

– А-а-а... Я-то сегодня ужинаю не дома.

Как она и думала. Скорее всего, Кристо тоже не вернется к ужину.

– Мам, тебе ведь сегодня не нужна машина? – спросил он тоном, отточенным за долгие годы до совершенства – он как будто заранее обижался на нее и в чем-то обвинял, но не явно, не открыто. Поразительное сочетание!

– Куда ты собрался?

– В город. Приедет Жак. Он получил права.

– Куда именно в город?

– Мы еще не решили.

– Баренд, я должна знать, – заметила она, не повышая голоса.

– Да-да, конечно, я тебе попозже скажу. – Прорываются первые нотки раздражения.

– Когда вернешься?

– Мама, мне восемнадцать лет. Когда папе было столько же, сколько мне сейчас, он служил в армии.

– В армии живут по уставу.

Он досадливо выдохнул:

– Ладно, ладно... Мы... поедem домой в двенадцать.

– То же самое ты говорил на прошлой неделе. А вернулся

в третьем часу ночи. Ты учишься в выпускном классе, у тебя экзамены на носу...

– Гос-споди, мам, хватит уже об этом! Мне отдохнуть хочется! Тебе что, жалко?

– Нет, не жалко. Отдыхай, но знай меру.

Он презрительно хмыкнул, словно показывая: не такой он дурак, чтобы ей верить. Она заставляла себя не реагировать.

– Я же сказал, мы поедem домой в двенадцать.

– Пожалуйста, не пей.

– С чего ты вдруг так разволновалась?

Ей хотелось ответить: «С того, что недавно я нашла в твоem шкафу пол бутылки бренди. Ты неумело спрятал ее за стопку трусов. А рядом лежала пачка «Мальборо».

– Я обязана волноваться за тебя. Ты мой сын.

Молчит – значит, согласен... Она вздохнула с облегчением. Он добился чего хотел. До сих пор им удалось не поссориться. Потом она услышала, как он нетерпеливо постукивает ногой по стойке, как вертит в руке крышку от сахарницы, и поняла, что ничего еще не кончилось. Значит, ему нужны деньги.

– Мам, я не могу допустить, чтобы Жак и остальные платили за меня.

Он давно усвоил, что просьбы нужно излагать по очереди, а не все сразу. Научился умело строить фразы, подбирать нужные интонации. Она сразу почувствовала себя виноватой. Как ловко он ее подловил! А она, в извечном стремле-

нии избежать конфликта, сразу же попала на удочку.

– Разве у тебя уже закончились карманные деньги? – робко спросила она.

– Хочешь, чтобы я был паразитом?

Услышав знакомые агрессивные нотки и привычные обвинения в свой адрес, она поняла, что стычки не избежать. Что делать? Отдать ему деньги... все, что есть... весь кошелек. Пусть забирает. Именно этого он и добивается... Она глубоко вздохнула и сказала:

– Пожалуйста, постарайся все-таки не выходить за рамки. Восемьсот рандов в месяц – деньги не маленькие...

– Знаешь, сколько получает Жак?

– Баренд, это не имеет значения. Если хочешь больше денег, ты должен...

– Хочешь, чтобы я на хрен растерял всех друзей? Тебе просто влом мне помочь, тебя корежит, если мне хорошо!

От его грубости и крика она вздрогнула, сжалась. Он с досады запустил крышкой сахарницы в кухонный шкафчик.

– Баренд! – ахнула она.

Он и раньше часто выходил из себя. Закатывал глаза, заламывал руки, опрометью убегал в свою комнату. Отбежав подальше, трусливо бормотал себе под нос бранные слова. Но сейчас... Сейчас он всей тяжестью налег на стойку, лицо его дышало ненавистью к ней.

– Ты меня достала! – заорал он.

От его крика она пошатнулась, как от удара. Боясь упасть,

оперлась рукой о дверцу шкафчика. Плакать не хотелось, но слезы все равно полились по лицу. В нос ударил запах оливкового масла. Она стояла у плиты, с деревянной ложкой в руке, и тихо повторяла имя сына, не надеясь, что он успокоится.

Баренд плюхнулся на высокий табурет. Лицо у него перекопилось от злобы и ненависти. Ей показалось, что ему в самом деле хочется ее ударить. И голос у него сделался в точности как у отца – презрительный, надменный:

– Господи, какая ты жалкая! Ничего удивительного, что муж изменяет тебе направо и налево!

Янине Менц помахал рукой знакомый чиновник из Координирующего комитета национальной разведки. Увидев, что она его заметила, он, не выпуская из руки бокал, начал пробиваться к ней в толпе гостей.

– Мадам директор! – воскликнул он и, наклонившись, зашептал ей в самое ухо: – Вы уже слышали?

Они стояли посреди банкетного зала, окруженные четырьмя сотнями человек. Янина Менц покачала головой, ожидая услышать об очередном пустяковом происшествии.

– Министр подумывает о слиянии.

– Какой министр?

– Ваш, ваш министр!

– О каком слиянии?

– Он хочет создать новую мощную организацию, объеди-

нение, конгломерат. Слить в одно целое вас, Национальное разведывательное агентство, Секретную службу – всех. Полная интеграция!

Она смотрела в его круглое лицо, покрытое испариной после нескольких бокалов спиртного, и все надеялась, что чиновник пошутил. Но он не улыбался.

– Не может быть! – сказала Янина Менц, гадая, в своем ли он уме.

– Ходят упорные слухи. Все говорят.

– Сколько бокалов вы успели выпить? – беззаботно спросила она.

– Янина, поверьте, я говорю абсолютно серьезно.

Она знала, что ее знакомый, как правило, хорошо осведомлен. Раньше его сведения всегда оказывались верными. В силу привычки она не стала показывать ему свою тревогу.

– А слухи говорят, когда произойдет слияние?

– Скоро президент объявит о своем решении... Через три-четыре недели. Но не это главная новость.

– Вот как?

– Во главе новой организации президент хочет поставить Мо.

Янина недоуменно сдвинула брови.

– Мо Шейка, – пояснил ее собеседник.

Она коротко, недоверчиво рассмеялась.

– Ходят упорные слухи, – с важным видом повторил ее знакомый.

Она улыбнулась, хотела спросить, откуда у него такие сведения, но тут в сумке зазвонил мобильный телефон.

– Извините, – сказала она, расстегивая черную дамскую сумку и доставая телефон.

На дисплее высветился номер Адвоката.

– Слушаю тебя, Тау! – сказала она.

– Измаил Мохаммед вернулся с холода.

Милла лежала в темноте на боку, подтянув колени к груди. Она плакала; открытие стало для нее болезненным. Показалось, будто серая стеклянная перегородка, отделявшая ее от действительности, разбилась и она стоит беззащитная, слабая, открытая всем ветрам. И нигде нельзя укрыться.

Когда подходили к концу силы, позволявшие ей владеть жалкое существование, она находила спасение в вопросах, задаваемых самой себе, в возвращении по собственному следу. Как она дошла до такой жизни? Почему так понизилась ее самооценка, почему она так низко пала? Когда? Как ее окутала паутина лжи, ненастоящая, вымышленная жизнь? С каждым новым ответом страх неизбежного давил сильнее. Милла все отчетливее понимала, как она должна поступить. Сделать то, на что ей не хватало мужества. Даже слов. И это ей, у которой слова находились всегда и для всего – в голове, в дневнике.

Так она лежала без сна до тех пор, пока в половине первого не вернулся Кристо. Муж даже не пытался двигаться бес-

шумно, хотя толстый ковер и приглушал шаги. Он протопал в ванную, включил там свет, потом вернулся и тяжело опустился на кровать.

Она лежала неподвижно, повернувшись к нему спиной, закрыв глаза, и слушала, как он снимает ботинки, отшвыривает их в сторону, встает, идет в туалет, мочится, пускает газы.

«Прими, пожалуйста, душ. Смой свои грехи!»

Звук льющейся воды в раковине. Свет погас, он вернулся, лег. Самодовольно крикнул.

Перед тем, как он укрылся одеялом, она уловила идущий от него запах. Спиртное. Табачный дым, пот. И еще один запах, первобытный.

Тогда-то она и нашла в себе мужество.

1 августа 2009 г., суббота

**Расшифровка протокола допроса
Измаила Мохаммеда, проведенного А.
Дж. М. Уильямсом. Конспиративная
квартира, район Гардене, Кейптаун**

Дата и время: 1 августа 2009 г., 17.52.

М.: Уильямс, пожалуйста, включите меня в программу по защите свидетелей. Сейчас же!

У.: Измаил, я все понимаю, но...

М.: Никаких но! Эти гады хотели меня пристрелить. И они не остановятся!

У.: Успокойся, Измаил. Как только мы тебя допросим...

М.: Сколько времени вы будете меня допрашивать?

У.: Чем скорее ты успокоишься и ответишь на мои вопросы, тем лучше.

М.: Тогда вы включите меня в программу защиты свидетелей?

У.: Ты ведь знаешь, мы своих не бросаем. Давай начнем сначала. Как это случилось?

М.: Я услышал их разговор...

У.: Нет, как они поняли, что ты работаешь на нас?

М.: Не знаю.

У.: Но хотя бы догадки у тебя имеются?

М.: Не знаю... Может быть, они следили за мной...

У.: Когда ты ездил на явку?

М.: Наверное. Хотя я был осторожен, очень осторожен. Три раза поворачивал назад, ехал кружным путем, дважды делал пересадку, но...

У.: Что но?

М.: Я... знаете... когда вышел с явочной квартиры... мне показалось... не знаю... показалось, будто я кое-кого увидел. Но потом...

У.: Одного из них?

М.: Да, вроде бы. Наверное.

У.: Почему они тебя заподозрили?

М.: Не понял...

У.: Допустим, они в самом деле установили за тобой слежку. Но почему? Может быть, ты сделал что-то не то. Задавал слишком много вопросов? Оказался не в том месте не в то время?

М.: Вы сами во всем виноваты. Если бы можно было выходить на связь по мобильнику, никто бы ничего не узнал!

У.: Измаил, ты прекрасно понимаешь, что сотовая связь ненадежна.

М.: Не могут же они перехватывать разговоры по всем мо-

бильникам в Кейптауне!

У.: Не по всем, а только по тем, которые им нужны. При чем здесь вообще мобильники?

М.: Всякий раз, когда наступало время очередного отчета, приходилось ездить на явочную квартиру...

У.: Что произошло, когда ты в последний раз вернулся с явочной квартиры?

М.: Последний раз я ездил с отчетом в понедельник, а во вторник все и началось. Они вдруг стали скрытными. Сначала я подумал, что они беспокоятся из-за чего-то другого. Может, из-за груза. Потом, вчера, вижу: нет, они так себя ведут, только когда я рядом. Понимаете, они действовали очень тактично, незаметно, старались не показывать виду, что умолкают только при мне, но я заметил. И забеспокоился. Решил на всякий случай быть настороже. И вот сегодня утром Сулейман приехал на заседание Комитета, а мне велел ждать его на кухне, вместе с Раяном...

У.: Сулейман Долли, которого называют Шейхом?

М.: Да.

У.: А кто такой Раян?

М.: Бабу Раян, его водитель – такой же работяга, как я. Мы работали вместе. Пока мы сидели на кухне, Раян мне ни слова не сказал, и это показалось мне очень странным. А потом они позвали к себе Раяна – в самый первый раз. Понимаете? Мы с ним водители, obsлуга, нас обычно на заседания не приглашают. И я подумал: дай-ка послушаю у двери, на-

верняка они что-то затевают. Я подошел к двери и услышал, как Шейх... Сулейман... сказал: «Мы не можем рисковать, ставки слишком высоки».

У.: Ставки слишком высоки.

М.: Ну да. Потом Шейх велел Раяну: «Расскажи, как исчезает Измаил».

У.: Продолжай!

М.: Нечего продолжать. Потом они меня накрыли.

У.: Как?

М.: Имам застал меня у двери. Я думал, он тоже там, внутри. Все должны были быть внутри.

У.: И ты убежал.

М.: Я убежал, да, а они стреляли мне в спину! Говорю вам, они не знают жалости и очень упорные!

У.: Давай вернемся к событиям понедельника. На явочной квартире ты говорил о «внезапном всплеске деятельности»...

М.: Последние две недели – да. Они что-то затевают.

У.: Почему ты так решил?

М.: Раньше, много месяцев подряд, Верховный комитет собирался раз в неделю. А сейчас – три-четыре раза. Это вам что-нибудь говорит?

У.: Но в чем дело, ты не знаешь.

М.: Должно быть, дело в грузе.

У.: Расскажи еще раз о телефонном звонке. О разговоре Сулеймана и Мэки.

М.: В прошлую пятницу Шейх позвонил Мэки. Шейх встал и вышел в коридор, чтобы я не слышал, о чем они говорят.

У.: Откуда ты знаешь, что звонил Мэки?

М.: Потому что Шейх сказал: «Здравствуй, Саид».

У.: Саид Халид бен Алави Мэки.

М.: Ну да. Выходя из комнаты, Шейх спросил Мэки: «Есть новости о грузе?» Послушал его слова и ответил: «Сентябрь» – как будто в подтверждение.

У.: И все?

М.: Больше я ничего не услышал. Когда Шейх вернулся, то сказал остальным: «Плохие новости».

У.: Плохие новости... И что это значит, по-твоему?

М.: Откуда мне знать? Может, партия товара оказалась меньше, чем они ожидали. Или товар привезут позже, чем договаривались... Могло быть все что угодно.

У.: А потом?

М.: Потом Шейх и два члена Верховного комитета вышли. Спустились в подвал. Вы, наверное, знаете, там они обсуждают самые секретные дела.

У.: Значит, ты считаешь, что в сентябре они ждут поставки какого-то груза? Ты пришел к такому выводу?

М.: Скорее всего.

У.: Это значит да?

М.: Да, я так думаю.

У.: Что за груз? У тебя есть какие-нибудь предположения,

догадки?

М.: Раз они имеют дело с Мэки, значит, речь наверняка идет об алмазах.

У.: Измаил, на что Верховному комитету алмазы?

М.: Это известно только Верховному комитету.

У.: А больше о грузе никто не говорил?

М.: Конечно, слухи ходят – среди obsługi. Но вы ведь понимаете, начальство с нами секретными сведениями не делится.

У.: Как говорится, нет дыма без огня... Какие же слухи ходят среди obsługi?

М.: Говорят, ждут оружия. Для применения на месте.

У.: Что ты имеешь в виду?

М.: Ходят слухи, что им привезут партию оружия. Вроде они собираются устроить теракт здесь. В первый раз. Но я этому не верю.

У.: Мусульманские экстремисты собираются устроить теракт? Здесь, в Южной Африке?!

М.: Йа. Здесь. В Кейптауне. В старом добром Кейпе!

2 августа 2009 г., воскресенье

Янина Менц, директор ИРА, Президентского разведывательного агентства, сидела у себя в кабинете, на седьмом этаже «Уэйл-стрит-Чемберс», и читала расшифровку допроса Измаила Мохаммеда, заставляя себя сосредоточиться. Закончив, она сняла очки и положила их на стол. Потом протерла глаза руками.

Она не выпалась – всю ночь ей не давала покоя услышанная вчера новость о слиянии. Слух такой нелепый, что вполне может оказаться правдой... Хотя бы частично.

Что же тогда будет с ней?

Янину Менц считали выдвиженцем Мбеки². Он и создал ПРА. Хотя Менц не занимала ничью сторону в борьбе за власть, хотя она и ее подчиненные работали превосходно, на них клеймо. Хуже всего, что она еще новенькая, не пробывала на посту директора и трех месяцев. Она ничего не может предъявить в обмен на новый пост. И еще – она белая.

Насколько правдивы слухи? Неужели новую организацию в самом деле возглавит Мо Шейк? Мо, брат Шабира, бывшего друга нового президента, которого осудили за коррупцию!

Все возможно.

² М б е к и – президент ЮАР с 1999 по 2008 г.

Она столько лет стремится вверх... Чтобы попасть в свое теперешнее кресло, ей пришлось столько бороться, отдать столько сил и здоровья! Неужели она спокойно позволит все у себя отобрать?

Нет!

Янина Менц снова надела очки и взяла расшифровку допроса Измаила Мохаммеда. Ей и ИРА, чтобы выжить, требуется раскрыть громкое дело. Представляющее угрозу для государственной безопасности. Дело, которое получит широкий международный резонанс. И вот пожалуйста, как по заказу! Подарок судьбы...

Янина Менц повернулась к компьютеру и стала искать в базе данных сведения о заинтересованных сторонах.

Отчет о деятельности исламских экстремистских группировок в Южной Африке

Дата: 14 февраля 2007 г.

Составители: Велма Дюплесси и Доналд Макфарланд.

1. НОВАЯ ЛИЧИНА «КВИБЛЫ»

Организация «Квибла» была основана в 1980 г. радикально настроенным имамом Ахмедом Кассимом. Имела своей целью создание в Южной Африке исламского государства

по образцу Ирана. В 80-х гг. XX в. «Квибла» посылала своих боевиков в Ливию для военной подготовки, а в 90-х гг. боевики группировки направлялись в пакистанские тренировочные лагеря и сражались в Южном Ливане на стороне «Хезболлы». После 11 сентября 2001 г. группировка вербовала бойцов для отправки в Афганистан.

В 1998–2000 гг., после прекращения деятельности близкой по воззрениям группировки ПАГАД («Население против бандитизма и наркотиков») и ареста свыше 100 сторонников «Квиблы», обвиненных в тяжких преступлениях, включая убийство, деятельность «Квиблы» практически сошла на нет.

На ее месте возникла новая, гораздо более закрытая организация. Она называется Верховный комитет.

3 августа 2009 г., понедельник

Милла Страхан отперла дверь ключом, толкнула ее, но вошла не сразу. Сначала она немного постояла на пороге и окинула рассеянным взглядом пустые комнаты. Ни занавесок, ни мебели, только вытертое тускло-бежевое ковровое покрытие.

Она по-прежнему медлила за дверью, как будто какая-то сила тянула ее назад, как будто она чего-то ждала.

Вдруг она быстро нагнулась, подхватила дорожные сумки, стоящие по обе стороны от нее, и переступила через порог.

Отнесла сумки в спальню. Пустота все больше давила на нее. Когда она приезжала сюда в субботу, здесь еще стояла мебель прежней владелицы. Все комнаты были завалены картонными коробками. Хозяйку, служащую какой-то благотворительной организации, срочно переводили в Германию, в штаб-квартиру.

– Я так благодарна, что кто-то откликнулся на мое объявление, так спешу... Вы не пожалеете, взгляните, какой отсюда вид! – сказала владелица, подводя Миллу к окну. Дом находился во Вредехуке, на Дейвенпорт-стрит; из окна виднелись городские кварталы, а за ними – кусочек моря.

Милла сказала, что квартира ей нравится и она снимет ее.

– Откуда вы? – спросила хозяйка.

– Из другого мира, – тихо ответила Милла.

За круглым столом в кабинете Менц сидели три человека. Все они разительно отличались друг от друга. У директора ПРА лицо было волевое, несмотря на широкие, пухлые губы, не тронутые помадой. Она носила сильные очки в стальной оправе, волосы зачесывала назад, костюмы предпочитала консервативного покроя, носила свободные серые пиджаки – как будто всеми силами пыталась скрыть свою принадлежность к женскому полу. Приглядевшись, можно было заметить у нее на подбородке замазанные тональным кремом следы от угрей. На тонких пальцах не было ни одного кольца. Ногти она не красила. Выражение лица чаще всего было

непроницаемым.

Адвокат Тау Масило был заместителем директора по оперативным и стратегическим вопросам. Сорок три года, плоский живот, пестрые подтяжки, такой же галстук, намек на любовь к яркости. Черты лица сильные, выражение серьезное, взгляд умный. Аккуратная короткая стрижка. Подчиненные между собой называли Масило Никто – из его любимой фразы «никто не безупречен». Тау Масило, флегматичный и хорошо воспитанный, казался им настоящим совершенством. Родным его языком был сесото, но он без труда изъяснялся еще на пяти южноафриканских языках. Менц лично выбрала его своим заместителем.

И третий – Раджкumar, замдиректора по информационным системам, индус с длинными черными волосами, доходящими до копчика. Он достался Менц по наследству.

Раджкumar обладал двумя достоинствами, перевешивавшими все его недостатки: феноменальным интеллектом и способностью разбираться в электронике и цифровом оборудовании. Недостатков у него тоже хватало; он страдал ожирением, отличался крайней обидчивостью и необщительностью. Раджкumar сидел поставив локти на стол, сплетя пухлые пальцы, и пытливо разглядывал свои руки, как будто важнее их ничего на свете не было.

Менц медленно встала.

– Есть другие доказательства?

Раджкumar со всегдашней готовностью и проницательно-

стью ответил:

– Мы посмотрели переписку Верховного комитета – налицо резкое увеличение трафика. По-моему, Измаил прав, они что-то затевают. Только насчет их целей я сомневаюсь...

– Тау?

– Меня беспокоят сообщения из Зимбабве. Мэки больше не в фаворе – они с Мугабе не выносят друг друга.

– Возможно. Скорее всего, груз собираются доставить непосредственно из Омана, а может, из другого места. Нельзя сбрасывать со счетов и Анголу.

– Неужели они в самом деле собираются устроить теракт в Кейптауне? – спросила Менц. – Я согласна с Раджем. В-первых, теракты на нашей территории придутся не по вкусу их партнерам. ХАМАС и «Хезболла» очень благодарны нашему правительству за сочувствие и поддержку. Во-вторых: в чем их выгода? Какую цель они преследуют? Не вижу логики. Они ничего не достигнут, устроив теракт здесь. В-третьих, какой у них может быть мотив, особенно сейчас?

– Афганистан, – ответил Адвокат. – Там снова очаг напряженности... Моджахедам требуются оружие и боеприпасы, но как они их добудут? Пакистан тесно сотрудничает с США и блокирует все каналы поставок. НАТО зорко следит за перевозками с Ближнего Востока. И о Сомали больше не может идти речи – из-за пиратов.

– И цена на опиум падает, – добавил Раджкумар. – Прибыли «Талибана» уже не те, что прежде.

– Откуда же ждать оружия? – спросил Масило и сам себе ответил: – Отсюда!

– Как?

– Не знаю. На корабле?

– Почему бы и нет? – сказал Раджкумар. – В Афганистане нет береговой линии, зато в Иране она есть.

– Тогда почему не доставлять оружие из Индонезии? Там живет много недовольных мусульман.

– Неплохо. Но наверное, точно так же считают и в США. Там большое военное присутствие...

Оба заместителя посмотрели на Менц. Она кивнула, складывая документы перед собой в аккуратную стопку.

– И все же, если верить Измаилу, они хотят устроить теракт здесь...

– Обслуга болтает...

– Радж, ты ведь знаешь, как просачивается информация сверху. – Янина Менц посмотрела на Масило. – Можно кем-то заменить Измаила Мохаммеда?

– Это будет нелегко. Бегство Измаила... их встревожило. В Скотсеклофе они больше не собираются. Нам еще предстоит выяснить, где они нашли новое пристанище. Если вообще нашли.

– Тау, перед нами задача первостепенной важности. Найди их. И еще я требую замены Измаила.

– Быстро не получится.

– У тебя меньше месяца.

Тау Масило покачал головой:

– Мадам, три или четыре года мы почти не уделяли им внимания... У них очень закрытая организация, Измаил внедрился в нее давно.

– Мы должны отыскать кого-то из их числа, с кем удастся... договориться.

– Я подготовлю список кандидатур.

– Радж, почему ты не можешь читать их электронную почту?

– Они пользуются шифром, с которым нам еще не пришлось сталкиваться. Скорее всего, применяют вариант 128-битного шифрования, но суть в том, что нам пока не удастся его взломать. Будем и дальше перехватывать входящие письма... Рано или поздно они ошибутся и забудут зашифровать сообщение. Такое случается... время от времени.

Прежде чем ответить, Янина Менц некоторое время думала.

– Господа, они что-то задумали. Все признаки налицо. Бурная переписка, усиленные меры безопасности, внезапное нападение на Измаила, слухи, так называемый груз после двух лет тишины. Я хочу выяснить, в чем дело. Если вам понадобятся люди или деньги, обращайтесь ко мне. Тау, удвойте бдительность! Нужно подыскать замену Измаилу. Еженедельно представляйте отчеты об их деятельности. Требую от вас сосредоточенности и преданности. Благодарю за то, что сразу откликнулись на приглашение прийти.

Она вышла из дома и достала из белого «рено» еще два чемодана, спальный мешок и надувной матрас. На улице она почувствовала себя неловко. Что о ней подумают новые соседи? Сорокалетняя женщина въезжает в квартиру одна. В глубине ее души таилось смутное, неопределенное беспокойство – как сонная рептилия под водой. Она разложила одежду по встроенным шкафам из дешевого белого меламина. Шкафчик в ванной не вместил всех ее принадлежностей. Захлопнув зеркальную дверцу, она невольно увидела свое отражение. Лицо в зеркале показалось ей почти незнакомым, чужим. Черные волосы, ни длинные, ни короткие, пострижены не слишком удачно. Она давно не красилась – видны седые волоски. Кожа смуглая, землистая. В уголках глаз «гусиные лапки», складки по углам рта. Никакой косметики; лицо безжизненное, усталое. Озарение: господи, Милла, чему ты удивляешься? Ты так себя запустила, какой мужчина захочет с тобой остаться?

Она быстро отвернулась и пошла надувать матрас.

В спальне села на пол, развернула матрас, сунула в рот клапан. В голове теснились слова – как всегда, их оказалось слишком много.

Некоторые из этих слов она потом запишет в дневник:

«Я дошла до такой жизни потому, что женщина, которую я увидела в зеркале, шаг за шагом, день за днем сдавалась, уступала. Как будто играла с кем-то невидимым в пе-

ротягивание каната, и мой соперник мало-помалу выдерживал канат у меня из рук – до тех пор, пока не выскользнул самый кончик. Теперь я понимаю, причина во мне, она у меня под кожей. Вплетена в мои клетки, в структуру моей ДНК. Просто я так устроена. Я не способна. Ничего не получается, как бы я ни старалась и какие бы у меня ни были добрые намерения. Не способна именно из-за моих стараний и намерений. У меня наследственная, неизбежная, врожденная, полная, досадная, жалкая непригодность... Я не гожусь для того, чтобы быть женой этого мужчины. Не гожусь для того, чтобы быть матерью этого мальчика. Сильно подозреваю, что не могу быть вообще ничьей женой, что я вообще не создана для того, чтобы быть женой и матерью».

Зазвонил лежащий в сумке мобильный телефон. Она тщательно, не спеша, заткнула клапан. Она догадывалась, что звонит Кристо. Бывший муж. Бывший во всех отношениях... Значит, нашел конверт.

Она вынула телефон из сумки и посмотрела на дисплей. Так и есть, рабочий номер Кристо.

Сейчас он, наверное, сидит у себя в кабинете, а перед ним лежит ее письмо. И документы от адвоката, в спешке составленные вечером в субботу. Наверное, Кристо закрыл дверь, лицо перекошено, как будто он собирается наброситься на нее со словами: «Ах ты, дура чертова!» Сейчас бранные слова польются из него рекой. Стоит ей принять вызов, как она услышит знакомое: «Гос-споди, Милла, что ты еще приду-

мала?!»

Она пристально смотрела на дисплей; сердце гулко колотилось, руки дрожали. Потом она положила телефон в сумку. Дисплей мерцал внутри нечестивым светом.

Наконец вызов переключился на автоответчик, подсветка погасла. Она знала, что Кристо оставит ей сообщение. Ругательное...

Вздыхнув, она подумала: надо сменить номер. Не успела она снова заняться матрасом, как телефон пикнул: ей пришло сообщение.

5 августа 2009 г., среда

Ближе к вечеру ей привезли заказанный холодильник «Ардо». Когда рабочие ушли, Милла подошла к холодильнику, послушала его успокоительное жужжание. Осмотрела массивный холодильник и подумала: теперь ей есть за что ухватиться. Вот ее первый надежный щит против возвращения, против того, что ее совсем проглотят, съедят. Теперь можно уже не так бояться неопределенного будущего. Зато появился новый повод тревожиться: деньги. Она заказала кровать, диван, обеденный стол, стулья, письменный стол, занавески. Покупки обошлись ей в целое состояние.

Ее сбережения на черный день и скромное наследство значительно уменьшились.

Придется ей найти работу. Срочно. Ради денег. И еще –

ради того, чтобы освободиться.

6 августа 2009 г., четверг

В десять утра она съездила в Дурбанвиль. Время выбрала нарочно такое, когда никого нет дома. Ей хотелось вернуть в гараж спальный мешок и надувной матрас, принадлежавшие Кристо. А потом оставить свои ключи.

Херта-Эрна-стрит.

Кристо только высмеял ее, когда она заявила, что не хочет жить на улице с таким неблагозвучным названием. Он работал с цифрами и никогда не понимал ее отношения к слову, к словам. Не понимал, что слова живые, что в них заключены определенные ритм и чувства. И произношение слова неотделимо от его значения. Звук и эмоции...

Жилой комплекс «Ломбарде» на Херта-Эрна-стрит. Когда они въезжали, ее трясло.

Ей показалось, что створки ворот разъезжаются целую вечность. За воротами высился трехэтажный особняк. В каком-то архитектурном журнале такой стиль называли «Радость застройщика». Или «Тоскана по-трансваальски». В лучшем случае «Современный пригородный дом».

Тогда они вместе ездили смотреть дом. Два месяца потратили на поиски, потому что Кристо непременно хотелось

жить именно здесь. По единственной причине: «Мы можем себе это позволить». Что на самом деле означало: «Мы уже выросли из Стелленберга».

Один дурбанвильский особняк за другим... Она смотрела на них и чувствовала, что всем чего-то недостает. Роскошные, холодные дома без души, без изюминки. Ни в одном не оказалось книжных стеллажей. Вот что больше всего поразило ее – здесь повсюду живут белые богачи, но у них в домах нет книг! Зато бар имеется в каждом доме! Сделанные с выдумкой дорогие деревянные монстры. А какое разнообразие стилей! От стилизованного под железнодорожный вагон до дерева, полированного «под алюминий». Скрытая подсветка выполнена мастерски, на нее потрачено немало сил и средств. Щелкаешь выключателем – и все оживает, раскрывается, разоблачает свое нутро: священное место, святой Грааль со спиртным.

Наконец они увидели этот дом, и Кристо сказал:

– То, что надо!

Дом выглядел дорогим. Тогда она возражала против всего – ей не нравилось даже название улицы. Кристо поднял ее на смех и подписал договор купли-продажи.

Милла въехала в ворота, остановилась у просторного гаража на три машины. Один бокс предназначался для машины Кристо, «Ауди-С7». Второй – для ее «рено». В третьем – мотоциклы Кристо. Игрушки большого мальчика.

Она нажала кнопку на пульте, открывающую гараж. Дверь

открылась. Она вылезла из машины, достала из багажника спальный мешок и надувной матрас.

«Ауди» на месте не оказалось.

Какое облегчение!

Она поспешила к противоположной стене, где были аккуратно разложены вещи Кристо. Положила матрас на место. Немного постояла, испытывая жгучее желание войти в дом через дверь слева. Она понимала, что в дом заходить нельзя. Там она почувствует запах Баренда. Увидит, как они теперь живут без нее. Ощутит силу притяжения прежней жизни.

На улице залаяла собака.

Тоска сдавила ей грудь.

В этом квартале собаки лаяли весь день безостановочно. В очередной раз жалуясь Кристо на свою участь, она так и назвала место их обитания – «Собачий квартал».

– Гос-споди, Милла, ну почему тебе вечно ничего не нравится?

Она вышла из гаража и вернулась к своей машине.

Она оставила машину на парковке возле торгового центра «Палм-Гроув». Надо зайти в «Вулвортс», купить себе что-нибудь на обед... Выходя, она заметила вывеску танцевальной студии Артура Мюррея. Несколько секунд смотрела на нее, совершенно забыв, где она и что собиралась сделать. Лишнее доказательство того, что последнее время она жила как в тумане.

У входа в супермаркет пахло цветами; она посмотрела на них – какие яркие! Как будто впервые в жизни увидела цветы. Она вспомнила, что записала вчера вечером в дневнике: *«Как мне снова стать той, кем я была до Р. К – до рождения Кристова?»*

Уже подойдя к «рено», она обернулась и снова посмотрела на вывеску.

Танцы... Кристо никогда не танцевал. Даже в университете. Почему она так безропотно мирилась со всеми его решениями, вкусами, пристрастиями? В молодости она очень любила танцевать... Правда, это было очень давно, до того, как все переменялось.

Она отперла машину, села за руль, а цветы и целлофановый пакет с обедом положила на пассажирское сиденье.

Она свободна от Кристо!

Милла вышла из машины, заперла ее и отправилась разыскивать танцевальную студию.

На паркетном полу, освещенном лучами солнца из окон, танцевали мужчина и женщина. Оба молодые. На партнере черные брюки, белая рубашка, черный жилет. На партнерше – короткое винно-красное платье, которое подчеркивает длинные красивые ноги. Из динамиков лились звуки танго; танцоры скользили по деревянному полу легко и искусно, словно без труда.

Милла неотрывно смотрела на них, замороженная их кра-

сотой, плавностью и слаженностью их движений. Оба явно получали удовольствие от танца, и ее заполнила неожиданная тоска – захотелось научиться что-то делать так же красиво и хорошо. Заняться чем-нибудь ради удовольствия, забыться, жить полной жизнью, брать и отдавать.

Вот бы ей научиться танцевать так же свободно и непринужденно!

Преодолев смущение, она подошла к стойке администратора. Молодая женщина приветствовала ее улыбкой.

– Я хочу учиться, – сказала Милла.

7 августа 2009 г., пятница

Она постриглась и покрасилась. Тщательно выбрала костюм. Ей хотелось создать видимость неформальной деловитости и вместе с тем небрежной элегантности. Сапоги, свободные брюки, свитер и красный шарф. Сидя в ожидании подруги в кофейне «Медиа-24», она вдруг засомневалась. Может, она слишком густо накрасилась? Может, шарф у нее слишком кричащий? Или она, наоборот, выглядит слишком официально, как будто ей очень хочется получить эту работу?

Подойдя к столику, подруга воскликнула:

– Милла! Ты чудесно выглядишь!

– Ты так думаешь?

– Ты ведь и сама знаешь, что ты красавица.

Нет, она этого не знала.

Когда-то, семнадцать лет назад, они с подругой вместе учились в университете. Потом подруга стала журналисткой, сделала карьеру. Сейчас она работала заместителем редактора известного женского журнала и любила порассуждать об ударе и восклицательных знаках.

– Рассказывай же, как у тебя дела!

– Нормально... – И помявшись: – Хочу работать.

– Писать свою книгу? Наконец-то!

– Я подумывала о журналистике...

– Нет, Милла! Зачем? У тебя что, неприятности?

Она понимала, что сейчас еще не время рассказывать обо всем. Поэтому она просто пожала плечами и ответила:

– Баренд вырос, и мне больше не нужно сидеть дома...

– Милла! Не вовремя ты это затеяла. Цвет кожи у тебя неподходящий. К тому же у тебя ни опыта, ни хорошего резюме. И диплом тебе не поможет – в твоём-то возрасте. Тебе придется конкурировать с сотнями амбициозных, высококвалифицированных молодых людей, которые готовы работать почти даром. Ты только подумай, они прекрасно разбираются в электронике, в цифровых средствах массовой информации... У них это почти врожденное. А ты? К тому же сейчас кризис, ты в курсе? Мы все буквально боремся за выживание! Ты хоть представляешь, сколько журналов закрывается каждый месяц? Людей выкидывают на улицу, а тем, кто остался, замораживают или даже урезают зарплату. Ты

не могла выбрать худшее время, чтобы искать работу. Лучше скажи Кристо, что хочешь открыть бутик или, к примеру, кофейню. А о журналистике забудь!

9 августа 2009 г., воскресенье

Она сидела в гостиной на своем новом диване и просматривала раздел «Работа» в «Санди тайме». Особое внимание уделяла объявлениям о найме служащих в средства массовой информации. В основном ей попадались предложения различных интернет-порталов, которым требовались «менеджеры интернет-магазинов, разработчики сайтов и блогов на WordPress (PHP), создатели сайтов (в том числе для мобильных телефонов), веб-дизайнеры».

Ее тревога росла. Росло и сомнение. Ничего у нее не получится, она не справится. Подруга права. Вечером в пятницу консультант агентства по найму персонала сказал Милле то же самое, только замаскированное политкорректными формулировками и корпоративными эвфемизмами. У нее нет никаких надежд.

Она не смирилась. Сначала обзванивала редакции журналов – одного за другим. Начала с самых известных, дошла до ежедневных изданий – как на африкаанс, так и на английском. После общенациональных журналов нехотя перешла к местным изданиям, еженедельным таблоидам и, наконец, в отчаянии попробовала устроиться в какой-нибудь корпора-

тивный журналчик.

Безуспешно. Все твердили одно и то же: нет вакансий. И все-таки пришлите свое резюме.

Перевернув страницу, она увидела внизу объявление, набранное мелким шрифтом, но прописными буквами: «**Требуется журналист.** Постоянная работа в Кейптауне. Желателен опыт работы по специальности. Требования: способность к анализу, творческие навыки, умение работать в команде, высшее образование. Достойная заработная плата. Спрашивать миссис Нкоси. Заявления принимаются до 31.07.09».

Храбрости ей придало слово «желателен». Милла выпрямилась, сложила газету объявлением вверх и поднесла к губам чашку чая ройбуш.

11 августа 2009 г., вторник

Без пяти час по Коронейшн-стрит, мимо мечети, возле которой стояли припаркованные машины, шел бездомный бродяга. Левой рукой он толкал тележку со своим имуществом, а в правой сжимал пакет из оберточной бумаги, в котором явно была бутылка. Он шатался, как пьяный.

Улица была пустынна, владельцы машин находились в мечети на дневной молитве. Рядом с белой «хёндэ-элантрой» 1998 года выпуска бродяга споткнулся и упал. Пакет он поднял повыше – наверное, боялся, что разобьет бутылку. Он немного полежал на месте. Попытался встать, но безуспешно. Пополз вперед, и голова его оказалась под машиной, рядом с задним колесом. Он снова застыл, как будто думал, не стоит ли полежать и отдохнуть в тени. Видимо, решил выпить; руки и верхняя часть туловища оказались под машиной. Бродяга еще немного полежал под «хёндэ» и медленно выполз.

Бутылку он поставил на асфальт, а сам попытался встать, опершись рукой о крыло. Он долго шатался, боясь разогнуться, и наконец с большим трудом выпрямился.

Отряхнул свои лохмотья от воображаемой пыли, взял бутылку и, по-прежнему нетвердо держась на ногах, не спеша

покатил свою тележку дальше.

Раджив Раджкумар сидел в аппаратной Президентского разведывательного агентства рядом с оператором, а Квинн, начальник оперативного отдела, стоял у них за спинами. Все трое смотрели на компьютерный монитор с изображением карты Кейптауна.

Квинн покосился на свои наручные часы и снова перевел взгляд на монитор.

Внезапно тишину нарушил электронный сигнал. На мониторе появился крошечный красный треугольник.

– Увеличь, – распорядился Раджкумар.

Оператор кликнул по иконке «Масштаб» и несколько раз – по треугольнику. На карте высветилось название улицы: Коронейшн-стрит.

– По-моему, игра пошла, – сказал Раджкумар.

– Подожду доклада Терри, – ответил Квинн. – Но пока все идет нормально.

Квинн, начальник оперативного отдела, подчинялся непосредственно Адвокату Тау Масило, заместителю директора по оперативным и стратегическим вопросам. Явившись под вечер в кабинет начальника, Квинн рассказал Масило, что GPS-передатчик успешно поставлен в машину «хёндэ-элантра», принадлежащую Бабу Раяну. По оперативным данным, машина больше часа простояла перед одним домом в Верх-

нем Вудстоке по адресу: Чемберлен-стрит, 15.

- Добавьте наблюдение в движении, – велел Масило.
- Мотоцикл с рекламой аптеки подойдет?
- Подойдет.
- Сейчас распоряжусь.

Фотокопия дневника Миллы Страхан

Дата: 11 августа 2009 г.

Свинг. Раз-два-три, раз-два-три. Шаг назад.

Фокстрот. Медленно. Медленно. Быстро. Быстро.

Вальс. Раз. Два. Три.

Танго. Медленно... Медленно... Медленно... Быстро, быстро. Танцевальная азбука Морзе. Артур Мюррей называет их «обязательными фигурами» – как в фигурном катании. Мне приходится всему учиться заново, как ребенок учится ходить. Как я отличаюсь от той женщины, которую видела здесь в прошлый четверг! И все же во всем этом есть нечто успокаивающее: если хочешь чему-то научиться, надо с чего-то начать. С самого начала. Шаг за шагом. Как ни странно, учеба облегчает тревогу, убирает неуверенность в себе.

14 августа 2009 г., пятница

У себя в кабинете за круглым столом Янина Менц рас-

сказала Раджкумару и Масило о предположительных планах президента по созданию единой разведывательной службы. Масило никак не отреагировал на ее сообщение. Раджкумар придиричиво разглядывал заусенец на пальце.

– На карту поставлена наша работа, – напомнила Менц.

Раджкумар принялся отгрызать заусенец.

– Никто, кроме нас, не в курсе телодвижений Верховного комитета? – спросила она.

– Конечно, никто, – ответил Тау Масило.

– Значит, нам надо поднажать.

– Так вы думаете, что...

– Да, Радж, я думаю, что Верховный комитет – наша козырная карта. Наша последняя надежда. Если только вы не знаете другого способа поправить наше положение...

– Нет...

– Тогда нам всем лучше постараться, если не хотите прозябать во вспомогательном офисе нового суперпупер-разведывательного конгломерата, о котором мечтает президент, и ругать себя за то, что вовремя не проявили усердие и проворство, когда у нас была такая возможность.

– А если мы правы? Если они вовсе не собираются устраивать в Кейптауне теракт, а просто «Аль-Каида» из последних сил пытается переправить партию «Калашниковых» в Афганистан?

– Тогда, Радж, придется нам придумать, как обратить этот маленький фактик в нашу пользу.

Милла Страхан читала, когда в половине четвертого зазвонил ее мобильник. На дисплее высветилось: «Неизвестный номер».

– Алло?

– Это Милла Страхан?

– Да.

– Меня зовут миссис Нкоси. Я из агентства. У меня для вас хорошая новость. Вы приглашены на собеседование.

– Ах... – Она испытала облегчение, удивление и благодарность.

– Вы еще заинтересованы в этой работе?

– Да.

– Можете прийти на следующей неделе?

– Да... Да, могу.

– Как насчет среды?

– Среда? Хорошо... – Она чуть не воскликнула: «Замечательно!», ей пришлось урезонивать себя. Нельзя показывать, как страстно она хочет получить работу и как благодарна миссис Нкоси за то, что та ей позвонила.

– Чудесно. Тогда в двенадцать часов?

18 августа 2009 г., вторник

Адвокат Тау Масило открыл лежащую на коленях папку, достал оттуда фотографии и одну положил ее перед Менц.

– Снято вчера вечером из проезжающего «аптечного» мотоцикла по адресу: Вудсток, Чемберлен-стрит, пятнадцать...

На фотографии Менц увидела Шейха, или Сулеймана Долли, председателя Верховного комитета, который обходил машину спереди.

– Весьма вероятно, что теперь они собираются там, – добавил Тау.

Рассматривая снимки, Янина Менц заметила:

– Они выбрали неплохое место.

– Да. Это о чем-то говорит. Вот, взгляните. Долли больше не ездит на «вольво». Значит, вдруг стал осторожничать. Они нашли новое место сборищ и поселили там сторожа. Мы видели, как Бабу привез туда свои вещи. Дом на две семьи, с общей стеной. Все выбрано грамотно. Жители квартала принадлежат к среднему классу; днем почти все соседи на работе. Тихая улица, мало любопытных глаз. Незнакомые машины сразу становятся объектом внимания. Дом трехэтажный, из окон верхнего этажа хорошо просматривается вся улица.

– Они постарались на славу, – заметила Менц.

– Вот именно. Для этого должна быть причина.

– Что ты собираешься делать?

– У нас единственный выход: поселить наших людей в один из четырех домов напротив. Сейчас мы просматриваем документы владельцев. Было бы идеально, если бы один из домов сдавался...

– Тау, чем это нам поможет?

– Что вы имеете в виду?

– Чем нам поможет, если мы поселим кого-нибудь в один из домов напротив? Мы получим еще несколько снимков, на которых подозреваемые входят в дом или выходят из него, но ничего нового о них мы не узнаем. Мы должны знать, о чем они говорят.

– Мадам, мы замыслили нечто большее, чем фото– и видеосъемка.

– Что же?

– В доме напротив установим сотовые антенны, параболические микрофоны направленного действия...

Менц пренебрежительно отмахнулась.

Масило не смутился.

– Взгляните, к примеру, на фасад интересующего нас дома. Если удастся заменить один из шурупов электроакустическим микрофоном...

– Что значит «если»?

– Мадам, вы ведь понимаете, вначале необходимо произвести разведку.

– Тау, иногда у меня складывается впечатление, что мы просто играем. Играем в шпионов и собираем современные технические игрушки. Совсем как в кино: сплошное удовольствие и развлечения. Но когда речь заходит о результатах, оказывается, что этого недостаточно.

– Не согласен...

– Можете не соглашаться, сколько хотите, но где результаты? Мы внедрили в Верховный комитет Измаила Мохаммеда, вели прослушку с помощью таких суперсовременных средств, которые недоступны моему пониманию, и что же в результате? Полный тупик!

– Не совсем.

Янина Менц поморщилась и покачала головой:

– Тау, мне нужны результаты!

Он улыбнулся:

– Результаты будут.

19 августа 2009 г., среда

– Вы бы могли назвать себя амбициозной? – спросила миссис Нкоси – по-матерински добродушная женщина среднего возраста.

Милла задумалась перед тем, как ответить, потому что подозревала, что вопрос с подковыркой.

– Я верю в то, что, если усердно трудиться, честно исполнять свои обязанности и делать все, что в твоих силах, мож-

но добиться успеха.

Миссис Нкоси в очередной раз с довольным видом ответила: «Угу» и что-то черкнула в своих записях. Потом подняла голову:

– Расскажите о себе. Вашу биографию.

Такую просьбу Милла ожидала и подготовилась заранее.

– Я родилась в Веллингтоне, там выросла и закончила школу. Моя мать была домохозяйкой...

– Домохозяйкой, – повторила миссис Нкоси с таким радостным видом, как будто домохозяйка – самая благородная профессия.

– Да, – сказала Милла. – А отец был бизнесменом, наверное, можно сказать и так...

Операция «Шавваль»

**Расшифровка прослушивания М.
Страхан, проживающей по адресу:
Вредехук, Дейвенпорт-стрит, дом 14**

Дата и время: 7 октября 2009 г., 23.09

М. С.: Мои мама с папой были не просто хиппи, а африканерами-хиппи. Из-за своей эксцентричности они очень от-

личались от родителей других детей. Я до сих пор не до конца понимаю... какое действие их образ жизни оказал на меня. Бывало, я их стыдилась... Понимаете, мама была... Иногда она ходила по дому голышом, когда мы оставались одни. Папа время от времени курил марихуану. Дома, в гостиной. Он и работал дома. Устроил себе мастерскую в гараже. Сначала он чинил кассовые аппараты. Потом переключился на компьютеры... Он был... не просто чудаком, он был умным. Много читал: научные труды, книги по истории, философии... Был горячим поклонником Бертрانا Рассела, себя считал умеренным пацифистом. Вот его любимая цитата из Рассела: «Свободный ум – главный двигатель человеческого прогресса»...

– Я вышла замуж в тот год, когда закончила факультет журналистики и получила диплом. Вскоре я забеременела. Потом... – она смущенно улыбнулась и замолчала, словно не решаясь признаться миссис Нкоси, чем занималась, – я семнадцать лет была домохозяйкой. А теперь я снова сама по себе. Должна добавить, что официально я еще не Страхан. Это моя девичья фамилия, но бракоразводный процесс еще не завершен...

– Вот и хорошо, – сказала миссис Нкоси. – И давно вы сама по себе?

– Уже несколько месяцев, – солгала Милла, чувствуя в том необходимость.

– Хорошо, – сказала миссис Нкоси.

Милла понятия не имела, чего хорошего в том, что она живет одна. Вообще собеседование произвело на нее какое-то странное впечатление. Само агентство по подбору персонала ее сильно разочаровало. Оно помещалось на шестом этаже серого, непримечательного здания на Уэйл-стрит; буквы на двери оказались маленькими, почти неразборчивыми. «Агентство по подбору персонала». Безликая мебель, занавески, ковровое покрытие нагоняли смутную тоску. Интересно, в каком издании ей предложат работу? Наверное, в каком-нибудь небольшом отраслевом журнальчике или в новой бесплатной газете рекламных объявлений, которая выходит в пригородах...

Собеседование продолжалось часа полтора; Милла, словно извиняясь, подробно рассказала свою биографию, по просьбе миссис Нкоси поведала о себе, о своих воззрениях и политических взглядах. Всякий раз миссис Нкоси с энтузиазмом кивала и поощряла ее словами «хорошо» или даже «чудесно». Иногда она заинтересованно хмыкала.

Наконец она сказала:

– Может быть, вы тоже хотите меня о чем-то спросить?
– Мне хотелось бы знать, в каком издании я буду работать.
– Откровенно говоря, издания как такового нет. Мои клиенты попросили подыскать им сотрудника с опытом работы в журналистике ради навыков сбора, обработки и анализа информации. И конечно, им нужны люди, которые умеют связ-

но излагать свои мысли. – Миссис Нкоси сверилась со своими записями. – Кандидат, успешно прошедший собеседование, будет отвечать за сбор и структурирование данных, написание кратких, ясных и читабельных отчетов для руководства. Отчеты играют ключевую роль в процессе принятия важных решений.

– Вот как... – Милла не скрыла разочарования.

– Работа очень ответственная, – добавила миссис Нкоси.

Милла кивнула, забывшись в мыслях.

– Зарабатывать вы будете столько же, сколько сотрудник любого печатного издания. Может быть, немного больше.

– О каком учреждении идет речь?

– Пока я не уполномочена об этом говорить.

Фотокопия дневника Миллы Страхан

Дата: 20 августа 2009 г.

Закончен вводный цикл, первые шесть танцевальных уроков. Теперь у меня новый инструктор, мистер Содерстром. Не знаю, как его имя, таков обычай у Артура Мюррея – старомодные формы обращения: мистер... миссис... мисс... обходительность и достоинство. Мистер Содерстром строен и невероятно хорошо танцует. После первого занятия, которое далось мне с огромным трудом, я спросила, как он считает, получится ли у меня что-нибудь.

– О да! – просиял он. – Вы непременно будете танцевать! По-моему, то же самое он говорит всем ученикам.

Три часа просидела перед компьютером, пытаясь писать свою книгу. Ничего не получается. Интересно, есть ли обязательная программа для того, чтобы стать писательницей? Так называемая «школа», своего рода «раз-два-три» для любителей? Мысли разбегаются, летят в совершенно неожиданные места. Я размышляю о природе свободы, ее относительности. О свободе, ограничиваемой совестью, сильным желанием, чувством вины, зависимостью от других, деньгами, по-

ощрением, внутренним устройством, талантом и целями. И мужеством. Свою я потеряла где-то в северных пригородах много лет назад.

24 августа 2009 г., понедельник

Милла покупала продукты в торговом центре «Гарденз», когда ей позвонил Кемп, ее адвокат.

– У меня две новости. Во-первых, сын прислал вам письмо. и еще звонил Кристо, очень злой. Сказал, что к нему на работу приходили какие-то люди и расспрашивали его о вас.

– Обо мне? – растерялась Милла.

– Очевидно, вы собираетесь куда-то устроиться на работу.

Милла с трудом сообразила, в чем дело.

– Значит, вы в самом деле хотите пойти работать? – спросил Кемп.

– Да...

– По словам Кристо, его спрашивали о ваших политических взглядах.

– Моих политических взглядах?

– Можно спросить, на какую работу вы хотите устроиться?

– Дело в том, что... в агентстве мне толком ничего не сказали. Я знаю только, что работа связана с журналистикой... Что им сказал Кристо?

– Хотите услышать его точные слова?

– Да.

– Что вы отъявленная коммунистка, как и ваш отец. И чокнутая, как ваша мать. Очевидно, он был очень расстроен, для него это стало полной неожиданностью, он сказал, что вы должны были его предупредить...

– Как я могла... – Она услышала сигнал второго входящего звонка. – Гус, мне надо идти...

– Письмо вашего сына я пришлю с курьером.

– Спасибо, Гус!

Адвокат попрощался, и она посмотрела на дисплей. «Неизвестный номер».

– Алло?

– Здравствуйте, Милла, говорит миссис Нкоси...

Милле хотелось спросить, зачем кому-то понадобилось расспрашивать о ней ее бывшего мужа, намекнуть на то, что методы ее будущих работодателей, мягко говоря, оставляют желать лучшего. Но ее собеседница, не дав ей ничего сказать, продолжала:

– У меня для вас отличная новость. Вы включены в список кандидатов. Можете завтра приехать на еще одно собеседование?

От неожиданности Милла переспросила:

– Завтра?

– Если вам это удобно.

– Конечно.

Они договорились о времени и попрощались. Ошелом-

ленная Милла совершенно забыла, что стоит в магазине с тележкой, забитой продуктами. Очевидно, слова Кристо о ее отце-коммунисте не сильно навредили ей.

Милла пошла в табачный отдел и купила себе пачку сигарет и зажигалку «Бик». Впервые за восемнадцать лет.

В оперативном штабе Президентского разведывательного агентства на большом экране появился снимок цветного мужчины в деловом костюме, выходящего из машины. Темный костюм, белая рубашка и серый галстук подобраны со вкусом. Черная сумка через плечо. Снимок смазанный, расплывчатый; похоже, снимали телеобъективом.

Янина Менц и Адвокат Тау Масило внимательно смотрели на экран. За ними стоял Квинн, правая рука Масило, начальник оперативного отдела. Он показал на экран и пояснил:

– Это один из членов Верховного комитета, Шахид Латиф Осман. Его нечасто можно увидеть в европейском костюме, обычно он носит традиционную мусульманскую одежду. Его сфотографировали в воскресенье, примерно в половине первого, в пятизвездном отеле в Морнингсайде, в Йоханнесбурге. Осман зарегистрировался под именем Абдула Галли. Здесь он уже возвращается в аэропорт. Двадцать минут назад вот этот человек... – Квинн нажал левую кнопку мыши, и на экране появился другой снимок, – также покинул гостиницу. – Крупный чернокожий, одетый в темно-си-

нюю куртку и серые брюки, садится на пассажирское сиденье БМВ-Х5 перед отелем. – Сегодня утром мы установили его личность по регистрационным номерам машины. Его зовут Юлиус Нхлаканипо Шабангу. Известен под кличкой Инкунзи, что на языке зулу означает «бык». Больше всего сведений о нем содержится в базе данных Управления уголовного розыска ЮАПС. Он – один из главарей организованной преступной группировки в провинции Гаутенг. Имеет судимости; два раза отбывал срок за вооруженное ограбление. Подозревают, что именно он возглавляет банду налетчиков, которая за последние четыре года совершила несколько разбойных нападений на инкассаторов. Больше сведений об Инкунзи содержится в базе данных бывших «Скорпионов», но, чтобы попасть туда, требуется больше времени.

– По словам человека из кухонной службы, Шабангу и Осман встречались в библиотеке, за закрытыми дверями, – сказал Адвокат.

Квинн кивнул и ткнул пальцем в экран:

– Шабангу приехал в отель в десять утра. Шофер остался ждать его снаружи. Через два часа Шабангу вышел. Вскоре после него появился и Осман, который не покидал отеля со вчерашнего вечера.

– Интересно, – протянула Янина Менц.

– Раньше эти двое вроде бы не встречались – во всяком случае, мы их не фиксировали. Осман часто ездит в Йоханнесбург, но обычно посещает мечети в Ленасии, Мейфэре и

Лодиуме. Шабангу в тех местах никогда не видели, – сказал Квинн.

– Новый союз. – Янина Менц была довольна. Хоть какой-то успех.

– Странные союзнички, – заметил Тау Масило.

– Полагаю, нам интереснее Шабангу.

– Вот именно.

Перед тем как вскрывать письмо сына, ей захотелось закурить. Она вспомнила, что у нее нет пепельницы, и сходила на кухню за блюдцем. Закурила, глубоко затянулась, закашлялась.

Она выкурила всю сигарету, неотрывно глядя на письмо, лежащее на кофейном столике. Нехотя взяла конверт, вскрыла.

«Дорогая мама!

Прости меня пожалуйста за то, что я тебе нагрубил. Я был неправ. Я не ценил тебя, пока ты была рядом. Но теперь я все понял, клянусь! Если ты простишь меня, я все для тебя сделаю. Клянусь! Папа говорит, если вы с ним все обсудите, то обязательно помиритесь. Мама, я очень скучаю по тебе. Ты мне нужна! Не знаю, что сказать друзьям. Позвони мне! Баренд».

Почерк у сына всегда был плохим, иногда неразборчивым.

Интересно, где он нашел такую бумагу – тонкую, дорогую. Милла сразу поняла, что сейчас он писал медленно и старательно. Хотя и сделал грубую орфографическую ошибку.

Милла оттолкнула от себя письмо, потому что ее мучили чувство вины и тоска.

Среди ночи она лежала в постели, в раскаянии глядя на потолок и стены. Пытаясь победить чувство вины, она мысленно сочиняла ответ Баренду.

«Позволь сказать тебе всю правду: разговор с твоим отцом ничему не поможет, потому что я больше его не люблю. Мне очень стыдно, но я уже не помню, любила ли я его когда-нибудь. Ненависти к нему у меня тоже нет. Ненависть прошла уже очень давно. Я ничего к нему не чувствую.

Тебя я люблю, потому что ты мой сын.

Но любовь – как письмо. Она существует, только если есть адресат, который принимает ее. Признайся, что ты уже давно не принимаешь мою любовь. Ты, Баренд, сейчас просишь, умоляешь простить тебя, ты раскаиваешься. Где было твоё раскаяние, когда я время от времени подсаживалась к тебе и тихо, ласково просила разговаривать со мной нормально? Настоящий мужчина умеет нормально разговаривать с женщиной... Физически ты гораздо сильнее меня; иногда я тебя боюсь. Не буду перечислять твои недостатки; так и вижу, как ты закатываешь глаза. Твои недостатки типичны для подростка, живущего в богатом квартале:

в твоей комнате настоящий свинарник, ты всегда, несмотря на мои просьбы, швыряешь грязное белье на пол ванной. Дома ты вечно не в настроении. Ты эгоист. Со мной разговариваешь так, словно делаешь мне огромное одолжение. Как будто я назойливая муха, от которой можно лишь отмахнуться. Ты не желаешь думать ни о ком, кроме себя самого; ты эгоцентрик. То и дело клянчишь деньги, вещи, требуешь одолжений. На отказы реагируешь криками и бранью. Еще мне не нравятся твои бесконечные несправедливые обвинения, склонность манипулировать, ложь. Ты давишь на меня, готов на все, чтобы добиться своего, но я люблю тебя, несмотря ни на что, хотя это не значит, что я буду всегда мириться с твоими недостатками».

Она составляла письмо в уме, понимая, что никогда не перенесет мысли на бумагу.

Завтра утром она все же напишет Баренду. Объяснит, что она пока не будет ему звонить. Сначала ей нужно встать на ноги. Но они могут переписываться; она будет отвечать на его письма.

Она напишет, что уже простила его. Что бесконечно любит его.

25 августа 2009 г., вторник

В том же невыразительном кабинете, нагоняющем на нее смутную тоску, состоялось еще одно собеседование. На сей раз ее ждали четыре человека: по-прежнему жизнерадостная миссис Нкоси, чернокожий мужчина, назвавшийся просто Беном, – он сидел у стены – и еще двое, которые представиться не соизволили. Одним из них оказался очень толстый индус, второй – белая женщина за пятьдесят.

– Не скрою, меня немного удивило, что вы наводили обо мне справки, – осторожно начала Милла, обращаясь к добродушной миссис Нкоси.

– Все обусловлено соглашением, – ответил Бен, напомнивший Милле цитату из Шекспира. Он был похож на одного из тех «тощих, с голодным блеском в глазах», о которых говорит Юлий Цезарь. – Так надо. Предупреждать заранее ни к чему. Это подрывает доверие. – Фразы у него рубленые, маршируют, как солдаты.

– Зато вы включены в список кандидатов, – сказала миссис Нкоси. – Характер работы я вам в общих чертах уже описала. А теперь вы узнаете и кое-какие подробности.

– Работа на правительственное агентство. Очень ответственная. Вы хотите работать на правительство? – спросил

Бен.

– Да, я... Можно узнать, у кого еще вы наводили обо мне справки?

– Обычно мы изучаем послужной список соискателя. Беседуем с прежними работодателями и коллегами. С вами все несколько по-иному. Мы говорили с вашим бывшим мужем. Бывшим школьным учителем. Бывшим университетским преподавателем. Вы сдали экзамен на отлично.

Ей очень хотелось спросить, с каким именно ее школьным учителем они беседовали. В Веллингтоне множество консерваторов, сторонников тайной организации «Брудербонд»³...

– Итак. Работа. На государственную организацию. Решающий фактор – секретность. Запомните: рассказывать о своей работе – о том, чем вы занимаетесь на самом деле, – нельзя. Придется лгать. Друзьям. Родственникам. Лгать постоянно. Возможно, вам будет нелегко.

– Вначале, на самом деле только в самом начале, – примирительно говорит миссис Нкоси. – Вы привыкнете!

– Конечно, вас ждет специальная подготовка. Без нее вы не справитесь. Но, возможно, вы думали вовсе не о такой работе...

– Знаете... я и понятия не имела...

– Мы понимаем, все внезапно, неожиданно. Не волнуйтесь, у вас будет много времени на то, чтобы все обдумать.

³ «Б р у д е р б о н д» – бурская националистическая организация, созданная в 1918 г.

Но если сейчас вам кажется, что вы категорически против такой работы...

– Нет, – сказала Милла Страхан. – Я... мне кажется... это интересно.

27 августа 2009 г., четверг

Раджив Раджкумар хорошо изучил Янину Менц и знал, как легче всего завоевать ее благосклонность.

– Я насчет кандидатки в Отчетную группу...

– Да?

– Мне кажется, она – самая сильная, – сказал он, стуча ногтем по папке.

– Почему?

– Она умна, правда, на собеседовании немного волновалась, но с Беном бывает трудно иметь дело. В политическом смысле почти нейтральна; в прошлом придерживалась либеральных взглядов. Живет одна. Еще одно преимущество – она может приступить к работе с первого числа.

– У нее нет подходящего опыта.

– Ни у кого из соискателей нет опыта. Как показывает практика, это даже лучше. Нет дурных журналистских привычек...

Янина Менц хмыкнула.

Раджкумар терпеливо ждал, потому что знал: Менц внимательно читала расшифровку бесед со всеми соискателями.

Он понимал, какие именно качества заслужат ее одобрение.

Собеседование с соискателем

Вакантная должность — Отчетная группа

Соискатель: М. Страхан, опрошенная Б. Б. и Я. Н.

Дата и время: 25 августа 2009 г., 10.30.

Б. Б.: Вы намерены получать алименты?

М. С.: Нет.

Б. Б.: Почему? Вы, безусловно, можете на них рассчитывать. А ваш муж — человек состоятельный.

М. С.: Если я приму от него деньги, это будет признанием моей зависимости. И подчиненного положения. Слабости. Я не слабая.

— Да, — сказала, наконец, Янина Менц. — Берите ее.

1 сентября 2009 г., вторник

В тренировочном зале четырнадцать стульев, впереди кафедра, но они с сотрудником, который вводит ее в курс будущей работы, сидят бок о бок. Его лицо серьезно, сурово. Он монотонно бубнит:

— Легенда — это то, что вы будете говорить о своей работе родным и друзьям. В вашем случае легенда — «Еженедель-

ные новости». Такое издание в самом деле существует, оно издается правительственным Департаментом связи, распространяется в министерствах и ведомствах. Вы скажете всем, что работаете там, ваша задача – ежедневно просматривать печатные и электронные СМИ и анализ новостей из провинций Лимпопо и Мпумаланга. Кроме того, вы ведете колонку в еженедельном бюллетене. Вам следует знать, что такие новости в самом деле важны для членов правительства, министерств и ведомств. Поэтому вы будете просматривать реально существующий еженедельный бюллетень, чтобы ознакомиться с его содержанием. Далее, достоверная легенда нуждается в деталях. Вы будете говорить родным и близким, что надеетесь в будущем составлять обзоры по более крупным регионам, например заниматься всей Западной Капской провинцией, и, может быть, через несколько лет стать помощницей главного редактора.

Милла вскользя подумала, почему ей не велят метить выше – скажем, на место самого главного редактора.

Перед обедом она знакомится со своей новой начальницей, миссис Киллиан, главой Отчетной группы, как называл их отдел сотрудник, введивший ее в курс дела. Милла узнала ее; это она тихо сидела у стенки во время последнего собеседования. Выражение лица приветливое – ни дать ни взять добрая бабушка. С остальными коллегами она успела лишь обменяться рукопожатиями. Одна сотрудница, Джес-

сика, чуть моложе ее, рыжеволосая, полногрудая. В группе есть еще двое лысых пожилых мужчин, чьих имен она не запомнила. Милла поняла, что одета слишком нарядно. На Джессике старый просторный свитер и джинсы, а один из старичков носит галстук и жилет в клетку.

2 сентября 2009 г., среда

Янина Менц долго перечитывала заметку в «Бургере» под названием «Новые вопросы об источниках оружия».

Потом, едва заметно улыбнувшись, она извлекла из ящика стола ножницы и вырезала заметку. Перед тем как положить ее в новую папку, еще раз прочла ее. Особенно ей понравился пятый абзац, в котором приводились слова Давида Мейнира, члена парламента от партии «Демократический альянс»: «То, что сейчас происходит, неправильно. Мы намерены поставлять летные костюмы для режима Махмуда Ахмадинежада. Мы продаем Муаммару Каддафи гранатометы и ракетные комплексы, которые можно переоборудовать для запуска ракет с ядерными боеголовками, поставляем оружие в Венесуэлу, Уго Чавесу. Правительство должно объяснить, почему оно продает оружие нескольким государствам-париям – к тому же нелегально».

2 сентября, в среду, в 10.14 красная «тойота-королла» с регистрационными номерами Восточной Капской про-

винции остановилась перед домом номер 16А по Чемберлен-стрит. Дом стоял в ряду таких же двухэтажных домов на две семьи, но каждый соседний дом был выкрашен в другой цвет. Так, номер 16А оказался неопишемого розово-фиолетового цвета. Калитка была ярко-красной, с красными же верхушками боковых столбов. Из машины не спеша, потягиваясь, вышли цветные мужчина и женщина лет тридцати с небольшим и отперли калитку. Похоже, они проделали долгий, утомительный путь. Молодой человек достал из кармана ключи и отпер парадную дверь. Пара скрылась в доме, пустовавшем со вчерашнего дня.

Примерно четверть часа спустя перед домом остановился грузовик с броской надписью на бортах: «Афромир. Перевозки, переезды. Порт-Элизабет».

Цветная пара вышла из парадной двери; они поздоровались с водителем и показали на дом.

В доме номер 15, расположенном на другой стороне улицы, чуть наискосок, у окна верхнего этажа стоял Бабу Раян, член Верховного комитета, и наблюдал за происходящим. Рабочие откинули задний борт, стали доставать неброскую, простую мебель...

На вечернем совещании Адвокат Тау Масило сообщил, что двое сотрудников ПРА успешно вселились в дом напротив штаб-квартиры Верховного комитета. Тау терпеть не мог слова «агент» и последовательно исключал его из лексико-

на ПРА: «Мы не страховые полисы продаем». Ни на какие уступки он не соглашался.

– Мадам, неделю или две наши оперативники будут приглядываться. Завтра мужчина приступит к работе в компании по продаже запчастей на Виктория-стрит. Женщина играет роль обычной домохозяйки. Пока она будет вести визуальное наблюдение за домом номер 15 по Чемберлен-стрит. Микрофоны направленного действия и антенны по перехвату сотовой связи мы спрятали в мебели. Сегодня наш сотрудник все наладит, и завтра техника будет работать. Остается лишь встроить электроакустический микрофон, но это можно будет сделать только после того, как мы изучим график их передвижений...

– Тау, вы молодцы.

– Спасибо, мадам!

Менц перевела взгляд на Раджкумара, заранее догадываясь, что у индуса тоже хорошие новости. С самого начала совещания он сидел расплывшись в самодовольной улыбке.

– Говори, Радж!

– Мы получили весьма любопытные сведения о Юлиусе Шабангу, нашей центральной фигуре в Йобурге...

Менц вопросительно подняла брови.

– На прошлой неделе мы следили за йоханнесбургским домом Шабангу. Наблюдение велось из двух транспортных средств, замаскированных под патрульные машины частного охранного агентства «Орлиный глаз». – Раджкумар помол-

чал, давая Янине возможность оценить его остроумие и иронию.

Она лишь молча кивнула.

– Наши оперативники перехватывают все ведущиеся в том районе переговоры сотовой связи. Пришлось просеять множество данных. К счастью, мы вычислили два мобильных номера, которые предположительно принадлежат Шабангу или его людям...

– Предположительно?

– Мадам, в квартале больше двадцати домов; сотовый трафик очень интенсивный. Но разговоры, вызвавшие наш интерес, велись в то время, когда Шабангу и его подручные были дома. Мы выделили интересующие нас номера и начиная с полуночи начинаем сплошной перехват. Вот что выяснилось уже сейчас. Они ведут переговоры с Хараре. Мы перехватили два звонка, с двух разных мобильных номеров, на один номер в Зимбабве.

– Надо же, – сказал Адвокат.

– Но мы не знаем, кому принадлежит номер в Хараре, – возразила Менц.

– У нас нет доступа в зимбабвийскую сеть. Но отныне мы начнем прослушивать все звонки, сделанные с этих номеров...

Менц улыбнулась во весь рот:

– Радж, вы молодец!

– Я знаю, – ответил индус.

Фотокопия дневника Миллы Страхан

Дата: 2 сентября 2009 г.

Устала. Ну и денек! Девять часов тренировки – компьютерная грамотность, поиск в Интернете, анализ текста, написание отчетов, стиль. Все в одной комнате перед компьютером с четырьмя разными, но одинаково нудными инструкторами.

Дата: 3 сентября 2009 г.

Основное событие дня: фраза «Шпионь, любимая стра-на». Буквы медленно маршировали по монитору дядюшки Тёни, моего лысого пожилого коллеги. Такая у него экранная заставка.

От него пахнет трубочным табаком, как от моего отца.

4 сентября 2009 г., пятница

Элегантный чернокожий Адвокат Тау Масило и негибамая Янина Менц сидели в бистро «Бизерка» и о чем-то негромко беседовали, сблизив головы, как любовники. Они представляли собой островок серьезности в легкомысленный обеденный час.

Понизив голос, Масило сказал:

– По сведениям моего источника, наш министр рекомендует оставить нас в покое в процессе слияния, однако другие члены кабинета с ним не согласны.

– Кто именно?

– Судя по всему, министр обороны и министр внутренних дел.

Ключевые фигуры... Прежде чем задать вопрос, Менц ненадолго задумалась.

– Кто еще поддерживает нас?

– Вице-президент.

– И все?

– Не забывайте, информация получена из вторых рук, и, как я подозреваю, многое основано на домыслах. Но важно, что президент еще не решил, сливать нас с остальными или нет.

Некоторое время оба молча ели, Масило – с явным аппетитом. Наконец, он отложил нож и вилку.

– Теперь я не удивляюсь, почему здесь так любит обедать министр финансов! Мадам, вы позволите внести предложение?

– Конечно, Тау!

– Настало время поднять шум. Убедить президента...

– Как?

– Собрать все, что у нас есть. Знаю, знаю, объективно рассуждая, у нас есть немного. Но короткий, разумно составленный доклад...

– Опасно.

– Почему?

– Тау, если мусульманская карта не сработает, мы лишимся всякого доверия.

– Какое это будет иметь значение через месяц или два?

– У нас просто пока недостаточно доказательств, – ответила она с плохо скрываемым сожалением.

– Мадам, не знаю, можно ли нам дольше ждать. Нам представился удобный случай, так сказать, приоткрылась дверь, но скоро она закроется. Президент может принять решение со дня на день...

Янина Менц поправила очки. Видимо, пока он ее не убедил.

Зазвонил мобильный телефон Масило. Он ответил и долго молчал. Потом спросил:

– Откуда? – и через несколько секунд: – Еду.

Он убрал телефон.

– Звонил Квинн. Похоже, контроль мобильных переговоров в Гаутенге принес первые плоды.

Квинн, начальник оперативного отдела, в черной водолазке и свободных брюках цвета хаки, как всегда, негромко перечислял факты:

– Инкунзи Шабангу и его люди, как и все члены организованных преступных группировок, не дураки. Каждую неделю они меняют сим-карты сотовых телефонов. Раджу и его ребятам понадобилось три или четыре дня, чтобы засечь новые номера, хотя мы постоянно прослушиваем все переговоры из дома Шабангу; неподалеку находится наш стационарный пост. Следовательно, мы можем перехватывать их переговоры всего три дня подряд, а потом приходится начинать все сначала. Кстати, они никогда не пользуются дважды одной и той же сим-картой; по нашим предположениям, новые номера рассылаются всем важным абонентам по воскресеньям в виде коротких текстовых сообщений. Вот что удалось записать сегодня утром. Один голос принадлежит самому Шабангу. Ему звонят из Хараре, типичный зимбабвийский акцент...

Квинн кликнул кнопкой мыши. Звук оказался записан безупречно.

– Алло.

– Здравствуй, Инкунзи, как дела?

– Очень хорошо, друг мой, а у тебя как?

– У меня не очень. Инкунзи, у нас нелегкие времена.

– Знаю, друг мой, знаю, в газетах только об этом и пишут.

– Что тут поделаешь?

– Итак, друг мой, что происходит?

– Инкунзи, ты оказался прав. Читепо разрабатывает новый маршрут; он пройдет через Южную Африку.

Квинн приостановил запись и объяснил:

– Скорее всего, речь идет о Джонсоне Читепе, главе зимбабвийской Команды совместных операций и правой руке Мугабе. Но послушайте дальше... – Он возобновил прослушивание.

– Ты уверен? – послышался из динамика голос Юлиуса Шабангу.

– Почти уверен. На девяносто девять процентов. Но товарища Боба он, похоже, держит в неведении.

– Кто, Читепе?

– Да.

– Значит, он уже у самого Мугабе ворует?

– Он заботится о себе.

– Хорошо... Когда это произойдет?

– Думаю, скоро. Но мы попытаемся все выяснить поподробнее.

– А маршрут? Кто с ним работает?

– Мне известно лишь, что ему помогает какой-то южно-

африканец. Вроде бы служащий национального парка. Значит, маршрут может пройти через парк Крюгера – он ведь тянется по обе стороны границы. Теперь они связаны, Гонарежу и парк Крюгера. Мы считаем, что они поедут там.

– Хорошо, друг мой, это очень хорошо. Но нам нужны подробности.

– Знаю, Инкунзи. Я все внимательно слушаю.

– Хорошо, друг мой. Фамбаи зваканака.

– Фамбаи зваканака, Инкунзи.

Квинн снова остановил запись.

– Последние слова на языке шона означают буквально «иди с миром». Разговор вполне типичный, собеседники говорят короткими фразами – как и в следующей записи. Во втором разговоре звонил сам Шабангу; он набрал городской номер – местный, кейптаунский, в Рондебоше. Естественно, его мы тоже взяли на контроль. Дом, в котором установлен телефон, принадлежит некоему Абдулле Хендриксу. До сих пор Хендрикс еще не попадал в поле нашего зрения. – Он кликнул мышью еще по одной электронной папке.

– Хендрикс слушает.

Голос Инкунзи, глубокий, властный:

– У меня сообщение для Инкаби.

– Инка... Ах, Инкаби... Что за сообщение?

– Передайте ему, что он был прав. Наш друг из Зимбабве снова занялся экспортом, но у него теперь новые партнеры, и он хочет экспортировать товар в Южную Африку. Передай-

те, что информация точна на девяносто девять процентов, но это все, что нам известно. Попробуем выяснить больше.

– Передам.

– Хорошо, друг мой. Это все.

– Куда хафиз.

– М-м-м... хорошо.

Электронные шумы прерываются. Квинн отвернулся от экрана и посмотрел на Менц и Масило.

– Инкаби на зулу означает «бык», как и Инкунзи. Мы установили, что Шабангу называет так члена Верховного комитета Шахида Латифа Османа. Скорее всего, Шабангу и Осман заранее договорились о пароле... Похоже, у Шабангу есть чувство юмора.

Улыбнулся только Масило.

– Возможно, Хендрикс тоже состоит в Верховном комитете или близок к нему. Только мы его не знаем. Из разговора также понятно, что его застали врасплох. Он не сразу вспомнил пароль. Мы считаем, что Шабангу впервые позвонил на этот номер, впервые назвал пароль, чтобы что-то передать Осману после их встречи в Йоханнесбурге, – сказал Квинн.

– Что значит «куда хафиз»? – спросила Менц.

– Мусульманское прощание. Что-то вроде «да храни тебя Аллах». Как мы слышали, Шабангу его не понял.

– Кто такой сообщник Инкунзи Шабангу в Хараре?

– Пока неизвестно, мадам. Зато мы выяснили кое-что другое. Мы догадываемся, зачем Осман ездил на встречу с Ша-

бангу.

– Поделитесь своими догадками, – велела Янина Менц.

– Картина еще неполная...

– Квинн, я все понимаю. К тому же картина довольно мутная.

– Начнем с верхушки, – сказал Масило. – Для нас очень важно точно понимать, что происходит здесь, у нас.

Квинн кивнул, немного подумал, а затем сел напротив Менц и Масило.

– Итак, – начал он, – представьте себе спектакль, в котором есть два главных героя и два второстепенных персонажа. Главный герой номер один – Джонсон Читепо. Он возглавляет Команду совместных операций, считался правой рукой Мугабе. Это он вел переговоры о приобретении концессий на добычу алмазов в Конго. Кроме того, это он, пользуясь неразберихой, продавал алмазы направо и налево, после чего они с товарищем Бобом кое-что отложили себе на черный день. Отложили они немало. Но все в прошлом. Теперь их положение резко изменилось. Мугабе и Читепо медленно, но верно теряют власть в Зимбабве. Продажи алмазов сокращаются из-за санкций и международных соглашений, их банковские счета заморожены, то есть деньги, вырученные за алмазы раньше, для Мугабе и Читепо практически потеряны. Сейчас Читепо больше всего хочет отложить себе на черный день еще кое-что. Он спешит, потому что понимает, что конец близок. Когда он наступит – лишь вопрос вре-

мени. Читепо, можно сказать, сидит на куче алмазов стоимостью в сотню миллионов долларов, не меньше. Умножьте эту цифру на семь – получится много рандов... А напрямую он продавать их не может. И вот, похоже, он нашел новых партнеров. Его поделщик имеет какое-то отношение к нашим национальным паркам. Следовательно, он может нелегально провезти алмазы через огромный парк Крюгера. Ну как, пока все понятно?

Менц кивнула.

– Второй главный герой – Саид Халид бен Алави Мэки. Это он в прошлом помогал Читепо продавать алмазы, это он превращал конголезские алмазы в наличные, потом отмывал деньги и переводил их на счета Мугабе и его дружков в швейцарских банках. Но как только его каналы перекрыли, закончилась и великая дружба между ним и Читепо. Прежде чем я продолжу, необходимо заметить, что мы должны учитывать род занятий Мэки. Первое. В определенных кругах он известен именно тем, что отмывает деньги. Сфера его интересов – вся Африка. Нам точно известно, что он отмывает деньги для сомалийских пиратов, для нигерийских скамеров и наркоторговцев, для мозамбикских автоугонщиков. Второе. Международный экономический кризис больно ударил по Мэки. Он потерял инвестиции в Дубае, оборот упал больше чем на шестьдесят процентов, сейчас он ведет бой. Третье. Мэки – воинствующий мусульманин из Омана, где в последнее время поднимает голову «Аль-Каида». И четвер-

тое: Мэки питает слабость к «Аль-Каиде». Благодаря своему успеху, богатству и склонностям он занял выдающееся положение в соответствующих кругах. Положение, которое он всеми силами желает сохранить.

Квинн помолчал, давая Менц возможность обдумать сказанное.

– Главная интрига нашей драмы заключается в том, что Читепо страстно хочет продать алмазы, а Мэки считает, что камешки по праву принадлежат ему. По крайней мере ему принадлежит половина – так они договаривались изначально. Так или иначе, Мэки пронюхал о новых планах Читепо и полон решимости перехватить алмазы – свое добро. Трудность в том, что у него больше нет друзей в Зимбабве, а сам он находится в Омане. Что же он может сделать? Единственный выход – переговорить со своими единоверцами, которые находятся ближе всего к месту событий, со своими мусульманскими братьями.

– С Верховным комитетом, – сказал Адвокат Тау Масило.

– Вот именно, – кивнул Квинн. – Вот почему Мэки позволил первому второстепенному персонажу в нашем спектакле. Сулейману Долли, председателю Верховного комитета.

– А наш «крот», Измаил Мохаммед, подслушал их разговор.

– Точно. Мэки знал, что Долли и Верховному комитету срочно требуются деньги на проведение задуманной ими операции.

– Для операции на месте... Если верить Измаилу Мохамеду, они хотят купить партию оружия.

– И вот на сцене появляется второй второстепенный персонаж, Юлиус Шабангу по кличке Инкунзи. Чутье подсказывает мне, что привлечь Шабангу порекомендовал Мэки. Не забывайте, основная «специальность» Мэки – отмывание денег. Видимо, о существовании Шабангу он узнал от своих друзей-угонщиков из Мозамбика. А может быть, он уже вел с ним дела напрямую...

– Кроме того, – подхватил Тау Масило, – нам известно, что в Гаутенге на Шабангу работают много зимбабвийцев. Они угоняют машины.

– Вот именно, – согласился Квинн. – Из его досье, собранного «Скорпионами», нам удалось узнать, что он также подозревается в изготовлении фальшивых паспортов для зимбабвийцев и нигерийцев. Поэтому у него неплохие связи в Хараре... Во всяком случае, когда Мэки говорил с Сулейманом Долли, десять к одному, что он рекомендовал Инкунзи как возможного посредника в проведении операции. А Долли послал одного из членов Верховного комитета познакомиться с Инкунзи. В Йоханнесбург ездил Осман. Инкунзи будет стремиться угодить Мэки, но прежде всего он работает на себя. Работает за процент от сделки. Предложение Османа о сотрудничестве всецело устроило его.

Янина Менц снова хмыкнула.

– Инкунзи и его странные новые помощники, Верховный

комитет, собираются перехватить партию алмазов, которую отправляет Читепо, – сказал Тау Масило.

– Так называемый груз, – пояснил Квинн.

– Задача Инкунзи – выяснить, каким маршрутом отправят груз. И кто из южноафриканцев замешан в операции.

Оба заместителя посмотрели на директора. Она поправила очки и встала.

– По-моему, выйдет интересный доклад, – сказал Тау Масило. – Для президента.

Менц не торопилась с ответом. Заместители напряженно ждали.

– Вы совершаете важнейшую ошибку, – сказала Менц. – Ошибка связана с распределением ролей. Если сделать главными героями предстоящей драмы Читепо и Мэки, доклад заранее обречен на неудачу.

Адвокат Тау Масило быстро все понял:

– В наших интересах, чтобы главную роль играл Верховный комитет и их операция с незаконным ввозом оружия!

7 сентября 2009 г., понедельник

Милла надела черное платье и сапоги, сверху накинула короткую синюю джинсовую куртку. Чувствовала она себя удобно. Ей нравилось придумывать для себя новый стиль: самостоятельная женщина привыкает к неформальной обстановке в Отчетной группе. Без четверти девять она сидела за компьютером и читала первый выпуск «Еженедельных новостей», выскивая лакомые кусочки из Лимпопо и Мпумаланги. Вокруг царила выжидательная атмосфера. Тёни, один из двух лысых сотрудников, который не возражал против того, чтобы к нему вежливо обращались на африкаанс «дядюшка», сказал, что затевается что-то крупное, потому что Важная шишка вызвал к себе Мамашу. Верный признак.

Дядюшка Тёни всем давал клички. Мамашей он прозвал миссис Киллиан, Важной шишкой именовал Раджкумара, толстого индуса. Кроме того, иногда он называл Раджкумара Снежным человеком или Невероятным жирдяем, а то и просто Жирдяем.

Миллу он называл Кармен, Джессику – Фрея (или Богиня, когда говорил о ней за глаза), Дона Макфарланда, второго старичка, – Мак или Жenuшка Мак.

– Почему Жenuшка? – спросила его Милла.

Дон ответил сам:

– Потому что я – гей, дорогуша.

Без четверти девять миссис Киллиан быстро вошла в комнату с кипой тонких папок под мышкой и созвала всех на совещание.

– Жирдяй заговорил, – сказал дядюшка Тёни.

– Тёни, вы напишете общий отчет, остальные займутся приложениями. – Она протянула Милле папку. – Вот ваш объект – Джонсон Читепо. Постарайтесь найти о нем в Интернете все, что только можно. Тёни объяснит вам, что и как искать. Джесс, вы займетесь Саидом Халидом бен Алави Мэки...

– Кем-кем?

– Все, что нужно, в папке, только устарело. Интересный тип. Дон, вам я поручаю самое главное.

– Ну, разумеется!

– «Квибла», Верховный комитет, «Аль-Каида» и нечто новенькое. Некий мистер Юлиус Нхлаканипо Шабангу, он же Инкунзи, то есть Бык.

– Почему Бык? У него что, такой большой рог?

Миссис Киллиан не засмеялась.

– Большой и срочный. За дело!

Еще под действием адреналина, согреваемая радостью товарищества, возможностью узнать что-то новое и остроумными, по-отечески добродушными замечаниями коллег,

она, поддавшись внезапному порыву, позвонила сыну.

– Алло? – немного подозрительно спросил он, увидев на дисплее незнакомый номер.

– Баренд, это я.

– Мама? – ошарашенно переспросил он.

– Хотела услышать твой голос, и все.

– Мама, ты где?

– В моем новом доме. Как ты?

– Мам... Господи... мама...

– Баренд... – Она пожалела, что позвонила. Поняла, что ее эйфория на других не распространяется.

– Ты что, купила дом?

– Всего лишь сняла квартиру. Давай просто поговорим, идет?

Сын помолчал, а потом нерешительно ответил:

– Идет.

– Как у тебя дела?

– Мама... ты в самом деле хочешь узнать?

– Да, Баренд, я в самом деле хочу узнать. Ты знаешь, что я очень тебя люблю.

– Тогда почему ты сбежала?

Сбежала!

– Ты получил мои письма?

– Неужели мы в самом деле настолько плохие?

Что-то в его голосе и интонации подсказало ей, что он повторяет слова Кристо. Вдруг ей расхотелось разговаривать,

но у нее уже не было выбора. Она выпрямила спину, насто-
рожилась.

– Я ведь объяснила, дело не в тебе...

– Мама...

– Молчи и слушай. Прошу тебя. Я должна была уехать
именно потому, что люблю тебя, Баренд. Не знаю, способен
ли ты понять меня.

Сын ничего не ответил.

– Можно я кое-что тебе расскажу? У меня есть работа,
сегодня я провела замечательный день. Мне показалось, что
я что-то значу...

– Ты могла устроиться на работу и оставшись дома. Зачем
тебе понадобилось сбегать?

Она чуть было не вернулась в привычную колею, но во-
время остановилась.

– Как дела в школе?

– А ты как думаешь? Теперь у нас служанка, я прихожу
домой, а дверь мне открывает проклятая черножо...

– Баренд!

Сын буркнул что-то невнятное.

– Где ты этому научился? – Она прекрасно понимала, от-
куда ветер дует. Кристо, скрытый расист, жаловался на судь-
бу в присутствии сына: «Теперь мы приходим домой, и дверь
нам открывает проклятая черножопая. А все из-за твоей ма-
тери!» Он ни на миг не задумался о том, что в произошед-
шем есть и его доля вины.

– Мама, какая тебе разница?

Милла потянулась за сигаретами. Она должна сохранять хладнокровие.

– Я надеялась, что мы с тобой сможем поговорить. Спокойно, как взрослые люди, без взаимных упреков и обид. Мне казалось, если мы будем часто разговаривать, то постепенно наладим наши отношения.

– А я, значит, тебя отпугнул.

– Баренд, последнее время мы с тобой не находили общего языка. Я готова пойти тебе навстречу и все наладить. Если ты готов.

– Ты вернешься домой?

– Давай пока не будем говорить о будущем. Постараемся жить постепенно, день за днем. Для начала попробуем найти общий язык. Как ты думаешь?

Он долго молчал. Потом:

– Ладно.

8 сентября 2009 г., вторник

В кабинете Раджкумара Янина Менц положила работу Отчетной группы перед толстым индусом и сказала:

– Никуда не годится.

Потом она объяснила, что хочет изменить. Надо усилить акцент на предполагаемой контрабанде оружия. Она не стала рассказывать Раджу об источнике своего вдохновения. Всего час назад она прочла последнюю статью в «Бургере», в которой описывалась буря в парламенте после очередных обвинений «Демократического альянса». Представитель оппозиции обвинил правительство АНК в том, что оно продает оружие так называемым государствам-париям.

– Национальная безопасность под угрозой. Мэйниру могут предъявить обвинение в государственном преступлении, – заявил в ответ представитель правящей партии.

Янина Менц радовалась такому повороту событий; в центре внимания снова оказался вопрос о сделках с оружием. Она знала, что президенту сейчас меньше всего нужны скандалы, учитывая клеймо, которое пристало к Мо Шейку, вероятному кандидату на пост начальника новой разведывательной суперструктуры, – пусть даже всего лишь по ассоциации с его осужденным братом.

Если она все разыграет как надо, у нее появится рычаг давления.

9 сентября 2009 г., среда

День начала операции «ЭАМ»

Квинн в наушниках сидел перед мониторами. Он был один; если операция закончится неудачно, лишние свидетели ни к чему. Квинн переводил напряженный взгляд с одного монитора на другой. Он очень волновался. Операция – его идея; дело крайне рискованное. Небольшую ошибку еще можно исправить, переждать, начать все сначала. Но если все пойдет не так, как он задумал, на всей операции с Верховным комитетом можно будет поставить жирный крест. Квинн предложил поставить в стену дома номер 15 по Чемберлен-стрит жучок, электроакустический микрофон, сокращенно ЭАМ. Устройство, известное также под названием «оптический контактный микрофон», обеспечивало возможность прослушки через бетонные стены. Похожее устройство применяют сантехники, когда хотят узнать, нет ли протечки между стенами.

Весь план созрел в голове Квинна неделю назад. Он предложил поставить микрофон в кирпично-бетонную стену фасада дома номер 15. Слева от парадной двери там имелась спутниковая антенна – тарелка, установленная еще прежним владельцем. Необходимо было провести соответствующую

щую подготовку. Информационно-технический отдел ПРА, возглавляемый энтузиастом Раджкумаром, соорудил точную копию спутниковой тарелки и кронштейна по фотографиям, снятым из окна дома напротив. Только внутри одного из шурупов, которым кронштейн крепился к стене, установили микрофон. В трубку кронштейна поставили передатчик и батарейку. Приемное устройство установили напротив, в доме номер 16А по Чемберлен-стрит.

Третий этап, самый рискованный, вот-вот начнется. Надо успеть за девять минут заменить настоящую тарелку новой.

Девять минут – на такой срок Бабу Раян, исполняющий в Верховном комитете роли мальчика на побегушках и сторожа, покидает дом каждое утро, чтобы купить молоко и газету в кафе на Виктория-стрит. Иногда он задерживался чуть дольше, если на Маунтин-стрит была пробка, но никогда не отсутствовал меньше девяти минут.

На мониторах перед Квинном застыли три разные картинки. Средний передавал изображение от дома 16А; оттуда велась запись штаб-квартиры Верховного комитета через дорогу. Рядом с домом номер 15 стоял белый автомобиль «хёндэ-элантра», принадлежащий Бабу Раяну. Второй монитор, слева, передавал изображение, которое записывалось из стоящего за углом полугрузовичка. На нем Квинн видел улицу со стороны водителя. Третий монитор, справа, показывал фасад кафе, в котором Раян каждое утро без исключения делал покупки.

Старый, побитый пикап, стоящий на углу Чемберлен-стрит и Маунтин-стрит, не передавал никакой картинки. Квинн велел пригнать его туда на всякий случай. Так сказать, страховка на случай непредвиденных обстоятельств. Если Раян вдруг вернется раньше времени, пикап на время перегородит улицу и задержит Раяна. Прибегать к этому способу Квинну не хотелось: скорее всего, экстремисты заподозрят неладное. Они и без того последнее время очень подозрительны и очень осторожны. Перестраховываются.

Картинка на центральном мониторе ожила: распахнулась дверь дома номер 15, и на крыльцо вышел Раян.

– Приготовиться, – сказал Квинн в маленький микрофон, который находился перед его губами.

Он следил, как Раян сходит с крыльца, как всегда, озираясь по сторонам. Вот он отпер дверцу «элантры» и сел в машину. Первым делом включил радио. Потом завел мотор, включил передачу.

Тронулся с места.

Квинн нажал кнопку таймера:

– Умелец, давай!

Пришел в движение полугрузовичок с рекламой несуществующей компании по установке телеоборудования на борту.

«Элантра» Раяна исчезла с центрального монитора.

Квинн посмотрел на левый монитор. Полугрузовичок повернул на Чемберлен-стрит. Машина Раяна двигалась ему

навстречу. Не обратив на грузовичок внимания, Раян проехал мимо.

– Давай скорее!

Центральный монитор – дом номер 15. Квинн напряженно ждал, когда появится полугрузовичок. Шли секунды.

– Восемь минут до срока, – сказал Квинн, покосившись на секундомер.

Полугрузовичок развернулся и остановился так, чтобы видеокамера смотрела на улицу и парадную дверь, а спутниковая антенна была видна из дома 16А.

Из грузовичка выпрыгнули техник и его помощник; они бодро затрусили к заднему борту.

– Спокойнее! Не спешите. Ведите себя естественно.

Они чуть замедлили шаги. Откинули задний борт, достали телескопическую лестницу и ящик с инструментами.

Квинн нервно глянул на монитор с кафе, хотя по времени Раяну еще рано было оказаться там.

Техник с помощником отнесли лестницу и ящик с инструментами к калитке дома номер 15. Помощник открыл калитку. Лестницу пришлось разложить – антенна висела высоко. Они вдвоем прислонили лестницу к стене. Техник забрался наверх и тщательно осмотрел старые шурупы, потом крикнул напарнику:

– Дай ключ на тринадцать!

Раян еще не доехал до кафе.

Техник разъединил телевизионный кабель и начал открывать

чивать старые шурупы, а его помощник вернулся к грузовику за новыми тарелкой и кронштейном.

– Семь минут до срока!

Машина Раяна остановилась перед кафе.

– Он чуть опережает график, сосредоточьтесь! – приказал Квинн.

– Шурупы заржавели, – сказал стоящий на лестнице техник и обратился к помощнику: – Тащи масло!

Квинн ничего не говорил. Только наблюдал. Помощник направился к грузовичку за второй лестницей. Все по плану.

Раян вышел из машины и вошел в кафе.

Квинн про себя взмолился: «Пусть там будет очередь, пусть там будет очередь!»

– С шурупами проблема, – сказал техник.

– Что такое?

– Совсем заржавели. Два вообще не выходят.

Раян скрылся в кафе. Квинн посмотрел на таймер.

– Еще минута, когда можно все отыграть назад.

– Понял. – Квинн увидел, как техник брызгает из баллончика машинное масло на шуруп. Помощник приставил к стене вторую лестницу рядом с первой.

Техник все пытался выкрутить ржавый шуруп. Напрягал все силы.

Шли секунды.

Техник еще брызнул маслом и снова попробовал выкрутить шуруп. Тот не поддавался. Техник еще раз полил мас-

лом все шурупы – долго и щедро. Взял торцевой ключ...

Дело пошло, но слишком медленно.

– Шесть минут до срока!

Техник все возился с шурупами. У Квинна вспотели ладони. Раян еще не выходил из кафе.

– Черт! – сказал техник.

– Тридцать секунд, чтобы все отменить.

Он наблюдал, как техник возится с ключом. Наконец один шуруп поддался.

– Один есть! – Он поспешно вынул его.

Раян по-прежнему был в кафе.

Квинн подумал: может быть, на всякий случай привести в боевую готовность команду из пикапа? Надо же, никто не подумал о том, что шурупы могли заржаветь!

Нет, время еще есть. Оставим на крайний случай.

– Два есть!

– Слишком медленно.

– Погодите, я их выкручу...

– До срока почти пять минут. Точка невозврата. Ну, что решаем?

Он услышал, как кряхтит техник.

– Три готово, пошло дело!

– Понял. Давай скорее!

Раян вышел из кафе; на сгибе локтя целлофановый пакет с молоком, в руке газета, просматривает заголовки.

Не спеши, Бабу!

Квинн напряженно смотрел на центральный монитор. Техник передал старую антенну помощнику. Помощник прислонил старую тарелку к стене, взял новую, забрался наверх по второй лестнице. Встал на верхнюю ступеньку, осторожно извлек из кармана новые шурупы, по одному передал их технику. Во время репетиции они дважды роняли винты на землю, теряя драгоценные секунды.

Бабу Раян подошел к машине. Опустил газету. Огляделся по сторонам; на миг посмотрел прямо в объектив телекамеры. Вот дурак, подумал Квинн. Думает, что все видит, а сам ни черта не замечает... Передатчик установили в его машине еще месяц назад, две недели они следят за каждым его шагом, а он пребывает в блаженном неведении. Смотрит, но ничего не видит.

Раян достал ключи и отпер водительскую дверцу «элантры». Бросил газету на пассажирское сиденье, снял пакет со сгиба локтя...

– Четыре минуты до срока!

Они отстают от графика.

Раян сел в машину.

Помощник приставил к стене новый кронштейн. Техник вкрутил первый шуруп.

Раян снова повозился с радио.

Техник вставил в отверстия еще два шурупа, один за другим. В четвертом микрофон, придется работать особенно аккуратно – надо подсоединить тонкие проводки.

Техник наживил три шурупа.

Помощник спустился вниз и сложил свою лестницу.

«Элантра» Раяна отъехала от обочины.

Помощник отнес вторую лестницу в полугрузовичок.

– Микрофон пошел!

Помощник бегом вернулся за старой тарелкой.

– Три минуты до срока!

– Микрофон вошел. Соединяю!

Помощник унес старую антенну и вернулся за инструментами. Техник с трудом подсоединял проводки.

– Черт! – выругался он.

– Главное, не забудь телевизионный кабель. Микрофон можем подключить завтра.

– Я успею.

– Делай!

– Понял.

Техник подключил телевизионный кабель.

Помощник встал у подножия первой лестницы, готовясь ее унести.

– Кабель подключен.

Квинн посмотрел на часы. Через минуту Раян вывернет из-за угла.

– У вас тридцать секунд!

Он решил все же предупредить группу перехвата в пикапе.

– Группа перехвата, заводите мотор!

– Есть!

Техник снова принялся подсоединять проводки микрофона.

– Двадцать секунд.

Квинн то и дело поглядывал на левый монитор, чтобы не упустить миг, когда белая «элантра» вывернет из-за угла.

– Десять секунд!

– Черт, черт, черт!

– Девять, восемь, семь, группа перехвата, готовьтесь!

– Есть!

– Все, готово! – с облегчением выдохнул техник.

– А теперь убирайтесь оттуда! – Квинн не мог скрыть напряжения.

Техник спрыгнул на землю. Помощник подхватил лестницу. Оба побежали к полугрузовичку. Запихнули лестницу в кузов, закрыли задний борт. Побежали к кабине.

– Закройте калитку! – резко напомнил Квинн.

Техник ринулся назад.

– Не спеши!

Техник замедлил шаг. Закрыв калитку. Вернулся к грузовичку, забрался в кабину.

Все, время вышло.

Грузовичок пришел в движение.

Через десять секунд из-за угла показался Раян.

Квинн судорожно глотнул и откинулся на спинку стула. Вытер ладони о брюки.

– Группа перехвата, отбой. Господа, отлично поработали! Пожалуйста, проверьте микрофон.

В наушниках впервые послышался голос женщины-оператора из дома номер 16А:

– Микрофон в порядке.

– Молодцы! – сказал Квинн. – Отлично справились. Он снял с головы наушники и шумно выдохнул.

Фотокопия дневника Миллы Страхан

Дата: 9 сентября 2009 г.

Джессика пригласила меня на ужин. Она – настоящая загадка; при такой внешности могла бы работать фотомodelью.

Главное событие дня: танго. Я с ним боролась. Потом мистер Содерстром сказал, что танго – это четыре ноги, два тела и одно сердце.

– Большинство танцев, – он явно кого-то цитировал, – для людей, которые влюбляются. Танго – для тех, кто пережил любовь и еще немного злится потому, что с его сердцем так плохо обошлись.

Тогда я поняла.

10 сентября 2009 г., четверг

Все с мрачными лицами смотрели на монитор. Сидел только Раджкumar. Квинн и Масило стояли.

К дому номер 15 по Чемберлен-стрит один за другим подъезжали члены Верховного комитета. Сулейман Долли прибыл последним. Все поднимались на крыльцо, скрыва-

лись за дверью.

Благодаря жучку в кронштейне спутниковой антенны они слышали, о чем говорят люди в доме. Звук казался глухим и смазанным. Ничего, позже умельцы Раджкумара всеотрегулируют. И все же они слышали, как экстремисты приветствуют друг друга, беззаботно осведомляются о здоровье.

– Пошли. Сегодня у нас короткая повестка дня. Услышав голос Сулеймана Долли, все трое слушателей насторожились. У всех вспыхнула искра надежды.

– Все понятно, Шейх, – ответил другой член Комитета.

– Почему до сих пор нет новостей? Время уже закончилось, – сказал другой.

– Мы должны просто верить, – сказал Долли.

– Аллах акбар!

– Пошли, – сказал Долли.

Квинн посмотрел на Масило.

– Это значит то, что я думаю? – спросил Раджкумар.

– Погоди, – велел Масило.

Из динамика послышалось шарканье нескольких пар ног.

– Они куда-то уходят, – сказал Радж и посмотрел на план дома номер 15, разложенный перед большим монитором. Вопрос в том, куда они идут и хорошо ли там будет работать электроакустический микрофон.

В динамиках стало тихо.

– Черт! – сказал Радж. – Они спускаются в подвал! Квинн подкрутил громкость. Послышалось шипение, слабый от-

звук мужского голоса – совершенно неразборчивый.

– Сумеешь отфильтровать? – спросил Квинн. Раджкумар покачал головой и с очень недовольным видом ответил:

– Скорее всего, нет.

Они стояли и слушали до тех пор, пока не угасла последняя искра надежды.

– Да ладно тебе, Радж! – подзадорил его Масило. – Мы с самого начала знали, что шансов маловато. Они не дураки.

– Знаю, мать твою, знаю! Но нам нужен прорыв. Мы этого заслужили. Немного удачи!

– Все получает тот, кто терпеливо ждет, – изрек Тау Масило.

Раджкумар дополнил пословицу в своей обычной пессимистической манере:

– Ну да, получает... но часто слишком поздно.

11 сентября 2009 г., пятница

Янина Менц направлялась в министерство безопасности и секретности, находящееся в трех кварталах от ИРА. Министр назначил ей встречу на 11 часов.

Она шагала под дождем, расправив плечи, с уверенным видом. Она хорошо подготовилась. В портфеле у нее лежал важный доклад. Но доклад должен стать лишь последним звеном, так сказать, посадкой семени. Сначала надо подготовить почву, вскопать грядку, что куда важнее. Она

заранее все спланировала, отчетливо представила, как министр, веселый, бритоголовый, официально-сердечно примет ее, предложит выпить вместе чаю. Она с благодарностью примет его приглашение. Сядет, не спеша откроет кодовый замок на портфеле, достанет папку с докладом, но будет держать ее на коленях. Министр спросит, как у нее дела, как агентство. Она ответит: «Все хорошо, спасибо, господин министр. Спасибо, что согласились принять меня по моей просьбе; я хотела как можно скорее довести дело до вашего сведения. Особенно в свете недавних событий».

Она подождет его реакции: брови удивленно поползут вверх, улыбка застынет. Потом она скажет, тщательно подбирая слова, что дело довольно щекотливое. Его... неудобно обсуждать на еженедельном совещании силовых министерств.

Она подождет, пока он усвоит ее слова. Министр – человек умный. Он непременно придет к нужным выводам. Может быть, она немного поможет ему, подчеркнув, что только ПРА имеет доступ к чрезвычайно важным сведениям (кивок в сторону лежащей на коленях папки). Что пока все относительно безопасно.

А потом она расскажет министру, что речь идет о незаконной торговле оружием.

Ей придется рассчитывать на препятствие, связанное с последним сроком, препятствие, от которого правящая партия и кандидат на пост главы новой разведслужбы не суме-

ют отмахнуться. И на последние обвинения, так вовремя выдвинутые оппозицией. От ее слов сердцебиение у министра точно участится. Янина Менц рассчитывала на это.

Она снова помолчит, прежде чем переходить к последнему, сложному откровению.

«Сэр, в деле замешаны мусульманские экстремисты. Все указывает на то, что они планируют устроить теракт в Кейптауне. И для этого собираются нелегально ввезти партию оружия...»

Она даст ему пищу для размышлений.

«Мы бросили на дело все имеющиеся у нас силы, потому что мы прекрасно понимаем, в какое трудное положение подобная ситуация ставит президента».

Министр поймет, что значит «трудное положение». Особенно после сделок с Ираном и Ливией.

А потом она медленно снимет папку с колен и торжественно положит ему на стол. Как будто папка очень тяжелая.

«Если после того, как вы ознакомитесь с материалами, у вас появятся вопросы, я круглосуточно к вашим услугам».

Выйдя на Парламент-стрит, Янина Менц остановилась на перекрестке и, чуть приподняв руку, в которой несла портфель, глянула на свои наручные часы. Пожалуй, еще рано... Она зашагала медленнее, крепко сжимая в другой руке зонтик, защищающий ее от холодного встречного ветра.

12 сентября 2009 г., суббота

– Т-ты хоть понимаешь, что все мы – изгои? – спрашивает Джессика по кличке Богиня, подливая Милле еще красного вина. Язык у нее заплетается после выпитого. – Помнишь, на сколько вопросов пришлось отвечать на собеседовании? Вся эта якобы психологическая хрень, типа «насколько вы амбициозны»? Так вот, все п-полная чушь. Их одно интересовало: изгой ты или нет. Им это нравится. Обожают тех, на кого махнули рукой, аутсайдеров. Товар с брачком, надежно изолированный от общества.

Милла, тоже не вполне трезвая, кивает в знак согласия – пожалуй, чересчур бурно.

– Вот взять хотя бы нашу группу. Все остальные – торжество политики «позитивных действий», идеальное отражение нашей «Радужной страны». А мы кто такие? Все белые, всем нам за сорок, и все мы люди конченные. Тёни уволили из ежедневки в Йобурге, потому что он у кого-то сплагиировал статью. Причем дважды. Его за это даже третья жена бросила. Мак раньше заведовал отделом искусства в одной газете, и его застукали с мальчишкой-экспедитором. В помещении экспедиции. Ты – сбежавшая домохозяйка. Ну, и еще я... Хочешь? – Она протягивает Милле пачку длинных тон-

ких сигарет.

– Спасибо.

Джессика закуривает первой – серьезно, сосредоточенно. Поднимает бокал:

– За нашу Скандальную группу!

Милла делает то же самое, чокается с Джессикой.

– У тебя был скандал?

– Точно, был.

Вино придает Милле смелости.

– Что ты натворила?

– Как, а ты разве еще не слышала?

– Нет.

– Странно. – Богиня обнажает в улыбке безупречные зубы. – Со мной вышло интереснее всего, я-то думала, Мак хотя бы намекнул...

– Нет-нет, – отвечает Милла.

– Ну, тогда позволь поделиться, – говорит Джессика и глубоко затягивается. – Я работала парламентским корреспондентом в «Таймс». И трахалась с одним очень крупным правительственным чиновником... Не спрашивай с кем, все равно не скажу. Наш роман продолжался два года, а потом нас застучала его жена. Закатывала истерики, швыряла мелкими предметами домашнего обихода, очаровательно угрожала смертью. Она добилась, чтобы меня уволили. Он устроил на работу в агентство... Трахался он гениально. Кстати, а ты когда последний раз?

– Я?

– Ты.

– Гениально трахалась? – Слово удивляет Миллу, как будто она не знала, что оно по-прежнему где-то обитает внутри ее.

– Да.

– Даже не знаю...

– Как это – не знаешь?

– Не думаю, что когда-нибудь трахалась гениально.

– Ни разу?

– Ну, зачем ты так... в первый раз было неплохо.

– С мужем?

– С бывшим мужем.

– У тебя что, всего один мужчина?

– Ну, знаешь... я забеременела, и нам пришлось пожениться.

– Господи Иисусе!

– Я знаю...

– Скажи на милость, почему ты не завела любовника?

– Я... в общем, я как-то не думала... не знаю.

– Ты никогда не ходила по краю?

– Нет...

– А сейчас? Ты ведь одна уже... два месяца?

– Да...

– А жизнь-то уходит.

– Наверное...

– Хочешь, я тебя с кем-нибудь познакомлю?

– Нет!

Джессика задумчиво разглядывает Миллу.

– Люблю тех, кто махнул на себя рукой. Впереди у нас много работы.

Милла смеется.

– Придется мне познакомить тебя с радостями пумы.

– Пумы?

– Я, дорогая Милла, откровенная, беззастенчивая... нет, гордая пума! Обожаю молоденьких мальчиков. Которым чуть за двадцать. Поджарых, жилистых, голодных, бэ-о...

– Что такое «бэ-о»?

– Без обязательств. Идеальный вариант. Молодые, крепкие, выносливые, всегда готовы. И тоже терпеть не могут обязательств. Отлюби и бросай!

– А-а-а...

– Я тебе помогу...

– Нет, Джесс. Нет, нет, нет...

Операция «Шавваль»

Расшифровка аудиопрослушивания М. Страхан, Вредехук, Дейвенпорт-стрит, дом 14

Дата и время: 7 октября, 23.32

М. С.: Кристо был красивый. Знаешь, как приятно бывает в таком возрасте, если симпатичный, уверенный в себе молодой человек выделяет тебя из толпы? Подружки завидуют, охают и ахают... Я была не очень-то высокого мнения о себе, так уж устроена – и вдруг такой парень проявил ко мне интерес. Я была так... благодарна ему... Он был такой... Мне казалось, он все повидал, все знает. Ему было так легко с самим собой. Даже не знаю, была ли я когда-нибудь влюблена в него. Может, я себя обманываю... В ту ночь я напилась. Мы собирали деньги на благотворительность, устраивали всякие розыгрыши – тогда в нашем общежитии не осталось никого трезвого. Это меня не оправдывает, я бы все равно рано или поздно переспала с ним, я была готова, мне хотелось узнать, что это такое...

12 сентября 2009 г., воскресенье

Милла проснулась после пьяного забытья в одиннадцатом часу. В голове мешались обрывки вчерашнего вечера. Чувственный, пьяный голос Джессики:

«Все мы люди конченные».

«Ты – сбежавшая домохозяйка».

«У тебя что, всего один мужчина?»

«Ты никогда не ходила по краю?»

Господи, неужели она и правда принимала участие в таком разговоре?

Да, и не только. Она рассказала о своей жизни – поздно ночью, всю правду, в порыве пьяной откровенности. Джессика сочувственно гладила ее по руке и даже всплакнула вместе с ней. Теперь все вспомнилось, и Милла съежилась от унижения.

Потом пришла тревога: постойте, а как она добралась до дома? Она ничего не помнила.

Она вскочила, выглянула в окно и увидела свою машину – «рено-клио». Испытала легкое облегчение, хотя голова разламывалась по-прежнему. Снова залезла в постель, с головой укрылась одеялом. Она села за руль в пьяном виде, могла стать причиной аварии... Ее могли арестовать. Кристо, наверное, стал бы злорадствовать. Да, но как она могла подставить под удар сына? «Это про твою пьяную мамашу написали в газете?» «Про твою мамашу, которая сбежала?»

Нет, она на такое не способна!

Она лежала в постели, грызя себя, и, наконец, не в силах больше этого выносить, осторожно встала, надела халат и тапочки, поплелась на кухню и включила кофеварку. А потом подумала: что ж, зато вчера она жила. Много потеряла, зато что-то и наверстала. Хотя бы чуть-чуть.

**Расшифровка аудиопрослушивания
телефонного разговора Ю.Н. Шабангу
(он же Инкунзи) и А. Хендрикса.**

Дата и время: 13 сентября 2009 г., 20.32

Ш.: У меня сообщение для Инкаби.

Х.: Что за сообщение?

Ш.: Экспортная сделка...

Х.: Да.

Ш.: Тип, который хочет купить товар, понимаешь? Он в Кейптауне. Он *Инкоси*...

Х.: Не понимаю, что значит Инкоси.

Ш.: Инкоси значит большой человек. Начальник. Понимаешь... Мы в одной... отрасли. Ну, как еще объяснить? Мы занимаемся одним делом, этот покупатель и я... Только его бизнес в Кейптауне...

Х.: Ясно.

Ш.: Мы слышали, что его зовут Птичка-Невеличка.

Х.: Птичка-Невеличка.

Ш.: Да, нам так сказали. И мы считаем, что ты поможешь нам его разыскать.

Х.: Ясно.

Ш.: И еще мы считаем, что товар поступит в конце месяца. В любой день после двадцать четвертого.

Х.: Что еще известно о транспортировке и маршруте?

Ш.: По нашим сведениям, товар привезут в грузовике, а насчет маршрута пока точно неизвестно. Вот почему ты должен выйти на Птичку-Невеличку. Он точно знает маршрут. Уговори его поделиться с нами.

Х.: Ладно.

Ш.: Я дам тебе номер. Он сменится в следующее воскресенье, и тогда я дам тебе другой.

Х.: Диктуй номер.

14 сентября 2009 г., понедельник

В 6.46, когда Квинн завтракал с женой и двумя сыновьями-подростками у себя дома, в Клермонте, на Нансен-стрит, ему пришла эсэмэска. Квинн посмотрел на дисплей своего мобильного телефона, вышел из-за стола, направился в спальню и оттуда перезвонил Адвокату Тау Масило.

– Осман в аэропорту; он летит в Уэлвис-Бэй, – сказал он, как только Масило ответил.

– Когда у него рейс?

– Вероятно, в течение часа.

– Тогда нам лучше начать действовать.

– В Намибии у нас всего один оперативник. В Виндхуке. Сейчас позвоню ему и выясню, за сколько времени он сможет добраться до Уэлвис-Бэй.

– Спасибо, Квинн... Уэлвис-Бэй? Интересно, что понадобилось Верховному комитету в Уэлвис-Бэй?

– Почему Уэлвис-Бэй? – спросила Янина Менц в 8.41 за круглым столом у себя в кабинете.

– Они собираются доставить туда груз... Оружие, – ответил Масило.

– Это твои домыслы.

Масило ждал такого обвинения.

– Закон Оккама. Как правило, верным оказывается самое простое объяснение. После фиаско Измаила Мохаммеда Верховный комитет меньше всего хочет привлекать к себе внимание в Кейптауне. Сейчас им надо действовать осторожнее, чем когда бы то ни было. Они понимают, что здесь трудно будет принять партию оружия, а если что-нибудь пойдет не так, как они задумали, все сразу же подумают на них. Отдайте им должное. Уэлвис-Бэй – умный шаг. Охрана там не на высоте, чиновников подкупать дешевле, хорошая транспортная связь с Гаутенгом через Калахари. А если и вкрадется какая-то оплошность, почти ничто не указывает на то, что в деле замешаны они.

Менц подумала и кивнула:

– Возможно. Каковы наши действия?

– Осман летит через Виндхук, где он должен пересесть на другой самолет. Там у нас только один оперативник. Он уже едет в Уэлвис на машине; по его словам, он рассчитывает быть на месте за час до Османа.

– Когда Осман прибудет туда?

– Сегодня в час дня.

– У нас надежный сотрудник в Намибии?

– Его зовут Рейнхардт Ронн. Тридцатилетний опыт. Старый лис. В его докладах всегда есть место важным подробностям... Способен действовать оперативно.

– Где мы только берем таких людей? – Вдруг Менц на-

хмурилась: – Тау, если бы у нас был человек внутри их организации, мы могли бы выслать на место три наши лучшие группы, которые уже поджидали бы Османа!

Масило молча кивнул; спорить ему не хотелось. Поэтому он сменил тему:

– Мы знаем, кто должен купить партию алмазов Джонсона Читепо.

Менц не сразу удалось переключиться. Она нахмурилась, соображая. Вспомнила, кивнула:

– И кто же?

– Распределение ролей в нашем спектакле все интереснее. Инкунзи Шабангу в выходные позвонил в Комитет и сообщил новость. Очевидно, самый последний второстепенный актер – некий мистер Виллем де ла Крус по кличке Птичка-Невеличка, главарь организованной преступной группировки из Кейп-Флэтс.

– Ты шутишь!

– Иди сюда, Мак, у нас много дел, – сказала миссис Киллиан в начале одиннадцатого и подкатила свой стул к столу Миллы. Подождала, пока Макфарланд придвинется поближе, а затем села сама и выложила на столешницу пухлые папки. – Милла, вот вам первое важное задание; к завтрашнему утру мы должны представить готовый материал, – сказала она. – Но не волнуйтесь, Мак вас подстрахует... – Миссис Киллиан передала Милле первую папку. – Криминальные

группировки в районе Кейп-Флэтс. Здесь много материала; ваша задача – составить краткий обзор на три-четыре страницы. История вопроса где-то на страничку; сосредоточьтесь на последнем десятилетии, более ранние сведения для нас сейчас несущественны. И одна страница – о современном положении дел, снова широкие мазки, краткий общий обзор. Помните, наша задача – ввести руководство в курс дела. Мы не имеем права напрасно тратить их драгоценное время. И еще одна страница про одну конкретную организованную преступную группировку под названием «Неугомонные вороны». Не больше абзаца или двух об истории ОПТ, главное – как они выглядят сейчас, в каких делах замешаны. И здесь в дело вступаете вы, Мак. Ваша задача – поиск сведений по некоему мистеру Виллему де ла Крусу по кличке Птичка-Невеличка или Вилли...

– Надо же, надо же...

– Не сейчас, Мак. Де ла Крус – главарь «Неугомонных воронов», именно он больше всего нас занимает...

– Так и должно быть. Знаете пословицу: лучше мелкая птичка в руках, чем...

– Мак!

– Ладно, матушка. Птичка так птичка. «Вороны». И Вилли... Прямо по Фрейду, чтобы не сказать большего...

В двадцать пять минут первого Квинн просунул голову в кабинет Масило.

– Только что мне звонил Рейнхардт Ронн, наш человек в Намибии. Он в зале прилета аэропорта Уэлвис-Бэй, ждет Османа.

– Он понимает, что не должен бросаться в глаза?

– Понимает.

– Как он узнает Османа?

– Я послал ему на мобильник три фотографии.

Масило с довольным видом кивнул:

– Держи меня в курсе.

– Хорошо... – Квинн замешкался на пороге. – Адвокат, не нравится мне эта Птичка-Невеличка де ла Крус...

– Да?

– Если Верховный комитет что-нибудь перепутает... в Кейп-Флэтс может вспыхнуть война. Если Сулейман Долли начнет что-то нашептывать своим друзьям-мусульманам из ПАГАД... Население, настроенное против бандитизма и наркотиков, может слишком перевозбудиться...

– Не думаю, что Долли настолько глуп. Ему нужны алмазы, а если он спровоцирует беспорядки, контрабандисты, скорее всего, найдут другого покупателя.

Квинн покачал головой:

– Надеюсь, что ты прав.

В четырнадцати километрах к востоку от Уэлвис-Бэй – и всего в двух километрах от границы национального парка Намиб-Науклуфт – находится аэропорт Уэлвис-Бэй, кро-

пешный оазис на бескрайних, плоских просторах пустыни Намиб.

Современное здание аэропорта с серой стальной крышей и стенами, выкрашенными в оранжево-розовый цвет, стояло среди пальм и отдельных кусочков зеленого газона. На взгляд Рейнхардта Ронна, сотрудника Президентского разведывательного агентства, величайшим преимуществом и одновременно недостатком служило то, что здание было относительно небольшим, а сам аэропорт – сравнительно малолюдным. С одной стороны, залы прилета и вылета располагались рядом, за ними было легко наблюдать. С другой стороны, у человека, который старается не бросаться в глаза, почти нет возможности спрятаться.

Ронну исполнилось пятьдесят один год, он был опытным сотрудником. Он стоял у окна и смотрел на взлетную полосу, желая заранее опознать Османа, как только тот выйдет из самолета и направится в здание аэропорта. Ронн запомнил его лицо, цвет сшитого на заказ костюма (светло-коричневый), рубашку с открытым воротом (голубую) и небольшой черный дорожный чемодан на колесиках.

Он не спеша вышел из здания аэропорта, прошел по мощенной серым камнем дорожке к стоянке, где стоял его белый пикап «тойота». Сел, опустил стекла, достал из бардачка бинокль, навел на летное поле и стал ждать. Через семь минут он увидел, как Осман выходит из самолета, заметил, что у цветного нет другого багажа, кроме чемодана.

У него на глазах Осман направился к парковке прокатной компании «Авис». Когда объект скрылся за колонной, Ронн включил зажигание и развернулся, чтобы наблюдать за соответствующей дорогой.

В девять минут пятого Квинн сообщил начальнику, что слежка Ронна за Шахидом Латифом Османом в Уэлвис-Бэй до сих пор продвигается идеально.

– Осман взял напрокат машину в фирме «Авис», поехал прямо в порт, где остановился перед зданием Объединенной рыболовной компании, напротив причала, куда приходят промысловые суда. В тринадцать тридцать пять вошел в здание компании, а вышел оттуда лишь через два часа, в пятнадцать тридцать. После этого поехал в отель «Протея» на авеню Сэма Нуйомы, где зарегистрировался. Ронн поселился в номере по соседству, чтобы наблюдать за всем, что происходит в отеле. Сейчас мы взяли в разработку Объединенную рыболовную компанию; к завтрашнему утру люди Раджа подготовят отчет.

В двадцать минут пятого Матушка Киллиан вызвала к себе Богиню Джессику, чтобы поручить ей новое задание. Когда Джессика через десять минут вернулась за свой рабочий стол, злобно шипя про какую-то долбаную рыболовную компанию в долбаном, богом забытом городишке, Милла оторвалась от пухлой папки с информацией об организованных преступных группировках и сказала Макфарланду:

– Мак, кое-что из того, что здесь написано, представляет

наше правительство не в очень выгодном свете...

– Ну и что?

– Мне указать это в отчете или нет?

– Конечно, укажи... Шпионь, любимая страна, даже если это больно.

– Ясно.

Отчет

Организованные преступные группировки в районе Кейп-Флэте

Дата: 14 сентября 2009 г.

Составители: Милла Страхан и Доналд Макфарланд.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

В последнее десятилетие эпохи апартеида криминальная деятельность в бывшей Капской провинции сводилась в основном к переделу сфер влияния так называемых «цветных» преступных группировок, особенно в Кейп-Флэтс, районе, отличающемся особо низким уровнем социально-экономического развития.

Тип и распространенность их преступлений носили срав-

нительно ограниченный характер, в основном в результате международной изоляции, ограничений, связанных с Законом о групповых областях⁴, а также эффективной работой полиции, обладавшей широкими полномочиями, включающими в том числе возможность проведения арестов без санкции суда и сомнительные методы ведения допроса.

Положение начало меняться в начале 90-х гг. прошлого века, когда правоохранительные органы все чаще привлекались к подавлению политических беспорядков. Уличные банды вздохнули свободнее, стали активнее вербовать в свои ряды молодежь и систематически расширяли сферы деятельности, которые до тех пор оставались незначительными и ограниченными.

На деле переход к демократическому правительству в 1994 г. и главные перемены, произошедшие в стране за последующие 6 лет, дали организованной преступности возможность перейти от кустарной деятельности к более упорядоченной, выйти на международный уровень.

ПРИЛОЖЕНИЯ

После 1994 г.: открытие границ и приток капиталов

Отмена строгого пограничного контроля, а также возвращение ЮАР в сферу международной торговли вызвали при-

⁴ Закон о групповых областях – принятый в 1950 г. закон, ставший основой апартеида, целью которого было географическое разделение расовых групп.

ток в страну иностранных туристов, валюты и инвестиций. В числе прочих в страну проникли крупные транснациональные преступные корпорации. На первом этапе в игру вступили преступные группировки из Нигерии, России, Китая, Италии и Колумбии, которые разглядели в ЮАР блестящий потенциал и быстро обосновались в стране – главным образом в Йоханнесбурге, Дурбане и Кейптауне.

По приблизительной оценке, в тот период в страну незаконно въехали более 100 тыс. граждан Нигерии и обосновались здесь.

Существующая инфраструктура

Несмотря на международную изоляцию, в 1994 г. ЮАР располагала превосходной инфраструктурой – эффективной сферой банковских услуг, развитой телекоммуникационной сетью, сетью авто-, железнодорожного и авиасообщения.

Этим воспользовались не только иностранные инвесторы, вкладывавшие деньги в легальные новые предприятия, но и преступные синдикаты.

Кроме того, на месте уже имелась готовая структура организованной преступности, главным образом в виде бандформирований на Капском полуострове. После того как в страну хлынули потоки героина и кокаина, быстро появилась оптовая и розничная сеть их распространения, так как зачатки ее, пусть и в примитивном виде, существовали и раньше.

Постепенно развивались незаконный ввоз и оборот дру-

гих наркотиков, оружия, слоновой кости, дерева, драгоценных камней, морских ушек и торговля людьми.

Ослабление полиции и современное законодательство

Одновременно с притоком в страну транснациональных преступных синдикатов, с 1994 по 1998 г., шло преобразование полиции Южной Африки (ЮАП) в новую Южноафриканскую полицейскую службу (ЮАПС). Как это ни парадоксально, последствия данного процесса следует считать ключевыми факторами в развитии организованной преступности, особенно в Западной Капской провинции.

«Политика позитивных действий», вызванная желанием преодолеть расовую дискриминацию эпохи апартеида, широкомасштабная отставка и выход на пенсию старших офицеров, переобучение и перевод в другие отделы, слияние структур и передача полномочий не только привели к массовому оттоку опытных сотрудников, но и серьезно подорвали доверие между различными департаментами и общее моральное состояние ведомства. Соперничество, распри, всеобщее недовольство, непрофессионализм руководства и политизация привели к тому, что ЮАПС ослабила бдительность в сфере оргпреступности.

Принятое в тот период новое уголовное законодательство, основанное на современных, принятых в большинстве стран принципах гуманизма и защиты прав человека, требовало от стражей порядка уважать права подозреваемых. В результа-

те серьезные изменения были внесены в процедуру ареста и методы ведения допроса (включая полный отказ от так называемой формулы признания – читай: физического устрашения – эпохи апартеида).

В значительной степени вследствие этого распалась уголовная полиция; ее пришлось заново создавать с нуля.

Организованная преступность воспользовалась представившейся возможностью.

ПАГАД, ОФ и ЗПОП

Вследствие бессилия полиции перед организованной преступностью в районах с массовым проживанием цветных возникло гражданское движение по противодействию преступности, появились так называемые «народные мстители». Наибольшую известность получила организация ПАГАД («Население против бандитизма и наркотиков»), мусульманская экстремистская группировка, члены которой устраивали массовые шествия в Кейп-Флэтс в 1996 г. Нападения на наркопритоны, убийства главарей бандформирований вызывали беспокойство существующих в тот период организованных преступных группировок. Преступная деятельность несколько сократилась.

Тогдашние ОПТ пережили процесс эволюции – выжили лишь сильнейшие. Оставшиеся главарь преступных синдикатов в ответ на появление ПАГАД создали «Общественный форум», или ОФ, который, естественно, не имел ника-

кого отношения к общественности. Начался процесс консолидации и перегруппировки сил; главари бандформирований впервые в истории договорились о сотрудничестве. Они создали небольшой, но действенный исполнительный комитет, который в течение нескольких месяцев модернизировал процесс отмывания денег, контрабанды и международного сотрудничества, вследствие чего ОПГ смогли перейти на более высокий уровень профессионализма и секретности.

Другим последствием действий ПАГАД оказалось то, что главари ОПГ переселились из кварталов с традиционным проживанием цветных в кварталы, традиционно населенные белыми. ОПГ распространили свою деятельность также на эти районы. Среди прочего появились новые рынки сбыта для кокаина и марихуаны.

Наконец, еще одной предпосылкой для развития ОПГ стало принятие в парламенте Закона о профилактике организованной преступности (ЗПОП), предоставившего властям широкие полномочия. ЗПОП, в числе прочего, предусматривает конфискацию имущества лидеров бандформирований и их сообщников.

«Неугомонные вороны»

«Неугомонные вороны» были относительно небольшой, но весьма сильной уличной бандой, которая в начале 90-х гг. прошлого века действовала в основном в районах Маненберг, Бонтехёэл, Бишоп-Лэвис, Хейдевелд, Суррей и Прим-

роуз-Парк.

Их главарем был безжалостный, амбициозный и очень умный Виллем (Вилли) де ла Крус по кличке Птичка-Невеличка. Пятидесятитрехлетний де ла Крус к тому времени успел отбыть два тюремных срока: за разбой (1978–1981) и вооруженное ограбление (1983–1988). Считается, что кличку он получил из-за своего хобби, разведения волнистых попугайчиков, а также обычая засовывать в рот убитым им предателям живых птиц. Де ла Крус и «Неугомонные вороны» воспользовались хаосом, созданным ПАГАД в 1996 г. Численность «Воронов» была невелика, организация ПАГАД не принимала их всерьез и, как правило, не трогала. В тот период «Неугомонные вороны» не только выжили, но и, благодаря умной политике, набрали в свои ряды новое пополнение и захватили новые территории.

Де ла Крус стал также одним из основателей ОФ; благодаря хорошим навыкам ведения переговоров и умению налаживать связи, он играл в альянсе ключевую роль. Он также с самого начала распознал, какую угрозу несут в себе ЗПОП и «Скорпионы», особое подразделение генеральной прокуратуры.

Опасаясь, что власти конфискуют его значительные финансовые активы и объекты недвижимости, де ла Крус назначил своими заместителями двух старинных приятелей, с которыми он познакомился в тюрьме. Первым был так называемый Бухгалтер, бывший счетовод Мугамат Перкинс (49

лет, сидел за мошенничество в 1982–1988 гг.). В его обязанности вменялась забота о том, чтобы все имущество «Ворон» было переведено на других лиц, а также размещение активов, чтобы конфискация оказалась почти невозможной.

Вторым заместителем де ла Круса стал так называемый «генерал», силовик, который занимался убийствами, вооруженными нападениями и устрашением противников. Кроме того, силовик должен был стать противовесом Бухгалтеру Перкинсу. Выбор де ла Круса пал на Терренса Ричарда Бадьеса (50 лет, клички Терри, Террор, Террорист, в 15 лет приговорен к заключению в колонии для несовершеннолетних преступников за убийство одноклассника, позже отбывал сроки за торговлю запрещенными веществами, заранее обдуманное нападение и непредумышленное убийство).

Оба назначения оказались очень удачными. В то время как в 2000–2006 гг. «Скорпионы» и отдел ЮАПС по борьбе с организованной преступностью конфисковали почти 200 млн рандов, принадлежащие организованным преступным группировкам Капского полуострова, «Неугомонные вороны» сохранили все свое имущество. В то же время силами Террориста и его бойцов, всегда готовых насильственными методами захватить предприятия обессиленных конкурентов, «Неугомонные вороны» в тот же период превратились в одну из самых успешных ОПГ. Влияние де ла Круса в ОФ также возросло.

Увеличился и приток в ОПГ цветной молодежи из чис-

ла жителей Кейп-Флэтс, чему способствовало значительное ухудшение социально-экономических условий жизни района после 1994 г. Среди самых важных факторов можно отметить:

Наркотик тик (метамфетамин или мет): 91 % зависимых от тика цветные. Средний возраст зависимых – 16,6 года.

18 % молодых людей из числа цветных в возрасте от 14 до 34 лет отбывают сроки за уголовные преступления.

21,8 % цветных молодых людей в возрасте 16 лет не посещают школу.

48 % жителей цветных кварталов экономически пассивны или безработные (из общего числа 2,7 млн чел. 975 тыс. экономически пассивны, а 340 тыс. – безработные).

Заключение

Успех «Неугомонных воронов» (и созданного при их участии ОФ) привлек к ним внимание, которого они стремились избежать. Согласно недавней статье в «Бургере» (28 августа 2009 г.), новое правительство Западной Капской провинции, куда вошли представители оппозиционного «Демократического альянса», дало указание Генпрокуратуре назначить следователя по особо важным делам для расследования деятельности ОПГ. В первую очередь внимание следователя привлекают дела, связанные с уклонением от уплаты налогов.

14 сентября 2009 г., вторник

Ближе к вечеру Менц пригласила всех к себе и с беззаботной улыбкой предложила:

– Садитесь, господа!

Она сообщила, что после обеда ее вызывал к себе министр. Ему не терпелось послушать, какие у них успехи. Она смогла рассказать ему об Уэлвис-Бэй. Тогда министр сказал:

– Янина, мы с президентом высоко ценим вашу работу и особенно ваш профессионализм. Пересмотрите свой бюджет. Если вам понадобятся деньги, сразу же обращайтесь к нам, потому что ваше обеспечение имеет для нас первоочередную важность. Должен сказать еще об одном: возможно, до вас дошли слухи о создании новой разведывательной структуры. Во всяком случае, в кулуарах все обсуждают эту новость. Так вот, Янина, с радостью сообщаю вам, что президент предварительно не намерен включать в новую структуру ваше агентство.

Янина Менц откинулась на спинку кресла и с удовлетворенным видом посмотрела на двух своих заместителей. Масло заложил большие пальцы за подтяжки и медленно расплылся в широкой улыбке. Раджкумар, верный своему характеру, придрался к слову «предварительно».

Менц стала его разубеждать – не раздражаясь, как обычно в таких случаях:

– Радж, ведь именно этого мы и добивались, это было нашей главной целью, и мы ее достигли. Давайте радоваться жизни. И позвольте поблагодарить вас обоих за превосходную работу. – Подумав, она добавила: – Пожалуйста, передайте мою благодарность Отчетной группе. По-моему, их вчерашняя работа была превосходной. И пусть миссис Киллиан пригласит их всех на обед в хороший ресторан. За мой счет.

Заместители с трудом скрывали изумление. На их памяти Янина Менц еще никогда так не ликовала.

Менц устремила свою улыбку на Масило:

– Как там наш человек в Уэлвис-Бэй?

Адвокат сообщил, что, по словам оперативника Рейнхардта Ронна, Осман переночевал в отеле «Протея», а на следующий день, рейсом в 12.55, улетел назад, в Кейптаун. На месте его поджидала группа оперативников; его вели до штаб-квартиры Верховного комитета на Чемберлен-стрит, где, как предполагается, он отчитался перед руководством. Ронну Квинн приказал пока оставаться в Уэлвис-Бэй и постараться разведать еще что-нибудь полезное.

– Радж, что нам известно об Объединенной рыболовной компании?

Раджумар передал Янине Менц краткий отчет, составленный Джессикой, и добавил, что Отчетная группа пока не

сумела найти никаких доказательств того, что компания так или иначе участвует в незаконной деятельности.

– Они входят в концерн «Эронго», внесенный в реестр их фондовой биржи. Им принадлежит небольшая промысловая флотилия, состоящая из девяти кормовых траулеров, рыбоперерабатывающий и консервный завод. Они ведут лов в районе Бенгелы. Там ничего нет.

– Но, – возразил Тау Масило, никогда не забывавший о том, что он юрист, – послушайте-ка вот что. – Он развернул лежащий перед ним лист бумаги и прочел вслух: – «Все суда, желающие войти в порт Уэлвис-Бэй, обязаны за семьдесят два часа до прибытия судна предоставить по факсу или электронной почте следующую информацию: номер свидетельства о регистрации в Международном судовом реестре, правовой статус судна, дата отбытия из последнего порта» и так далее... – Масило посмотрел на Менц: – Распоряжение касается абсолютно всех судов... – Он помолчал, а затем продолжал: – За исключением рыболовецких!

– Черт! – воскликнул Раджкumar.

– Мадам, предлагаю перебросить в Уэлвис-Бэй три группы оперативников. Я почти не сомневаюсь в том, что они соберутся провезти партию оружия именно туда...

17 сентября 2009 г., четверг

Электроакустический микрофон в стене дома номер 15 по

Чемберлен-стрит впервые принес плоды.

В начале двенадцатого дня приехал Шахид Латиф Осман и зашел внутрь; женщина-сотрудница ПРА в доме напротив провела видео– и фотосъемку объекта. Она сидела в наушниках, хотя и не ждала ничего от микрофона-стетоскопа». Как правило, члены Верховного комитета не вели важных переговоров в прихожей.

К своему удивлению, вскоре она услышала голос Османа:
– Все тихо?

**Расшифровка аудиопрослушивания
Ш.Л. Османа и Б. Раяна, Вудсток,
Чемберлен-стрит, дом № 15**

Дата и время: 17 сентября 2009 г., 11.04.

Ш. Л. О.: Все тихо?

Б. Р.: Тише и быть не может, дядюшка.

Ш. Л. О.: Бабу, ты совершенно уверен?

Б. Р.: Да.

Ш. Л. О.: Гараж очищен?

Б. Р.: Да, дядюшка. Машина без труда туда войдет.

Ш. Л. О.: Отлично. Жди в гараже. Когда скажу, откроешь двери. Как только машина окажется внутри, снова закрой их. У Бадьеса мешок на голове, но он понимает, что так и должно быть. Ты введешь его в дом и поможешь спуститься вниз.

Потом снова выходи. Чем меньше лиц он увидит, тем лучше. Понял, Бабу?

Б. Р.: Понял, дядюшка.

Сотрудница переписала разговор на ноутбук и позвонила Квинну.

Квинн поспешил в аппаратную, где быстро включил телемониторы и подключил видео– и аудиокабели. Он успел вовремя: увидел, как Бабу Раян распахивает деревянную створку гаража при доме номер 15, быстро озирается по сторонам, проверяя, нет ли слежки, и снова скрывается в гараже.

На улицу завернул белый «крайслер-неон» и въехал в гараж. Бабу Раян быстро закрыл двери.

Квинн стал слушать аудиозапись.

Двадцать секунд было тихо. Потом послышался голос Османа:

– Не спеши, Терри, ты спускаешься по лестнице.

Незнакомый голос произнес:

– Ясно!

Зашаркали шаги; потом все стихло.

Они стояли на крыше «Уэйл-стрит-Чемберс», где Масило курил сигару – «чтобы отметить событие».

Настроение у Раджкумара не было праздничным.

– Верховный комитет якшается с бандой из Кейп-Флэтс...

Как-то не сходится.

– Все сходится, – возразил Адвокат Тау Масило.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Раджжумар.

Масило объяснил: с одной стороны у Верховного комитета есть Инкунзи Шабангу, который попытается перехватить алмазы, а сами они ведут переговоры с Террористом Бадьесом из «Воронов», представителем покупателей.

– Они хотят предусмотреть все непредвиденные случаи. Если Быку Шабангу действительно удастся украсть камни во время транспортировки, они перекупят алмазы у него. Если не удастся, заключат сделку с «Воронами».

– Но какой ценой? – спросил Раджжумар.

Тау понял, что придется все объяснять подробно.

– А ты вникни в суть игры. Все контрабандисты алмазов сталкиваются с одной и той же проблемой: как выручить больше денег за свой товар. Дело в том, что международные соглашения и правоохранительные органы сейчас им очень мешают. В наши дни рынок переместился в Индию, где обрабатывают больше камней, чем в Нидерландах. Но для того, чтобы торговать с индусами, приходится привлекать цепочку из трех-четырех посредников и каждому выплачивать его долю. По приблизительным подсчетам, если «Вороны» будут следовать этой схеме, они получают сорок центов с ранда. Но у Верховного комитета есть козырная карта: Саид Халид бен Алави Мэки. Не забывай, его специальность – отмывание денег. Возможно, у него есть связи с индусами. Поэтому Вер-

ховный комитет вполне может предложить «Воронам» пятьдесят или шестьдесят центов с ранда, а сами они заработают на прямых поставках все восемьдесят. Не забывай, что речь идет о сумме порядка ста миллионов рандов! В самом худшем случае Комитет получит не менее двадцати миллионов. Они получают гораздо больше, если алмазы перехватит Бык Шабангу, на которого они по-прежнему очень рассчитывают.

– Я имею в виду не цену алмазов в денежном выражении, – досадливо отмахнулся Раджкумар. – Какова цена ведения дел с организованной преступной группировкой, с наркоторговцами? Теперь ПАГАД им задницу надерет! Все экстремисты встревожатся. – Он поднял обе руки и откинул волосы на плечи. – Понимаешь, ставки в игре уж больно высоки. Значит, конечная цель для них очень, очень важна. Они имеют в виду нечто крупное. Гораздо более широкомасштабное, чем то, о чем мы сейчас толкуем. Их цель настолько важна, что они готовы закрыть глаза на любые средства к ее достижению. Если это теракт, то он будет чудовищен. Что очень, очень плохо.

– Плохо? – спросил Масило. – Мы их остановим! Радж, тебе надо рассуждать, как наш директор. По-моему, в смысле нашего будущего новость просто отличная!

Джессика вытащила Миллу из-за стола.

– Пойдем со мной, – прошептала она.

Они зашли в женский туалет. Богиня достала из сумочки помаду и, встав перед зеркалом, стала подкрашивать губы.

– В выходные из Йобурга приезжает приятель моего приятеля. Он клерк-стажер в большой юридической фирме в Йобурге, красивый парень, с радостью познакомится с тобой.

– Правда?

– Ему двадцать четыре, и...

– Двадцать четыре?!

Богиня рассмеялась и убрала помаду.

– Идеальный возраст! Столько энергии. В общем, он клерк-стажер в крупной юридической фирме, приедет сюда на выходные. И он красивый...

– Ну, не знаю, Джесс...

– Пусть сводит тебя в клуб, угостит выпивкой, вы потанцуете, развлечетесь. Если он не в твоём вкусе, ты хорошо проведешь вечер, и все. Если в твоём, оттрахай его до полу-смерти.

Милла покраснела:

– Я...

– Милла, поживи немного полной жизнью!

Она подавила смущение:

– Я подумаю.

Менц задала один вопрос, которого они не предвидели:

– Почему именно Терренс Бадьес, силовик?

– Что, мадам? – переспросил Тау Масило, желая потянуть

время.

– Почему Птичка-Невеличка де л а Крус послал в Верховный комитет своего силовика? Почему не Бухгалтера Перкинса?

Тау злился на себя, на Квинна и Раджкумара: никто из них не подумал о том, что Менц всегда внимательно читает отчеты.

– И еще, – продолжала Менц, – почему Комитет согласился вести переговоры с Бадьесом? Ведь они презирают таких, как он, а Бадьес, насколько я понимаю, человек очень опасный.

Масило понимал, что директора не проведешь.

– Не знаю, – ответил он.

– Значит, надо выяснить, Тау, – сказала Менц.

На лбу у нее снова появилась недовольная морщина.

Вечером, в половине десятого, Милла позвонила Джессике.

– Я не могу, – сказала она. – Он почти ровесник моего сына!

– Вот почему я не хочу иметь детей, – ответила Богиня.

Когда Милла дала отбой и снова легла на диван, она решила, что Джессика угадала правду: все дело в том, что она очень не уверена в себе.

18 сентября 2009 г., пятница

Для Сулеймана Долли, также известного как Шейх, это был день, когда ему должны были сообщить дату.

Его мобильник зазвонил в 7.28. Саид Халид бен Алави Мэки поздоровался с ним на мусульманский манер. Потом сказал:

– Шейх, сведения подтверждаются. Двадцать третьего шавваля 1430 года.

Сердце у Долли забилося чаще, и он повторил:

– Двадцать третьего шавваля 1430 года. Аллах акбар!

Всего через двенадцать дней Юлиуса Шабангу по кличке Инкунзи убьют. Он будет валяться у себя в спальне в луже крови. Но восемнадцатое сентября он запомнит как «черную пятницу»: восемнадцатого его обманули мусульмане. И еще у него на пути встал проклятый Беккер. Около девяти ему позвонил Абдулла Хендрикс, представитель Османа:

– У нас есть новости.

Инкунзи сидел за рулем своего БМВ-Х5; машина стояла в плотном потоке машин в Сандтоне, гарнитуры для громкой связи у него не было; пришлось разрываться между дорогой и разговором. Вначале он не особенно встревожился.

– Какие новости?

– Похоже, рыночные силы пришли в движение, если вы понимаете, о чем я.

– Нет, не понимаю.

– Спрос и предложение постоянно изменяются. Инкаби попросил меня заново обсудить с вами условия.

– Заново обсудить? – Шабангу полностью сосредоточился на разговоре; он почуял неладное.

– Да, сэр, к сожалению, теперь мы можем предложить вам всего тридцать центов.

– Что за...

– Мне очень жаль, но мне велели передать именно так.

– Мы договорились, передай Осману, что мы договорились!

– Прошу вас, сэр, не называйте имен!

– Что за херня? С чего вдруг Осман решил меня кинуть?

– Прошу вас, давайте придерживаться установленных процедур...

– На хрен процедуры, что там еще придумал Осман?

– Откровенно говоря, у нас есть причина сомневаться в ваших источниках. Относительно маршрута.

– Маршрута? Я с самого начала говорил, что на это уйдет время, это процесс... Погоди-ка... ах вы ублюдки!

– Что, простите?

– Сволочи, гады! Это Птичка-Невеличка, да? Вы переговаривались с ним через мою голову! Вот откуда вам извест-

но о маршруте!

– Нет, сэр. – Хендрикс не терял хладнокровия и учтивости. – Просто рыночные силы пришли в движение, нашему покупателю сделали более выгодное предложение, и мы вынуждены...

– Вы меня кидаете, мать вашу!

Хендрикс пытался что-то сказать, но Шабангу своими криками заглушал его:

– Слушай меня внимательно, я возьму камешки, и тогда посмотрим, сколько вы заплатите! Я выясню, каким маршрутом они поедут, и заберу всю партию, так и знайте!

– Прошу вас, сэр, не забывайте, мы говорим по мобильному телефону...

– Пошел ты! – заорал Инкунзи и нажал отбой. Руки у него дрожали от ярости. Он громко ругался десять минут кряду, бил по рулю, злобно косясь на стоящие рядом машины.

Немного успокоившись, Инкунзи позвонил обоим своим заместителям, рассказал им о предательстве мусульман. Потом он связался со своим главным осведомителем в Хараре.

– Мать твою, за что я тебе деньги плачу?

– Что случилось, Инкунзи?

– За что я тебе плачу, гад? Ты сообщил неверный маршрут, и вот что я тебе скажу: если вовремя не узнаешь настоящий, я лично отрежу тебе яйца, понял?

К одиннадцати Инкунзи Шабангу вернулся в свой роскошный дом. Настроение у него немного улучшилось после

заверений лейтенантов, осведомителя и других знакомых из Зимбабве: они узнают маршрут, чего бы им это ни стоило.

Его мобильник зазвонил снова.

– Да?

– Братан, меня зовут Лукас Беккер, и ты случайно украл мои деньги. Я не сержусь, братан, но хочу их вернуть.

Лаконичный стиль и медленный, врасстяжку, незнакомый голос застал его врасплох, а обращение «братан», выдававшее в звонившем белого африканера, бура, оказалось таким неожиданным, что Шабангу расхохотался.

И Беккер сказал:

– Братан, приятно иметь дело с человеком, который умеет смеяться.

Сотрудница группы наблюдения послала за Квинном вскоре после разговора между Шабангу и Хендриксом, и он прослушал запись на компьютере сотрудницы, попросил переместить запись в общую папку на сервере и расшифровать, а сам пошел доложить в кабинет Масило.

Разговор с Беккером прислали ему позже по электронной почте – с приложением двух аудиофайлов. Оператор написал: «Подумал, что вам понравится. Довольно любопытно».

Квинн стал слушать.

(Шабангу оглушительно хохочет.)

– Братан, приятно иметь дело с человеком, который уме-

ет смеяться.

– Ты кто такой, мать твою?

– Лукас Беккер. Твои ребята вчера угнали мою машину. Я ее брал напрокат, братан, так что ее можешь оставить себе. Но в машине лежали мои деньги. Прошу тебя по-хорошему: верни деньги!

– Деньги? Какие деньги?

– Много денег. В фунтах стерлингов... Наличными.

– Мои ребята? Почему ты говоришь «мои ребята»?

– Один из них сейчас у меня. Говорит, что его зовут Енох Мангоне. У него бельмо на глазу. Он уверяет, что работает на тебя.

– Не знаю такого.

– Братан, сначала он тоже ничего не хотел говорить, но после того, как я привез его к полицейскому участку, у него развязался язык. Мне не кажется, что он врет. Слушай, давай все решим по-хорошему. Верни мои деньги, и все.

– Не знаю ни о каких деньгах.

– Верю тебе, братан, но твои ребята наверняка знают. Деньги лежали у меня в рюкзаке, рюкзак был в багажнике. Рюкзак тоже можешь оставить себе, верни только деньги.

– А то что?

– Нет, давай не будем говорить о том, что «а то».

– Тогда отвали.

– Слушай, братан, с таким подходом ты только неприятности наживешь.

– Неприятности? Ты кто такой, мать твою?

– Лукас Беккер. По-моему, я уже представился.

(Шабангу коротко смеется.)

– Ты, наверное, шутишь.

(Разговор прерывается.)

Первый аудиофайл закончился. Квинн ухмыльнулся и запустил второй.

– Братан, понимаю, что ты сейчас чувствуешь: вдруг тебе звонит незнакомый белый. Поверь мне, я не шучу. Просто хочу решить вопрос цивилизованно. Что скажешь?

(Шабангу недоверчиво смеется.)

– Тебе известно, кто я такой?

– Я тебя не знаю, но твой Одноглазый Енох называет тебя инкosi. Говорит, что связываться с тобой опасно.

– Вот именно. И никакой я тебе не братан...

– Я просто так говорю...

– ...а позвонишь еще раз – сам узнаешь, опасно со мной связываться или нет.

– Братан, я верю, что ты опасен, но еще я верю, что ты – человек, способный понять. Мне эти деньги достались тяжелым трудом.

– Мне плевать!

– Слушай, братан, не надо так говорить.

– А то что ты сделаешь? Придешь и избьешь меня?

– Продолжу просить тебя по-хорошему, братан. До тех пор, пока это не перестанет больше помогать.

(Шабангу смеется.)

– Совсем чокнутый!

– Пока нет...

– Слушай, отцепись от меня. Кстати, передай Еноху, что больше он на меня не работает.

Прошлое не слишком заботило Тау Масило. В основном он сосредоточился на будущем. Но оставил след 18 сентября в своей записной книжке. После того как Янина Менц застала его врасплох своим вопросом про Бадьеса, он немного встревожился. Превыше всего Адвокат ценил свою репутацию. Он привык быть в курсе всего, привык обдумывать дело всесторонне, в перспективе, на любой вопрос у него был готов продуманный, взвешенный ответ. Потому-то главным образом Менц и назначила его своим заместителем.

Он понимал, почему история с Бадьесом прошла мимо него. Слишком многое случилось за короткий срок. Но Тау не любил отговорки. Только в середине дня у него появилась возможность тщательно обдумать происшествие. Утром ему пришлось поволноваться. Он прослушал перехваченные разговоры, прочел письма. Внимательно перечитал доклад Отчетной группы, посвященный организованной преступности, просмотрел все соответствующие расшифровки, позволил себе поразмышлять. Своим почти неразборчивым почерком нацарапал ключевые слова на пустых местах пятничного листка в органайзере.

В процессе он все больше верил в свою версию.

Верховному комитету больше известно о внутреннем устройстве «Воронов», чем Президентскому разведыватель-

ному агентству.

Террорист Бадьес повел переговоры с Комитетом вовсе не по приказу Птички-Невелички де ла Круса.

Все происходящее, так или иначе, очень важно.

Им придется докопаться до сути.

Янина Менц и Раджив Раджкumar запомнят тот день из-за электронного письма, перехваченного командой Раджа.

Масило сидел в кабинете Менц и информировал ее о разговоре между Шабангу и Хендриксом. Индус, громко пыхтя, ворвался к ним с листком бумаги в руке:

– Вы не поверите, вы просто не поверите...

Сначала его вторжение вызвало у Менц досаду.

– Что такое, Радж?

– Один из их корреспондентов совершил ошибку. Забыл зашифровать письмо!

– Ты шутишь, – сказал Масило.

– Вы только посмотрите! – Раджкumar положил листок на стол, прихлопнул его ладонью. – Ответ на письмо от Верховного комитета. Оно было закодировано по всем правилам... Видимо, у получателя мозги расплавились...

Менц медленно прочитала текст очень короткого послания и вскинула взгляд на стоящего перед ней взволнованного заместителя.

– Что означает эта дата?

– Двадцать третье шаввала 1430 года по мусульманскому

календарю – двенадцатое октября 2009 года! – Как будто она сама не способна была догадаться, он добавил:

- То есть меньше чем через месяц.
- Знаю, Радж. Но что это значит?
- Тогда-то все и произойдет.
- Что именно?
- Ну, сделка. По передаче оружия.
- Если верить Измаилу Мохаммеду, они ждут груз в сентябре.
- Может, они поменяли планы... Черт! По-вашему, на тот день они запланировали теракт?
- Нам лучше это выяснить заранее, тебе не кажется?

19 сентября 2009 г., суббота

Адвокат Тау Масило с девяти утра сидел в своем кабинете; было по-субботнему тихо. На работе только руководство.

Сначала он прочел отчет Рейнхардта Ронна, их намибийского сотрудника. Ничего нового. Он забеспокоился.

Потом перечел свои вчерашние заметки о «Неугомонных воронах». Как и вчера, ему стало не по себе.

Посмотрел на отчет Раджкумара. Двадцать третье шавваля. Двенадцатое октября 2009 года.

Отодвинул все бумаги в сторону и включил ноутбук. Открыл поисковик. Набрал: «12 октября 2009 г., Кейптаун».

Просмотрел список. Шестой сайт привлек его внимание.

Кликнул по нему. Прочел статью из местной ежедневной газеты, и сердце у него екнуло.

«Кейптаун. Сборная США по футболу, принимающая участие в чемпионате мира 2010 г., нанесет краткий визит на новый кейптаунский стадион в Грин-Пойнте.

Приезд 12 октября американской сборной совпадает с осмотром строительства комиссией ФИФА. На церемонии настилки дерна будут присутствовать Зепп Блаттер, глава ФИФА, и делегация, состоящая из 60 официальных лиц».

– Господи! – воскликнул Тау Масило.

Он долго смотрел на монитор. Потом распечатал статью и позвонил Янине Менц.

Книга вторая ЛЕММЕР (Черный лебедь)

Сентябрь 2009 г.

Следопыт обязан обращать внимание на любые признаки присутствия животных в той или иной местности: следы на земле, на траве, запахи, кормовые следы, мочу, экскременты, слюну, клочья меха, метки территории, дневки и укрытия, голосовые и другие слуховые сигналы, визуальные признаки, случайные знаки, косвенные признаки и скелетные признаки.

Л. Либенберг. Настольная книга следопыта.

Распознавание следов

Границы территории могут быть помечены мочой, испражнениями или запаховыми метками, оставленными на траве или листьях особыми обонятельными органами.

Настольная книга следопыта.

Классификация знаков

Я не ищу неприятностей, они сами меня находят. Одиннадцать, субботнее утро, конец сентября. Мы с Эммой Леру сидим в «Красном гранате». Мой мир в тот миг почти совершенен, полон. Привычные локстонские звуки. Щебечет трясогузка, сидящая на пороге, из северного окна льются солнечные лучи. Я только что с аппетитом расправился с сытным завтраком, выпил чашку крепкого кофе. Эмма не спеша, с явным удовольствием доедает свежие булочки с джемом и сливками. Рядом с ней на столе стоит чайник. Она как будто светится изнутри, разрумянилась – всего два часа назад мы с ней лежали в постели, сплетясь в жарких объятиях. Теперь она рассказывает мне о книге, которую сейчас читает. Как всегда, я удивляюсь несоответствию низкого, грудного голоса ее субтильной фигурке. На красиво изогнутой верхней губе, как снежинка, сидит капелька сливок.

Все слишком хорошо, чтобы быть правдой, потому что я – Леммер.

Должно быть, боги опомнились, потому что вдалеке слышался какой-то рокот. Постепенно он делался все громче. Наконец, Эмма замолчала и повернула голову ко входу. Тетушка Вильна, душа и сердце «Красного граната», вышла из кухни, вытирая руки о юбку.

– Вы тоже слышали?

Грохот делался все громче. Ясно, они приближаются по Карнарвон-Роуд.

Мы все выглянули наружу. Перекресток с круговым движением; поток машин словно обтекает церковь. Городок насторожился, замер. Покупатели выбежали из супермаркета, из магазина сельхозкооперации. От церкви прибежали цветные ребятишки; их взволнованные крики примешивались к общей какофонии. Они взволнованно тыкали куда-то пальцами.

В девять утра в Локстон с помпой прибыли инопланетяне. Сверкающий хром, черная кожа, сталь. С рукояток и сидел свисает длинная кожаная бахрама. Четыре «Харли-Дэвидсона». Байкеры в темных очках и дурацких шлемах, пестрые банданы закрывают рты и носы. Чтобы дотянуться до педалей и рукояток, им приходится вытягивать руки и ноги. Сделав круг почета, они направились к ресторану и затормозили у входа. Аккуратно поставили своих железных коней – задом к нам, передом к улице. В последний раз взревели моторы, дав нам насладиться оглушительным грохотом и треском. Синхронно опустились подножки. Байкеры сняли бан-

даны.

Блаженная тишина!

Регистрационные таблички крошечные. Я прочел их по порядку: «НЕ ЛЕЗЬ». «ИГРУШКА ДЛЯ МАЛЬЧИКА». «БЛЕСК И ТРЕСК». «ХЕЛЛРЕЙЗЕР».

«НЕ ЛЕЗЬ» спустился с трона, снял шлем, стянул кожаные митенки, потом кожаную куртку с бахромой. Волосы у него оказались седые со стальным отливом, стильно и дорого подстриженные. Лицо самоуверенное, с задорным, мальчишеским выражением. Футболка, пожалуй, маловата. Седой смерил Локстон презрительным взглядом и громко, чтобы все слышали, вынес свой вердикт:

– Ну и дыра!

Работяги из магазина робко, бочком окружали незваных гостей, дети бросились к мотоциклам.

Все четверо байкеров спустили ноги на твердую землю. Кожаные брюки, начищенные до зеркального блеска черные сапоги, украшенные серебряными завитушками. Всем хорошо за сорок. Номер два – крупный, метров двух ростом, номер три – коротышка с крысиной физиономией. Номер четыре – ничего примечательного, но фигура спортивная.

– А ну, отойдите! Смотреть можно, трогать – ни-ни! – сказал ребятишкам Седой.

Они пожирали мотоциклы взглядами, но подходить боялись.

«Рыцари Харли» вошли в ресторан в таком порядке: пер-

вым шел Седой. За ним – Крысеныш и Спортсмен. Здоровяк прикрывал тылы. Сразу ясна их неофициальная иерархия.

– Доброе утро, – сказала тетушка Вильна, – добро пожаловать в Локстон. – Она приветливо улыбнулась гостям.

Они внимательно осмотрели ее и ресторан.

– У вас пиво есть? – спросил Седой, явно не впечатленный обстановкой.

Эмма повернулась ко мне, едва заметно покачала головой и доела булочку.

– К сожалению, у нас нет лицензии на продажу алкоголя, но винный магазин через дорогу. Сейчас Мичи сбегает. Садитесь, пожалуйста... – Она указала на большой стол на шестерых.

Седой покосился на меня. Крысеныш смерил Эмму задумчивым взглядом. Они сели. На спине у Спортсмена красовалась надпись: «Если ты это читаешь, значит, моя чувиха отвалилась».

Тетушка Вильна принесла им меню.

– Какое пиво предпочитаете?

– «Блэк Лейбл», – ответил Седой. – Холодное.

– Сбегай, пожалуйста, к Зельде и принеси четыре бутылки «Блэк Лейбл», – велела Мичи тетушка Вильна. – Да попроси, чтобы достала холодное.

– Пусть принесет двенадцать бутылок, тетушка, – распорядился Седой.

– Пить хочется, – подхватил Здоровяк.

– Жажда замучила, – добавил Крысеньш, как видно, придворный шут в команде «Харли».

Все расхохотались: «Ха-ха-ха!» Товарищи по оружию.

Мичи со всех ног бросилась выполнять поручение. Недолгая тишина.

Снаружи четверо цветных проезжали в телеге, запряженной ослом, в сторону Бофорта. По асфальту цокали копыта. Спортсмен некоторое время наблюдал за ними, а потом заметил:

– Здешний автобан.

Остальные снова заржали. О чем-то заговорили громче, чем требуют приличия, чтобы мы, зрители, все слышали.

Эмма едва заметно, ностальгически улыбнулась мне, понимая, что волшебный миг счастья прошел.

Животные, больные бешенством, часто ведут себя необычно. Бывает, что они нападают на людей.

Настольная книга следопыта.

Опасные животные

– О чем мы говорили? – тихо спросила Эмма.

– О «Черном лебеде», – напомнил я, отпивая кофе. Так называлась увлекательная книга, о которой она мне рассказывала.

– Да я все равно уже закончила. – Эмма налила себе еще чаю и взяла последнюю булочку.

Седой за соседним столом громогласно объявил, что собирается купить «порше-кайенн».

– Зачем? – спросил Спортсмен. – Твоей «Ауди-Q?» всего год.

– Затем, что хочу и могу.

– Ха-ха-ха!

Седой как-то уж слишком лез из кожи, стараясь казаться крутым, храбрым бродягой, клоном «Ангела ада». Ясно, с деньгами у него полный порядок, но маскарад выдавал глубокое внутреннее несоответствие. Возможно, он занимает крупный пост в какой-нибудь корпорации, но исполнительным директором его не назначили – наверное, руководство разглядело в нем задатки жестокого диктатора. Скорее все-

го, он трудится в финансовом секторе... Заведует отделом регулирования денежных операций. Риск, адреналин, большие деньги, мания величия, страсть к потреблению.

Я наскоро оценил остальных. Здоровяка вычислить легче всего; он подчиненный Седого, его сторожевой пес. С двумя оставшимися потруднее. Не коллеги, но родственные души. Возможно, клиенты Седого. Вместе играют в гольф, устраивают долгие совместные обеды с выпивкой, время от времени заглядывают в стриптиз-бар. Все четверо – богатые африканеры из северных пригородов Кейптауна; устроили себе каникулы, о которых мечтали с детства. Жен и детишек оставили в бунгало где-нибудь в Херманусе. И все-таки между тем, кто они есть на самом деле и кем они себя воображают, зияет огромная пропасть...

– У тебя слишком много игрушек, – заметил Крысеныш.

– Мальчики любят игрушки, – сказал Здоровяк и покопался на Седого в поисках одобрения.

Тот кивнул:

– Верно, мать твою!

Они начали хвастаться, что у кого есть.

Прибежала Мичи с пивом; тетушка Вильна обслужила их.

– Стаканов не надо, – сказал Здоровяк.

Они с удовольствием пили из горлышек. Седой брякнул бутылкой о столешницу, вытер губы:

– Прямо материнское молочко!

Эмма нагнулась ко мне через стол и шепнула:

– Хотят вернуть молодость... Вспомнить, какими были в студенческие годы.

«Скорее полные идиоты», – подумал я.

– Еще пива! – крикнул Крысеныш.

Тетушка Вильна принесла.

Когда она проходила мимо нашего столика, я попросил счет.

– Вы ведь еще двойной бифштекс заказывали, – удивилась тетушка Вильна.

«Рыцари» вдруг замолчали, стали прислушиваться.

– Спасибо, тетушка, в другой раз, – тихо сказал я.

– «Двойной бифштекс», – хихикнул Крысеныш.

«Рыцари Харли» снова заржали, стали пить пиво.

– Булочки очень вкусные, – сказала Эмма тетушке Вильне.

– Спасибо, Эммочка.

Эмма налила себе еще чаю.

– Эммочка, иди к нам! – крикнул Спортсмен.

– Не тронь ее, она вон какая худенькая, – сказал Крыса.

– Чем ближе кость, тем слаще мясо, – ответил Спортсмен.

Они снова заржали.

– А он предпочитает двойные бифштексы, – заметил Здоровяк, глядя на меня и стуча себя пальцем по черепу.

Первый локстонский закон Леммера: в городке не давать воли своему гневу. Я встал, подошел к стойке и, держась к ним спиной, достал бумажник.

– Знаете, почему Иисус не мог родиться в Локстоне? – спросил друзей Крысеныш.

Тетушка Вильна нахмурилась.

– Потому что здесь нет ни одного умного мужика, – ответил Седой.

– Ха-ха-ха!

– И ни одной девственницы, – подхватил Здоровяк.

Снова «Ха-ха-ха» – на октаву выше.

Тетушка Вильна выписывала нам счет – медленно и аккуратно, как всегда.

– Ну не знаю, – возразил Седой. – Судя по виду, похоже, Эммочка еще девственница.

Я положил ладонь на стойку, опустил голову, медленно сделал вдох. Вдох, выдох. Я понимал, какие мысли вертятся у них в головах. Они меня рассмотрели, увидели невзрачного, тощего субъекта, деревенщину. Храбрости у них заметно прибавилось.

– Тощая дева со взором горящим, – сказал Спортсмен.

– Да ты, оказывается, поэт! – воскликнул Здоровяк.

– «Эмма, о, Эмма!» – пропел Крысеныш.

– Ха-ха-ха!

– «Скажи своей маме, что дядя хочет сделать с тобой ребенка».

Хриплый хохот над его вариантом популярной песни «Эмма».

Я открыл бумажник, приготовился платить. Заметил, как

дрожат руки.

– Не волнуйся, Эмма, я буду нежен с тобой, – сказал Крысеныш.

– А может, и нет, – подхватил Спортсмен.

– Ха-ха-ха!

Я услышал, как Эмма отодвинула стул от стола и подумал: вот оно, началось.

– Ну, так давайте, – сказала Эмма. – Попробуйте только!

– Хо-хо! – протянул Крысеныш, но храбрости у него заметно поубавилось.

Голос Эммы резал, как нож:

– Интересно, что сказала бы твоя жена, если бы увидела тебя сейчас. И дети...

У них не нашлось что ответить.

– Девяносто пять рандов, – прошептала тетушка Вильма.

Я понимал, что нам необходимо срочно выйти из ресторана. Хотя бы ради нее.

– Какие вы жалкие! – сказала Эмма.

Зловещее молчание. Я торопливо выложил деньги на стойку и развернулся лицом к залу. Эмма, пылая от негодования, держалась за спинку стула.

– Эмма... – позвал я, потому что мне уже приходилось видеть, какая она бывает в ярости. Девять месяцев назад она бесстрашно тыкала своим тонким пальчиком в грудь здоровяка полицейского.

Я увидел лицо Седого, увидел, как в нем закипает злоба,

и понял: от его следующих слов зависит все. Я направлялся к Эмме, когда он сказал:

– Ты за кого себя принимаешь, мать твою?

Я отчаянно цеплялся за последние остатки самообладания. Разум требовал: «Уходи!»

– Сама ты жалкая, тощая сучка! – прошипел Седой.

Ярость смыла все мои благие намерения. Я резко изменил курс и направился к нему.

След включает широкий спектр признаков, от видимых глазом отпечатков конечностей, которые дают подробные сведения о животном и о том, чем оно занимается, до едва различимых признаков, которые могут указывать лишь на то, что животное чем-то обеспокоено.

Настольная книга следопыта.

Классификация знаков

– Ну и красивые же байки стоят у входа! Вы, ребята, должно быть, в деньгах купаетесь, – загрохотал с порога чей-то дружелюбный бас. Мощная фигура быстро отгородила меня от «Рыцарей Харли», я увидел смутно знакомое лицо. Человек подмигнул мне, отвлекая внимание. – Леммер, дружище, а я весь город обыскал, думаю, куда вы подевались! – Как будто мы с ним хорошие приятели.

Из подсознания всплыло: это Дидерик Бранд, местный фермер. Я обошел его. Мне хотелось начать с Седого, преподать ему урок, который он не скоро забудет... Здоровяк медленно встал со стула.

Увидев мое лицо, Эмма опомнилась и крикнула:

– Леммер, нет!

Дидерик положил мне на плечо широкую, твердую ладонь и умиротворяюще пророкотал:

– Они того не стоят! – повернулся к их столику и, подталкивая меня к выходу, поинтересовался: – Интересно, сколько стоит одна такая штучка?

Эмма поняла, что он задумал, взяла меня за другую руку своей прохладной ручкой.

– Двести двадцать, – ответил Крысеныш писклявым от волнения голосом. – В базовой комплектации.

Дидерик и Эмма общими усилиями доволокли меня до двери. Я не сводил глаз с Седого; видимо, до него что-то дошло, потому что он отвернулся.

– Невероятно! – сказал Дидерик. – Классные машинки! – После того как мы вышли на улицу, он негромко сказал мне: – Зачем тебе это надо?

Эмма дернула меня за руку.

– Зря я вышла из себя... Нужно было не обращать на них внимания.

– Нет, – ответил я и стал вырываться, стремясь назад, в ресторан.

– Леммер! – резко окликнул меня Дидерик Бранд. Я посмотрел на него, увидел у него на щеках ямочки и обнадеживающую улыбку.

Я остановился.

– Слушайте, – сказал он, – хотите спасти двух последних черных носорогов в Зимбабве?

Можно подумать, он задал самый логичный вопрос в данных обстоятельствах.

О Дидерике Бранде я знал всего две вещи. Во-первых, он был крупным землевладельцем – владел огромным участком между рекой Сак и горами Нувевельд. Во-вторых, если в Локстоне кто-то поминал его имя, все восклицали: «Ах, этот Дидерик!» – а потом смеялись и качали головами, как будто речь шла о любимом сыне-проказнике.

Несколько раз я мельком видел его, точнее, видел его волосатую руку, машущую из окошка пикапа, когда он проезжал мимо. И вот он сидит у меня в гостиной, на новом кожаном диване – Эмма купила его, чтобы задобрить меня после того, как она раздолбала мой старенький, но надежный пикап «исудзу», не вписавшись в поворот на гравийной дороге у Якхалсданса. Домой мы вернулись вместе с Дидериком; по пути они с Эммой в два голоса убеждали меня, что «Рыцари» не стоят того, чтобы о них мараться. Я кивал, но в глубине души был еще в «Красном гранате» и вершил расправу.

Дидерик был крупным мужчиной за пятьдесят, широкоплечим, с обветренным лицом, какое бывает у всех фермеров в Кару. Над ушами и воротом чистой рубахи цвета хаки завивались черные пряди с сединой. Под носом небольшие усики; в уголках смеющихся глаз «гусиные лапки». Он излучал природное обаяние – сразу было ясно, что он умеет развлечь компанию гостей и не прочь посмеяться над собой. Дидерик сидел наклонившись вперед и опершись локтями о колени. Свою занимательную историю он излагал умело и

довольно настойчиво. Эмма слушала его, раскрыв рот.

— Целых два года мы пытались раздобыть черного носорога, но это непросто. Получить лицензию на отлов практически невозможно — придется целую вечность ждать, нужно, чтобы твою кандидатуру одобрили, чтобы у тебя была достаточно большая ферма, естественная среда обитания. Если повезет, тебя включат в программу разведения диких животных. Но предпочтение отдается не частным лицам, а национальным паркам. В прошлом году власти Замбии объявили, что у них осталось всего десять особей. После девяносто восьмого года черные носороги считались там полностью вымершим видом. Черный носорог очень дорог, полмиллиона рандов за голову. Их надо срочно спасать. А ведь когда-то, давным-давно, они обитали в наших краях! Наконец я опросил всех, кого можно и кого нельзя. Все знали, что я ищу черных носорогов. Три недели назад мне позвонил один тип из Зимбабве; сказал, что раньше работал в тамошнем министерстве охраны природы. Хотя штурмовики Мугабе давно вытеснили всех белых с руководящих постов, он не уехал из страны, а устраивает для туристов сафари в Чете. В общем, он сказал, что они случайно наткнулись на пару черных носорогов — самца и самку. Нашли их на берегах реки Себунгве, к югу от Кариба. Животные были напуганы; они дикие, очень агрессивные и не подпускают к себе людей. Тот человек сказал, если мы их не спасем, их рано или поздно все равно убьют из-за рогов. У него самого не хватит денег на то,

чтобы усыпить носорогов и перевезти их через границу. Если я оплачу расходы, доставку они берут на себя. Мне останется только принять груз на границе и доставить к себе. Но на деле все не так просто, как кажется. Себунгве в семистах километрах от нашей границы, и то если ехать по дороге, а им придется выбирать кружной путь, объезжать блокпосты и все такое. С их стороны это большая жертва, но в конечном счете все делается ради общего блага...

Вдруг он замолчал на полуслове и покосился в сторону окна. Тут и мы услышали характерный стрекот – к нам приближался небольшой одномоторный самолет. Дидерик Бранд кивнул, как будто ждал его.

Подумать только, наш сонный городишко субботним утром встревожен, как гнездо термитов.

– Мистер Бранд, позвольте предложить вам кофе, – вмешалась Эмма, воспользовавшись паузой. Я выжидал, гадая, какое его рассказ имеет отношение ко мне.

– Дидерик, зовите меня Дидериком. Эмма, спасибо, не надо. Трудность в том, что у нас совсем нет времени. – Он взял черную папку, которую раньше, войдя, положил на кофейный столик, и с треском раскрыл ее. Пролистал целую кипу документов. – Так вот, первым делом я связался с нашими природоохранными организациями. Как вы знаете, за контрабанду диких животных, не разрешенных к ввозу, ничего хорошего ждать не приходится. Министерство охраны окружающей среды отнеслось к нам очень сочувственно; по-

моему, они чувствуют себя виноватыми из-за Зимбабве, если вы понимаете, о чем я. Но и их понять можно: у нас нет ни сертификата о происхождении животных, ни разрешения на вывоз от зимбабвийских властей. Как ни крути, а контрабанда есть контрабанда. – Он, наконец, нашел нужный документ и торжественно выложил его на столешницу. – Мне удалось кое-чего добиться! Во-первых, важную роль играет генофонд. В ЮАР поголовье крошечное, почти все наши черные носороги происходят из Квазулу и парка Крюгера. В смысле генофонда зимбабвийские животные бесценны. Пришлось подписать соглашение, по которому я предоставляю министерству охраны окружающей среды право первого отбора приплода. Во-вторых, помогло то, что я живу в отдаленном районе. О том, что я намерен разводить носорогов, знают всего несколько человек, в том числе вы. Кстати, прошу вас, никому не рассказывайте о носорогах, потому что их рога на черном рынке идут примерно по двадцати тысяч долларов за килограмм. Иными словами, каждый рог стоит больше шестидесяти тысяч долларов, почти полмиллиона рандов. В-третьих, у меня много земли и электрифицированная ограда. Здесь... – он похлопал своим большим пальцем по документу, – мое разрешение.

Дидерик достал из папки еще один лист бумаги.

– Вот письмо от директора департамента. Они готовы дать исключительное разрешение на ввоз под грифом «экстренный случай». – Толстыми указательными пальцами он изоб-

разил кавычки.

– Дидерик... – начал я.

– Леммер, я знаю, о чем вы хотите меня спросить. При чем здесь вы? Сейчас объясню. Вы знаете Лоуренса Лериша?

– Я слышал о нем.

– А Николу, который разводит диких животных?

– Он мой друг.

– Сейчас Лоуренс находится в Мусине. Никола дал ему свой грузовик для перевозки животных. Сегодня он получит двух носорогов на зимбабвийской границе, восточнее Вембе, и повезет сюда груз, который стоит целое состояние – учтите, я имею в виду не только деньги. Ему предстоит преодолеть больше полутора тысяч километров. Если что-нибудь пойдет не так... – Бранд смерил меня многозначительным взглядом. Дошло до меня не сразу.

– Вы хотите, чтобы я поехал с ним?

– Пожалуйста, Леммер, дружище... – Как будто мы с ним старые приятели. – Я заплачу сколько скажете, полную цену.

По лицу Эммы я видел: она считает, что я должен принять участие в благородном деле.

– Дидерик, все не так просто...

– Леммер, все официально, вам не нужно беспокоиться.

– Дело не в этом. Я на контракте. Не имею права брать заказы со стороны.

– Что вы имеете в виду?

– Я работаю на одну кейптаунскую фирму, «Бронежилет».

– Да-да, вы телохранитель. Присматриваете за богатыми и знаменитыми...

В Кару секретов нет, есть только ложные впечатления.

– В основном я охраняю зарубежных бизнесменов... – сказал я.

– Но сейчас вы ведь не заняты?

– Дидерик, у меня контракт с «Бронежилетом». В нем написано, что я не имею права брать заказы со стороны. Все должно идти через них.

– Они должны получить комиссию.

– Совершенно верно.

– Леммер, приятель... откуда они узнают? Сегодня поедете, послезавтра вернетесь.

Как я мог ему объяснить, не обижая его, что моя верность Жанетт Лау не обсуждается?

– Я, как вы, Дидерик, тоже предпочитаю официальные санкции.

Он смерил меня задумчивым взглядом и, наконец, сказал:

– Ладно... Кто у них главный? Как ему позвонить?

– Как я туда доберусь? До Мусины ехать целый день.

– А самолет на что? – Он ткнул большим пальцем в сторону аэродрома. – Там Лоттер. Он вас ждет.

После десятиминутного разговора Дидерик передал трубку мне:

– Просит вас.

– Жанетт! – сказал я.

– Рада слышать, что ты начал сам привлекать клиентов... – Как всегда, ирония в ее хриплом прокуренном голосе, а потом короткое, отрывистое «Ха!». Это значит, она смеется.

Я решил промолчать.

– Если хочешь, берись. Уж я тут как-нибудь справлюсь.

Хотел ли я взяться за работу? Мне не придется уезжать далеко от дома. Правда, оставались вопросы, пока неясные. События с самого утра, с «Рыцарей», развиваются как-то слишком быстро. Ну и, конечно, мне не давал покоя Первый закон Леммера. Как известно, он гласит: не увлекайся. А здесь поневоле придется увлечься по самые уши. Местный фермер затеял Большое Дело...

Жанетт правильно истолковала мое молчание.

– Может быть, тебе известно больше, чем мне. Решай сам! – Помолчав, она добавила: – Леммер, похоже, дело благородное. Мне понравился его голос. Судя по всему, хороший человек. А ты ведь понимаешь, как им тяжело живется после кризиса...

Я понимал. После международного обвала оборот в «Бро-нежилете» сократился на пятьдесят процентов. Вот уже два месяца, как я не зарабатываю ни цента.

Я посмотрел в умоляющие глаза Эммы. Как и Жанетт, она уже была горячей сторонницей Дидерика. Я вспомнил и молодого Лоуренса Лериша, студента сельскохозяйственного

университета. Что скажут в Локстоне, узнав, что я бросил его на произвол судьбы? Кроме того, скоро вносить очередной платеж за новый пикап «форд». И надо перекрывать крышу. Я вспомнил, как тихо присвистнул дядюшка Бен Брюэр, спустившись с чердака и сообщив мне, что деревянные перекрытия совсем сгнили и придется класть новую крышу.

Я глубоко вздохнул и сказал:

– Согласен.

Чтобы правильно прочесть знаки, следопыт должен знать, что и где следует искать. Человек несведущий не распознает знак, даже если смотрит прямо на него.

Настольная книга следопыта.

Распознавание знаков

Лоттер был похож на постаревшего рок-музыканта. Поревшие длинные волосы он завязывал в «конский хвост». На смуглом, цыганистом лице – круглые очки. Он с дружеской улыбкой пожал мне руку, взял мою черную спортивную сумку и зашагал к самолету. Самолетик показался мне невозможно маленьким – прямо игрушка, покрашенная в белый, красный и синий цвета. Кабину закрывал прозрачный купол. В кабине имелось два кресла и тоненький рычаг управления – в самолете ждешь чего-то посущественнее. Такие самолетики в выпусках новостей называются «миниатюрными». Я вспомнил, как часто дикторы сообщают об их крушении...

Эмма с любопытством осматривала самолет; глаза у нее горели. Она только что назвала предстоящую мне поездку «забавным приключением».

Дидерик Бранд подошел ко мне сзади.

– Не нужно беспокоиться, Лоттер – победитель международных состязаний.

Меня больше беспокоили не летные навыки Лоттера, а то,

на чем он летает. Но я прикусил язык.

– Вот, на всякий случай. – Бранд передал мне сверток, обернутый промасленной тряпкой.

Я унюхал запах оружейного масла и начал разворачивать подарок.

Он положил на него руку:

– На вашем месте я бы подождал, пока вы не окажетесь в воздухе... – И он многозначительно покосился на Эмму. – Не хочется ее расстраивать.

– Мне следует знать что-то еще?

– Вы ведь знаете, какая у нас ситуация на дорогах, – ответил он.

Я не знал, что делать. Мой «глок» 45-го калибра с магазином на десять патронов лежал в спортивной сумке. Другого оружия мне не требовалось. Но Дидерик Бранд уже отвернулся и зашагал прочь. Отойдя подальше, поднял обе руки над головой и замахал ими:

– Давайте, двигайтесь!

Я посмотрел на часы. Без пяти двенадцать.

Два часа назад моя жизнь была очень легкой.

Я положил руку на крыло, собираясь забраться в кабину. Ко мне подошла Эмма; на ее лице отражалась любопытная смесь эмоций – тревога, гордость, нежность...

Мне хотелось ее поцеловать. Неожиданно она сама обняла меня и прижалась ко мне всем телом. Сказала что-то, но я

не расслышал из-за рева двигателя.

– Что? – крикнул я.

Эмма прижалась губами к самому моему уху:

– Леммер, я люблю тебя!

– «Ромео-Виктор-Сиерра» вызывает Кейптаун, доброе утро, – сказал Лоттер в рацию, когда под нами поплыла Бокпорт-Роуд, а мой желудок прыгнул куда-то в горло. – Кейптаун, «Ромео-Виктор-Сиерра» произвел взлет из Локстона, десять ноль четыре зулу, план ноль два пять. «Ромео-Виктор-Сиерра».

– «Ромео-Виктор-Сиерра», поправка четыре ноль шесть шесть, коридор свободен, выход на связь при пересечении границы РПИ!

Они изъяснялись на языке другого мира. Лоттер повторил слова своего невидимого собеседника и занялся многочисленными приборами на приборной панели. Интересно, какой из них первым подаст сигнал о том, что мы вот-вот рухнем вниз огненным шаром? Я нехотя выглянул из прозрачного купола. Под нами расстилалась засушливая полупустыня Кару, а над нами синело безбрежное небо.

К горлу подкатила тошнота.

Я вспомнил о свертке, лежащем у меня на коленях. Развернул тряпку и достал странный предмет: помповый короткоствол MAG7 отечественного производства, напоминающий пистолет-пулемет «узи» на стероидах. 12-й калибр,

магазин на пять патронов в рукоятке. Внушительная отдача. Такие штуки применяет полиция, когда работает в ограниченном пространстве – прочесывает помещения, например. Еще двадцать патронов лежали отдельно, в пластиковой коробке.

Лоттер присвистнул прямо мне в наушники:

– Клянусь, я на вашей стороне!

– Но кто на стороне Бранда?

– Что вы имеете в виду?

– Таким оружием пользуются только правоохранительные органы. Гражданским на них лицензию не дают.

Лоттер рассмеялся.

– Йа, этот Дидерик! – Он покачал головой и покосился на меня. – Что-то вы побледнели. – Он достал из-под сиденья бумажный коричневый пакет и передал его мне: – Вот, на всякий случай, если укачает.

Укачало меня сразу за Хоуптауном.

– Сытно позавтракали? – сочувственно спросил Лоттер.

Я не ответил – страшно было лишний раз открывать рот.

– Все совершенно нормально, – продолжал он в отношении моего недомогания. – Скоро полегчает.

Через двадцать минут под нами проплыл еще один городишко. Я глубоко вздохнул и с надеждой спросил, не нужно ли нам садиться для дозаправки.

Лоттер ухмыльнулся:

– Эта красотка пролетает три тысячи километров на одном баке горючего!

– Далеко для такой малышки, – скептически заметил я.

– Что? – обиделся он. – Никакая это не малышка, это легкий пилотажный самолет RV7!

RV7, MAG7... Если еще в номерном знаке на грузовике Николы тоже есть семерка, можно надеяться, что скоро я сорву крупный куш!

Лоттер заметил отсутствие у меня воодушевления.

– Лучший сверхлегкий самолет в мире! – сказал он. – Его сконструировал Ричард ван Гринсвен. Максимальная скорость свыше 190 узлов, то есть примерно 340 километров в час, может перемещаться с крейсерской скоростью, может делать фигуры высшего пилотажа во всем объеме...

При словах «фигуры высшего пилотажа» мой желудок сделал сальто, и я спросил:

– Неужели сам ван Гринсвен? Что вы говорите!

Лоттер расхохотался.

– Все дело в скорости и высоте, – сказал он. – Внутреннее ухо подсказывает вам, что вы передвигаетесь страшно быстро, а глаза этого не фиксируют. Все равно как читать в машине. Почаще поглядывайте вниз, и скоро вам станет лучше.

Обещания, обещания...

Он снова заговорил по радиации на своем непонятном летном языке:

– Кейптаун, «Ромео-Виктор-Сиерра» пересекает границу

РПИ!

– «Ромео-Виктор-Сиерра», вызывайте Йоханнесбург-Центральный один два ноль запятая три, до свидания, – прокаркал голос в рации.

Я выключил звук и посмотрел вниз. Кару медленно, но верно сменялась вельдом. Лоттер оказался прав: через несколько минут внутренности у меня как будто улеглись на место. Мысли осторожно и медленно поплыли в сторону. К Эмме.

«Я люблю тебя, Леммер».

Она сказала это впервые.

Эмма и я.

Девять месяцев назад мы с ней понятия не имели о существовании друг друга. Мы были полными противоположностями, выходцами из разных миров. Она была крошечная, утонченная, решительная и хорошенькая, как эльф из детских сказок. Она была богата, исключительно богата, благодаря наследству, оставшемуся от отца-промышленника. Эмме очень хотелось найти давно пропавшего брата, и она подыскивала того, что защитит ее от опасностей, связанных с розысками. Телохранителем, которого Жанетт Лау приставила к Эмме, стал я. Я был полон сомнений, подозрений и скепсиса, потому что Эмма оказалась всем, против чего предостерегали меня мои Законы.

Она завоевала меня медленно, против моей воли, вопреки

моим ожиданиям и, главное, вопреки моему здравому смыслу. Ведь она была клиенткой. А я – Леммер. Белый бедняк из закоулков Си-Пойнта, который славится своей вспыльчивостью и в гневе способен натворить неописуемых бед. В то время меня только выпустили условно-досрочно из тюрьмы, где я отсидел четыре года за непредумышленное убийство. Я знал свое место и понимал все сложности жизни.

Я нашел ее брата. А после всего вернулся домой, в Локстон, уверенный, что больше никогда ее не увижу – что, наверное, и к лучшему. Но Эмма всегда была непредсказуемой.

Она меня разыскала и сама приехала ко мне. Сначала я решил, что она просто хочет поблагодарить меня – она ведь такая вежливая, воспитанная, такая... правильная.

Я ошибся.

Наш роман стал для меня полной неожиданностью. Я как будто смотрел на все происходящее со стороны. Я и поверить не смел, что такая женщина, как Эмма, способна проявить ко мне интерес. Я жил, ослепленный волшебным видением – мы с Эммой вместе. Ослепленный верой, изумлением и жадой. И нездоровым любопытством: где и как все потерпит крушение. До сегодняшнего утра, до самолета. *«Я люблю тебя, Леммер»...*

Трудность в том, что Эмма по-прежнему ничего обо мне не знает.

Я скрывал от нее мои грехи. Она считает, что я поселился в Локстоне, потому что здесь красивая природа и славные

соседи. Она не знает, что я сбежал сюда от городских соблазнов, которые пробуждают во мне мои худшие качества. Она не знает о моем желании исцелиться безмятежностью, терпением и целостностью жителей провинции. Она не знает, до чего нелепо мое стремление стать здесь своим.

Нелепо, потому что в глазах обитателей Бо-Кару я – чужак, новичок, неизвестная величина, которая держится на расстоянии. Я стараюсь вести себя деликатно, вежливо и в полном соответствии с моим Первым законом. Сложностей добавляет и моя необычная профессия. Я телохранитель, который часто уезжает в разные концы страны. Меня неделями не бывает дома. А иногда я возвращаюсь со следами телесных повреждений разной степени тяжести... Непонятный тип, который каждую неделю тренируется в стрелковом тире, а на закате совершает длительные пробежки по гравийным дорогам.

И все же несколько человек из числа местных жителей – эксцентричная Антье Барнард, добродушный дядюшка Ю ван Вейк и моя цветная экономка Агата Лефлер – сразу, без колебаний приняли меня в свой круг. Они были исключением... до приезда Эммы.

Эмму можно считать эталоном нормальности. Наверное, по ассоциации с ней местные жители решили, что меня тоже можно считать относительно нормальным человеком. Эмма, порывистая, привлекательная, образованная молодая женщина, возникла словно из ниоткуда и с тех пор навещала

меня один или два раза в месяц. Она специально поменяла свой «рено-меган» на внедорожник «лендровер-фрилендер», способный ездить по проселочным дорогам. Однажды в августе, под вечер пятницы, она взяла мой старенький пикап «исудзу» и поехала за продуктами в Бофорт-Уэст, а на обратном пути не вписалась в поворот у Якхалсданса. Пикап восстановлению не подлежал.

На следующее утро она обратилась к соседям за помощью. Спросила, нет ли какого-то, по ее выражению, «экологичного» средства для борьбы с муравьями в моем саду. И заодно поведала, как накануне «слишком быстро срезала поворот, потому что соскучилась по Леммеру».

– И что?

– И разбила его пикап. Вдребезги.

– А потом?

– Я увидела, что не пострадала. Ну, и прошла последние семь километров пешком.

Соседи изумленно качали головами:

– Что же сказал Леммер?

– Не знаю. Я не понимаю по-французски.

По словам дядюшки Ю, Эмма рассмешила их до колик; они еще долго хохотали, хлопая друг друга по плечам. После они охотно объяснили Эмме, что муравьев, обитающих в Кару, так называемыми «экологичными» ядами не возьмешь.

Эмма уговорила меня вместе с ней ходить в локстонскую церковь по воскресеньям. Именно благодаря ей нас пригласи-

сили на барбекю у плотины и на торжественный ужин, посвященный открытию регбийного сезона. Эмма Леру стала моим пропуском в местное общество, моей визой в тихую гавань. Забывшись от любви, я плыл по течению, заглушая тихий внутренний голос, который время от времени спрашивал: «А если все они узнают, кто ты на самом деле?»

Дело в том, что Локстон, как и Эмма, понятия не имел, кто я такой.

Я подозревал, что соседи кое о чем догадывались. Антье тактично задавала наводящие вопросы. Сама Эмма кое-что заметила, когда была моей клиенткой. В поисках ее брата мне время от времени приходилось применять свои таланты на практике. Наверное, брат потом кое о чем рассказал ей, когда они обсуждали прошлое. Может быть, мои таланты вызывали ее интерес? Может, именно поэтому ее ко мне потянуло? Когда я охранял ее, она легко вошла в роль опекаемой – так поступили бы на ее месте многие женщины.

Сегодня утром, общаясь с «Рыцарями», она снова увидела мое нутро, мою сущность. И попыталась меня удержать, не укоряя. Может быть, она думала, что в состоянии справиться со мной?

Но она знала меня лишь частично.

Я должен был рассказать ей всю правду о себе.

Я хотел рассказать. Иногда я еле сдерживался. Мне так хотелось исповедаться, что с моих губ готовы были сорваться роковые слова... *«Эмма, в гневе я избил человека до смер-*

ти. И испытал при этом удовлетворение и радость. Потому что я – прирожденный убийца. Насилие живет во мне. Насилие – мое второе «я». Но всякий раз, до того, как признание слетало с губ, подобно злему джинну, выходящему из волшебной лампы, меня останавливал парализующий страх потерять ее, а вместе с ней – и надежду на то, что она полюбит меня. И не только надежду на ее любовь. Надежду на то, что ее любовь превратит меня в другого человека, достойного ее любви. Волшебство уже начало совершаться. Она смешила меня, подталкивала к тому, чтобы я смешил ее, стал беззаботным, игривым и остроумным. С ней я иногда напрочь забывал о темных закоулках в моей голове. Впервые в жизни я начал нравиться себе. Совсем немножко. Меня согревало ее одобрение. А теперь – ее любовь.

«Я люблю тебя, Леммер».

Я стоял у самолета, а она обнимала меня, прижавшись губами к моему уху, и я ничего ей не ответил. Я понимал: до того, как я отвечу, мне придется все ей рассказать.

Но сейчас слишком поздно; я слишком боюсь причинить ей боль и обидеть ее. Ее и себя.

Я смотрел на бесконечные равнины Северной Капской провинции и гадал, из-за чего меня вырвало – из-за того, что я лечу на маленьком самолетике, или из-за моей огромной нечестности.

Следопыты часто ищут следы в очевидных местах...

Настольная книга следопыта.

Распознавание знаков

Чтобы избавиться от неприятных мыслей, я спросил Лоттера, как он познакомился с Дидериком.

– Он друг моего друга. Несколько лет назад неожиданно приехал ко мне. Сказал, что слышал, что я летаю где угодно. Ему хотелось осмотреть один участок в Мозамбике, в который ему предлагали вложить деньги, но ехать туда на машине слишком далеко, время – деньги, и не мог бы я его подбросить? Так все началось. И продолжается до сих пор. Дидерик звонит мне и говорит, что ему срочно нужно доставить запчасти для трактора из Эрмело, или быстренько слетать в Виндхук, или забрать приятеля из Локстона. Знаете, как бывает: тебе платят за то, чем ты любишь заниматься... Вы знаете, что у него на ферме есть взлетно-посадочная полоса?

Я признался, что почти ничего не знаю о Дидерике.

– Он – тот еще тип. Но хороший бизнесмен. Замешан в чем ни попадя...

Асфальтированное шоссе из Мусины, похожее на бархатную ленту, бежало с востока на запад, прорезая темно-коричневый вельд.

В двадцать минут третьего мы начали снижаться. Летели так низко, что я разглядел справа канализационный коллектор, кладбище, а за ним – городишко. Лоттер снижался легко, как перышко, небрежно и как будто без труда; потом мы развернулись и полетели на восток, затем свернули направо, полетели вдоль служебной дороги к скопищу низких строений и ангаров. Мы приземлились; Лоттер подрулил к аэродрому. Самолет остановился. Лоттер открыл задвижки прозрачного купола над кабиной. Нас накрыло волной жары.

– Приехали. За вами приедет грузовик.

Я огляделся. Грузовика нигде не было видно.

Я отстегнул прочный ремень безопасности, взял свою спортивную сумку, достал из-за сиденья сверток с короткостволом и протянул Лоттеру руку.

– Спасибо!

– Не за что. И удачи вам. – Он показал на сверток, который я держал на руках, как младенца: – Надеюсь, вам не придется пускать его в ход. – Я стоял на асфальте; прежде чем он снова закрыл прозрачный купол, он крикнул, перекрывая рев работавшего вхолостую двигателя: – Леммер, наверное, вы уже в курсе: у старины Дидерика деньги надо требовать вперед!

За воротами аэродрома начиналось гудроновая дорога; она прорезала коричневый вельд. Кое-где виднелись деревья. Я расстегнул молнию на сумке, бросил сверху коротко-

ствол, закинул сумку на плечо и зашагал по дороге. Жара все больше давила на меня; по спине тонкими ручейками тек пот. Дорога была пустой. Пустынной. Где Лоуренс Лериш?

Зачем я так быстро согласился, ни о чем толком не спросив? Надо было взять мобильный номер Лериша. И Дидерика Бранда. Бранду мне уже сейчас хотелось задать несколько вопросов. Например, почему Бранд обратился ко мне в самый последний миг, всего за несколько часов до перевозки носорогов? Когда он решил меня нанять?

Впереди я разглядел перекресток. Там и подожду.

Единственным убежищем от безжалостно палящего солнца служили четыре жалких, почти безлиственных дерева. Я поставил сумку на землю и попытался устроиться хотя бы в подобии тени. Прислонился спиной к стволу. Рубашка липла к спине, пот ел глаза. Шляпу я не захватил.

Я посмотрел на часы. Без четверти три.

Вытер лоб рукавом. Потом громко, продолжительно выругался.

Большинство животных предпочитают кормиться в укрытии; иногда они утаскивают добычу в тайник, где их никто не побеспокоит.

Настольная книга следопыта.

Классификация знаков

Без четверти четыре я по-прежнему сидел на земле; от палящего солнца меня отделял лишь чахлый древесный ствол. Зазвонил мой мобильник. Я встал на ноги и достал телефон из кармана брюк, надеясь услышать голос Дидерика Бранда. Мне было что ему сказать.

Оказалось, звонил дядюшка Ю ван Вейк. Из Локстона.

– Леммер, приятель, я слышал, Дидерик тебя во что-то впутал.

– Да, дядюшка, – вежливо, как принято в Кару, ответил я.

– Он заплатил тебе аванс?

– Не знаю, дядюшка Ю, он вел переговоры с моим работодателем.

– Вот как... Ну, значит, все в порядке. И что ты должен для него сделать?

– Пока не могу сказать.

– Ох, этот Дидерик! – Дядюшка Ю рассмеялся своим веселым смешком. – Что ж, желаю удачи, Леммер, у мат. – Он назвал меня «дружище», словно мы с ним старые приятели.

ли. – И тетушка Анна передает тебе привет.

Без десяти четыре телефон зазвонил снова. Дядюшка Бен Брюэр, локстонский строитель, с которым я советовался по поводу прогнившей крыши.

– Значит, ты теперь работаешь на Дидерика Бранда, – укоризненно заметил он.

– Дядюшка, это ненадолго – всего на день-два.

Он помолчал, а потом сказал:

– Как бы там ни было, на твоём месте я бы попросил у него задаток. Пятьдесят процентов вперед.

– Дядюшка Бен, он ведет переговоры с моим начальником.

– И все равно я бы попросил пятьдесят процентов вперед. Ну, всего хорошего. – И он отключился.

Локстон пробуждался от послепохуденного сна. Новость распространялась, как вирус.

В половине шестого мне позвонила эксцентричная Антье Барнард. Ей семьдесят лет; она сейчас на пенсии, а раньше была скрипачкой, ездила с концертами по всему миру. Она и сейчас пьет и курит, как будто ей двадцать.

– Эмма сидит у меня на веранде; мы с ней хлещем джин-тоник и скучаем по тебе, – сказала она своим хриловатым, чувственным голосом.

А я обливался потом под палящим солнцем в провинции Лимпопо; терпение у меня давно вышло, но я все равно чего-то ждал. Я отбросил неприятные мысли.

– Мне тоже не хватает вас обеих.

– Эмма говорит, что ты подрядился выполнить какое-то задание Дидерика, но она очень скрытная.

– Да, моя Эмма – она такая. Женщина-загадка.

Антьи хихикнула. Значит, она пьет уже третий бокал.

– Знаешь, как надо вести дела с Дидериком?

– Требовать деньги вперед?

– А-а-а, значит, Ю тебе уже звонил.

– И дядюшка Бен тоже.

– Весь город волнуется за тебя.

– Очень ценю вашу заботу.

– Хочешь поговорить с Эммой? – Чтобы Антьи могла подслушивать и ловить намеки, чем именно я занимаюсь для Дидерика.

Сейчас не то время, чтобы говорить с Эммой.

– Антьи, я сейчас занят, передай Эмме, что я перезвоню ей позже.

Без десяти шесть ко мне по шоссе подкатил грузовик. На белой дверце кабины – логотип фирмы Николы «Услуги по охране окружающей среды». Впереди – массивный кенгурятник. Я подошел к обочине и бешено замахал руками. Если он промчится мимо, я достану короткоствол и прострелю ему крышку.

Грузовик остановился.

Когда я распахнул дверцу, закинул в кабину сумку и залез сам, Лоуренс Лериш сказал:

– Я думал, вы, дядюшка, будете на аэродроме.

Я ничего не ответил, только дверцей хлопнул сильнее, чем требовалось.

– Дядюшка, я Лоуренс. – Он протянул руку. – Вы давно меня ждете?

О семействе Лериш в Локстоне слагали легенды.

Мои познания были ограниченными; я лишь время от времени слышал о них от соседей. Лериши – владельцы большой фермы по Пампунпорт-Роуд; на участке в шесть тысяч гектаров разводят мериносов. Наемных рабочих на ферме нет, со всем справляются самостоятельно – отец, мать, два сына и дочь. Все младшие Лериши жилистые и выносливые, как и родители.

Лоуренс, старший, учился на последнем курсе сельскохозяйственного университета в Стелленбоше. Сам платил за обучение, пользовался любым случаем заработать несколько рандов. Как сейчас. Я подумал: интересно, а он потребовал с Дидерика деньги вперед? Но ничего не спросил, потому что вспотел и устал от ожидания и от жары. И очень злился.

– Дядюшка Дидерик сказал, что вы будете на месте около пяти. – Так объяснил он время своего приезда, трогаясь с места. – Поэтому я вздремнул; нам ведь всю ночь ехать. – Лицо у него было худым, угловатым; высокий лоб, решительный подбородок, улыбчивый рот. – А вы хорошо долетели, дядюшка?

Его невинная вежливость не дала мне выместить на нем досаду. Я почувствовал освежающее дуновение кондиционера, поправил вентилятор на приборной панели, направив его на себя, подкрутил мощность и ответил:

– Да нет, не очень. Кстати, называть меня «дядюшкой» не обязательно.

– Ладно... дядюшка.

Я затолкал спортивную сумку под сиденье, пристегнулся и расположился поудобнее.

– Дидерик мне почти ничего не сказал о том, что делать.

– Сейчас, дядюшка, мы перекусим в городе, потому что погрузка будет ближе к ночи. Надо дожидаться темноты. Примем груз где-то около восьми и поедем.

Когда мы с рычанием ворвались на главную улицу Мусины, Лоуренс Лериш сказал:

– Дядюшка, должно быть, вы здорово проголодались. Может, закажем стейк?

К моему облегчению, Лоуренс оказался не хроническим болтуном.

Мы остановились на Гренфелл-стрит. Он достал из-под сиденья две большие фляги для горячих напитков и тщательно запер грузовик. На нем была типичная форма всех фермеров из Кару: джинсы, рубашка цвета хаки с синими вставками на плечах, прочные сапоги. Мы молча шагали к ресторану «Буффало» на углу. Сейчас, в разгар дня, в ресторане

было тихо; к счастью, кондиционер в зале работал на полную мощность.

Лоуренс заказал стейк на косточке и кока-колу; попросил налить в обе фляги крепкий черный кофе без сахара. Как ни странно, я понял, что мой желудок вполне оправился после полета на RV7; я заказал ромштекс и газировку с красным виноградным соком. Когда нам принесли питье, Лоуренс спросил – как мне показалось, больше из вежливости, чем из любопытства:

– Каких знаменитостей вы охраняли?

– Мы подписываем договор о неразглашении... – ответил я. Таков мой стандартный ответ, но в Локстоне его расценивают как уклончивое подтверждение того, что я обычно общаюсь с американскими кино– и поп-звездами. По правде говоря, я стараюсь избегать знаменитых клиентов. С ними бывает слишком много мороки. Поэтому я добавил: – Обычно я работаю с иностранными бизнесменами.

– Вот как... – В его голосе мне почудилось смутное разочарование.

Мы ждали, пока нам принесут заказ; Лоуренс смотрел в окно на улицу. Уличные торговцы уже убрали товар; сотни пешеходов куда-то спешили по своим делам. Мимо ресторана неся поток маршрутных такси; полки для багажа были завалены доверху. Номерные знаки в основном зимбабвийские. Все куда-то едут. Пограничный городок...

– Здесь другой мир, – задумчиво проговорил Лоуренс Ле-

риш.

– Да, – кивнул я.

Таков был итог нашего разговора.

Грузовик был «Мерседес-1528» с шестицилиндровым дизельным двигателем. Кстати, в номерном знаке никакой семерки не оказалось. Я понял, что крупной удачи мне не видать. Закрытый стальной кузов, такой же высокий, как и кабина, покрашенный в серый цвет. На кузове имелось множество съемных панелей и широкие задние двери. Наверху по всей длине шли три вентиляционных отверстия. Задние колеса двойные, а передние – одинарные.

В кабине оказалось роскошно, как в салоне легковушки. Приборная панель из черного кожзаменителя и серого пластика. Над приборкой полочка с отверстиями для двух стаканов, посередине – автомагнитола для двух CD-дисков. Между двумя сиденьями – полуметровый горб над капотом. Горб находился на уровне сидений. На нем лежали мобильник и зарядник Лоуренса, а также несколько дисков. Я узнал «Металлику» и «Джудас Прист», об остальных я в жизни не слышал: Исан, «Инслейвд», «Арсис».

Судя по схеме на рычаге передач, их здесь было восемь.

Мы выехали на дорогу R572; солнце било прямо в глаза. Лоуренс Лериш оказался опытным водителем. Попеременно смотрел то на дорогу, то в зеркала, то на приборы. Вел он плавно, без рывков.

Я достал «глок» из сумки и стал искать, куда его можно пристроить – так, чтобы легко было достать.

Лоуренс покосился на пистолет, но ничего не говорил, пока я не попробовал в виде опыта засунуть его между сиденьем и капотом.

– Дядюшка, положите туда. – Он показал многочисленные емкости для хранения под приборной панелью. Прямо передо мной оказалось отделение, куда пистолет вошел без труда. Я решил, что отсюда он не выпадет даже при экстренном торможении. Неплохо!

– Спасибо.

– Что это, дядюшка?

– «Глок-37».

Лоуренс кивнул.

Я достал MAG7.

– Господи! – ахнул Лоуренс.

– Дидерик подсунул, – смущенно признался я.

Лоуренс рассмеялся и покачал головой:

– Ох уж этот дядюшка Дидерик!

– Почему все, как только слышат о нем, сразу восклицают: «Ох уж этот Дидерик»?

– Потому что он – тот еще тип.

– Тип?

– Старый мошенник.

– Что ты имеешь в виду?

– Дядюшка, разве вы не слышали о нем?

– Нет.

Лоуренс радостно улыбнулся, предвкушая удовольствие. Такое же выражение я уже видел раньше на лицах Антьи и дядюшки Ю: им не терпелось поделиться со мной забавной историей. В Кару интересные истории – своего рода местная валюта. Такие истории есть в запасе у каждого местного жителя. О чем бы ни шла речь – о разбитом сердце, счастье, победах, поражениях, – все рассказы были законченными, прекрасно описывали характеры героев и свидетельствовали о проницательности очевидцев. Локстонские истории сильно отличаются от невнятных рассказов жителей крупных городов, которых теперь полно на «Фейсбуке» и в «Твиттере»; в них все приглажено, и все кажутся хорошими, фальшивыми и ненастоящими. Правда скрыта за дымовыми завесами и масками.

– У дядюшки Дидерика разносторонние интересы. Например, он занимается охраной природы. Очень много делает, я не знаю другого человека, который бы больше любил Кару... К тому же он еще и очень умен, – сказал Лоуренс Лериш. И с почтением уточнил: – Голова у него здорово варит...

Проще всего научиться тропить под руководством опытного следопыта.

Настольная книга следопыта.

Обучение троплению

Лоуренс рассказал, как Дидерик поместил в «Фармере Уикли» объявление о продаже шестнадцатитонного грузовика для перевозки овец «тойота-хино». Он запросил за него четыреста тысяч рандов.

– На объявление откликнулись трое потенциальных покупателей. Дядюшка Дидерик сказал: первый, кто заплатит ему всю сумму наличными, может приехать и забрать грузовик. Все трое перевели ему деньги. Дядюшка Дидерик сказал каждому: приезжай и забирай. Первый покупатель приехал и забрал грузовик. Когда на ферму приехали двое других, дядюшка Дидерик сказал: мне ужасно жаль, но вас опередили. Они жутко разозлились, но дядюшка Дидерик сказал: ребята, дело есть дело; не сердитесь, вы приехали издалека, переночуйте у меня, узнаете, что такое местное гостеприимство. Устроил им настоящий пир, бренди лилось рекой. Он весь вечер рассказывал им разные истории, анекдоты, а когда гости уже изрядно напились, он сказал: не волнуйтесь, завтра я выпишу каждому из вас чек на всю сумму. Расстались они лучшими друзьями. Через неделю парни позвонили

и сказали, что чеки у них не приняли. Где деньги? Дядюшка Дидерик ответил: наверное, в банке ошиблись, уж он разберется с управляющим, он ему покажет, а сам немедленно вышлет новые чеки. Через неделю – то же самое. Так продолжалось месяц или два; наконец, бедняги поняли, что их накололи. Посыпались письма от адвокатов, угрозы. Но дядюшку Дидерика просто так не возьмешь. Он сказал: по его данным, все платежи давно прошли. В доказательство требовалось предъявить договор купли-продажи. Разумеется, никакого договора не было, потому что обо всем договаривались на словах. Иногда он просто не подходил к телефону. В общем, почти год он водил тех двух парней за нос, а сам тем временем крутил их деньги – восемьсот тысяч – и заработал неплохие проценты. Обманутые покупатели подали на него в суд. И вот на крыльце перед зданием суда он говорит: ладно, забирайте свои деньги, без процентов, только снимите все обвинения. Парни были так рады получить от него хоть что-то, что согласились.

Я начал понимать, почему все советовали мне требовать с Дидерика деньги вперед.

– Он молодец! – Лоуренс Лериш восхищенно покачал головой. Хотел сказать что-то еще, но не успел; зазвонил его мобильник. Никола хотел знать, где мы. – Через полчаса будем на погрузочном пункте, – ответил Лоуренс.

Когда он дал отбой, я спросил:

– Какая предельная скорость у этой машины?

– Зависит от груза, дядюшка. С животными мы поедem медленно, восемьдесят – девяносто километров в час.

Значит, уноситься от опасности в их планы не входит.

– Сколько весит носорог?

– Не знаю, дядюшка.

– Сколько вмещает грузовик?

– Около двухсот тонн, дядюшка. Но наш груз не будет таким тяжелым. По-моему, сегодня мы повезем не больше пяти тонн.

Пикнул мой сотовый. Пришла эсэмэска от Жанетт Лау. Обычный в это время вопрос: «Все о'кей?»

Делиться с ней моими сомнениями не было смысла. Я ответил: «Все о'кей».

Я ждал тайной встречи в темноте с людьми, которые будут прятать лица и перешептываться где-то в кустах. Мы же очутились на ярко освещенном, оживленном хоздворе крупной фермы на берегу реки Лимпопо.

С десятков чернокожих рабочих сидели и громко переговаривались на бетонном крыльце у длинного стального сарая. Они ждали.

К белому «лендкрузеру» прислонились двое белых в шортах цвета хаки и таких же рубашках с зелеными вставками, в вязаных гольфах и коротких рабочих сапогах. Когда мы въехали на двор, они вскочили с мест. Один был молодой, едва за двадцать, второму на вид можно было дать лет сорок пять

– сорок шесть.

Лоуренс затормозил. Мы спрыгнули на землю. Оба белых направились к нам.

– Вы Лоуренс? – спросил старший, протягивая руку.

– Да, дядюшка.

– Виккус Сванепул. – Он немного шепелявил. – А это мой сын Сванни.

– А это дядюшка Леммер...

Мы пожали друг другу руки. Отец и сын оказались здоровяками с заросшими подбородками, загорелыми лицами и руками до локтя, одинаковыми курносыми носами и кустистыми бровями. Папаша Виккус приспустил кожаный ремень, чтобы не пережимать пивной животик.

– Их грузовик ждет на границе, вон там, – сказал он, тыча пальцем на север. – Вы готовы?

– Да, дядюшка, мы готовы.

Виккус покосился на сына:

– Передай, пусть едут. Еще раз напомни, чтобы сдули шины. И насчет вещей тоже напомни!

Сванни достал сотовый телефон из кармана шорт и стал набирать номер. Его отец пояснил:

– Мы решили, что лучше дождаться темноты... На всякий случай.

Ну да, на всякий случай... То же самое говорил и Дидерик.

Сынок говорил в трубку:

– Корнел, можно ехать, они уже здесь. Вы сдули шины?

– Вы пока разверните грузовик, – посоветовал Виккус Лоуренсу. – И задние двери откройте.

– Хорошо, дядюшка, – ответил Лоуренс. – Много времени займет погрузка?

– Они совсем рядом, на том берегу реки, на зимбабвийской стороне. Если не увязнут в песке, с минуты на минуту будут здесь.

Лоуренс сел в «мерседес».

– Едут, пап! – сказал Сванни, сынок.

– Ты напомнил, чтобы они следили за вешками?

– Нет, папа. Но она говорит, что видит наши фары.

– Нет... Боже мой, уж эти женщины! Чем им помогут наши фары, если они увязнут в песке?

– Не волнуйся, папа.

Лоуренс развернул «мерседес»; теперь нос смотрел в ту сторону, откуда мы приехали. Виккус Сванепул подошел к болтающим работягам. Что-то приказал на их языке. Они встали и подошли ближе. Виккус приказал что-то еще и показал на толстые металлические прутья, лежавшие на пороге сарая. Половина работяг разобрала прутья. Лоуренс заглушил мотор, спрыгнул на землю и откинул запоры серых стальных задних дверей.

– Говорят, у них «бедфорд»; возможно, он ниже, чем ваш «мерседес», придется поднимать клетки, – сказал Виккус.

– Я их слышу, папа, – сказал Сванни.

В темноте послышался рев дизельного мотора – на высоких оборотах.

– Ах ты черт, – сказал Виккус, – надеюсь, он умеет ездить по песку.

Лоуренс подошел к нам. Мы выстроились в ряд и стали смотреть на север, откуда доносился рев двигателя.

– В это время песок опасен, – объяснил Виккус. – Мягкий. Мелкий. Река пересохла. Если они не сдуют шины, они завязнут. И тогда мы в полной заднице.

– Не волнуйся, папа!

– Кому-то ведь надо волноваться, а то всем пофиг!

– Похоже, они перебрались.

Мотор заурчал сдержаннее, тише.

– Почему он не включает фары?

– Не волнуйся, папа.

– Прекрати повторять одно и то же, как попугай!

– Пап, но нам не о чем беспокоиться. На нашей стороне все законно, у нас есть все разрешения.

– А этим людям сегодня придется возвращаться в Зимбабве, и у них никаких документов нет.

Тут мы увидели грузовик, старый «бедфорд». Он показался из темноты на границе освещенного участка.

– Слава богу! – воскликнул Виккус Сванепул. – Это старый «ар-эл».

– Чего?

– Пожалуй, единственный «бедфорд» с полным приво-

дом, – сказал Виккус, когда грузовик остановился рядом с нами. Судя по всему, раньше им пользовались военные: зеленая камуфляжная краска выцвела и облупилась, зато мотор был явно в полном порядке. За рулем сидел чернокожий водитель в желтом жилете с мускулистыми руками и сигаретой в зубах.

Открылась пассажирская дверца. На землю легко спрыгнула женщина и, не глядя на нас, словно нас здесь и не было, обошла грузовик. Кузов был обтянут грязным серым брезентом. Она начала развязывать веревки.

– Ну и ну! – пылко, но негромко воскликнул папаша Виккус.

На первый взгляд женщина производила сильное впечатление. Плечи, руки и ноги у нее были мускулистыми, выдавая спортсменку. Черные как смоль волосы были небрежно стянуты в конский хвост, шея длинная, изящная, кожа медового цвета покрыта испариной, на лице выделяются высокие скулы. Настоящая Лара Крофт из провинции Лимпопо – в сапогах, шортах цвета хаки в обтяжку и белой майке без рукавов, подчеркивающей пышный бюст.

– Вы Корнел? – спросил сынок Сванни, приятно удивленный тем, что голос из телефонной трубки принадлежит такой красавице.

Она посмотрела на него и приказала:

– Иди сюда и помоги!

Сванни словно прирос к месту.

– Флеа! – изумленно воскликнул он. – Флеа ван Ярсвелд?

Она нахмурилась:

– Я тебя не знаю.

– Мы вместе ходили в начальную школу, – произнес Сванни. Видимо, он ужасно обрадовался возможности возобновить знакомство. – Господи, Флеа, как ты переменилась!

– Меня зовут Корнел. Ты помогать собираешься или будешь просто так глазеть? – Она отвернулась и снова принялась отвязывать брезент.

– До чего же я рад снова видеть тебя! – И Сванни поспешил на помощь.

При наблюдении за следами часто приходится бывать в таких местах, где наверняка можно встретить диких и часто опасных животных.

Настольная книга следопыта.

Опасные животные

Флеа ван Ярсвелд, укротительница носорогов.

Она руководила снятием брезентовой покрышки; отдавала приказы раздраженно и самоуверенно, как будто наши скудные умишки не в состоянии понять всей важности ее миссии. Меня она удостоила неодобрительного взгляда, заметив, что я не рвусь помогать, а наблюдаю за происходящим со стороны, скрестив руки на груди. Подойдя к ней поближе, я разглядел, что в ее красоте имеются изъяны и впечатление, производимое ею в целом, гораздо сильнее издалека. Глубокие носогубные складки выдавали раздражительность, подбородок оказался вяловат. Ее лицо можно было бы назвать холодным, если бы не крошечный шрамик на левом нижнем веке, похожий на слезинку. Шрамик придавал ей немного печальный вид.

Когда брезент сняли, нашим глазам открылись две огромные стальные клетки, скрепленные вместе для устойчивости. Всего несколько миллиметров отделяло заднюю стенку второй клетки от откидного борта «бедфорда». В темноте носо-

роги казались огромными, беспокойными тенями, которые расхаживали за стальными прутьями.

– Мне нужен свет! – скомандовала Флеа и показала на животных.

Молодой Сванни, вдруг превратившийся в сноровистого молодого фермера, немедленно начал действовать, руководить рабочими.

Флеа снова забралась в кабину «бедфорда», сверкнув мускулистыми ногами. Двигалась она легко, плавно, уверенно и сосредоточенно. Когда она снова прыгнула на землю, я увидел у нее в руках кожаный саквояж – такие носят с собой врачи. Во всяком случае, ее саквояж оказался весьма потрепанным. Она поставила его на край платформы, встала на заднее колесо и забралась наверх.

– Где свет?

– Сейчас будет, – ответил Сванни.

Она посмотрела на массивные часы на своем тонком запястье, нажала какие-то кнопки. Сванни подбежал к кузову с охотничьим прожектором. Яркий луч прорезал ночное небо. Он протянул ей фонарь.

– Влезай сюда, – велела она, не сводя взгляда с открытого чемоданчика.

Он ухмыльнулся, радуясь своему везению: она выбрала его! Пылко кивнул и забрался в грузовик.

В этот миг я увидел Лоуренса Лериша. Он стоял за «бедфордом» и не сводил глаз с загадочной красотки.

– Свети сюда, – приказала она Сванни и показала на первую клетку. Достала из чемоданчика шприц и флакон с какой-то жидкостью. Игла оказалась короткая и толстая.

Я подошел поближе – посмотреть. Фонарь высветил ближнего носорога. На глазах у него были шоры. Из одного уха торчала какая-то тряпка. Носорог беспокойно топтался в клетке, топал ногой по стальному полу, бился головой о прутья. Кожа у него оказалась светлее, чем я думал: тускло-серая, складчатая при ярком освещении. На шее, спине и зад у заметил ярко-розовые наросты, вроде сыпи. Наросты тускло поблескивали в свете прожектора и казались нездоровыми.

– Черт побери! – вскричал Виккус Сванепул, подходя поближе. – Что с ними такое?

Флеа набрала в шприц жидкость из флакона.

– Некротический дерматит в стадии нагноения.

– Так ты ветеринар! – с видом глубокого почтения воскликнул Сванни.

– Они могут от этогодохнуть? – поинтересовался его папаша.

– Обычно дерматит сопровождается анемией и желудочно-кишечными заболеваниями, – ответила она. – Вот что самое опасное.

– Черт! – вскричал Виккус.

Она воткнула шприц в зад первого носорога.

– Животные ослаблены, перенесли сильный стресс. Нель-

зя терять время. Заткни ему носком второе ухо!

– Это носок?

– Форменный носок «Штурмовиков». Команды по регби... Я нашла ему единственное полезное применение: он здорово заглушает звуки. Это их успокаивает.

– Надо же! Вы, значит, болеете за «Быков», – радостно заметил снизу Виккус. – Как и мы.

Флеа ван Ярсвелд подхватила саквояж и перешла ко второй клетке. Мы все как один стояли на месте и пялились на ее аккуратный маленький зад.

– Что ты им вкалываешь? – спросил Сванни.

– Азаперон. Сто пятьдесят миллиграммов. Он их успокоит, поможет справиться с отрицательным физиологическим воздействием «М-99»...

– Ясно, – с безграничным почтением произнес Сванни.

А Лоуренс Лериш стоял и неотрывно смотрел на нее, как олень, попавший в яркий свет фар.

Операция по погрузке носорогов заняла больше часа; пятнадцать рабочих, пыхтя, передвигали клетки на край платформы, а потом перетаскивали их в кузов «мерседеса». Рабочими командовал Виккус; он общался с ними на их языке. В ходе операции Флеа ни разу не улыбнулась; она то и дело поторапливала и бранила нас.

Наконец, Лоуренс захлопнул задние двери и задвинул засовы. Флеа быстро подошла к нему:

– Вы – водитель из Кару?

– Лоуренс. – Он протянул ей руку.

Не удостоив его своим вниманием, она вытерла пот со лба тыльной стороной ладони, подошла к пассажирской дверце «мерседеса» и скомандовала:

– Ладно, поехали!

Первое указание на то, что она едет с нами.

Мы отправились в путь без двадцати десять. Флеа швырнула в кабину кроваво-красную дорожную сумку и докторский саквояж, сама влезла следом и с удобством расположилась на пассажирском сиденье. Когда я поднялся за ней, она смерила меня презрительным взглядом:

– Вы что, тоже едете?

Видимо, такая перспектива ее не особенно обрадовала.

– Это дядюшка Леммер, – только и сказал Лоуренс. Он извлек откуда-то две большие мягкие подушки и бросил их на горб между двумя сиденьями. Сам убрал ее багаж вниз, поправил подушки: одну положил на сиденье, вторую – ей под поясницу.

Сванепулы стояли снаружи, под моим окошком, но не сводили глаз с нашей спутницы.

– Корнел, ты знаешь, где мы сейчас живем. Приезжай в гости! – с надеждой крикнул Виккус Сванепул.

Сын, стоящий у него за спиной, поддержал папашу, пылко кивая и подняв кустистые брови. Потом отец и сын в послед-

ний раз помахали нам руками, и мы отправились в темноту.

Кабина «мерседеса» пропиталась ее ароматом: интересное сочетание мыла, шампуня и пота. Она сидела, поджав под себя ноги, положив руки на колени. Все ее жесты говорили о том, что она недовольна, что в кабине тесно и жестко. Лоуренс позвонил Николе и сообщил, что мы уже едем.

Флеа покосилась на цифровой циферблат часов.

– Между половиной второго и двумя мне нужно будет сделать им очередной укол, – сказала она Лоуренсу.

Я сидел и ждал, что он ответит. Как парень из Кару отреагирует на это... явление природы?

Он достал из кармана на дверце сложенные бумаги и передал ей. Движения у него были медленными, скупыми.

– Наверху маршрутный лист, внизу карта. К двум часам мы будем в трехстах километрах отсюда, а может, немножко больше...

Она молча взяла бумаги, спустила ноги на пол и стала изучать верхний документ, белый лист бумаги с двумя колонками: названия мест и расстояния. Развернула карту, сличила с маршрутным листом, водя тонким пальчиком по паутине дорог за Валватером, Рюстенбургом, Вентерсдорпом... а потом вскинула голову. Лица ее я не видел, зато услышал, какой у нее угрюмый голос:

– Маршрут чертовски запутанный. Почему просто не поехать по шоссе N1?

Тогда я заметил, что на шее у нее тоже есть рубец от старого шрама. Он начинался за левым ухом и, изгибаясь, исчезал под линией волос, похожий по очертаниям на птичье крыло, только на один оттенок светлее кожи.

– Дядюшка Дидерик просил держаться подальше от больших дорог. И потом...

– Почему? – резко, словно обвиняя, спросила она.

– Из-за пунктов взвешивания, – хладнокровно, сдержанно ответил Лоуренс.

– Из-за пунктов взвешивания?

– На больших расстояниях важно поддерживать постоянную среднюю скорость; ничто так не тормозит передвижение, как необходимость постоянно въезжать на весы-платформы. На каждом пункте взвешивания грузовиков теряешь плюс-минус час, а если мы поедem по шоссе N1 или N12, нам придется проехать целых пять таких пунктов. И потом, наш маршрут почти на пятьсот километров короче.

Я им гордился: он не позволил себя запугать, голос у него был спокойный, он не ждал ее одобрения, а просто вежливо и спокойно сообщал нужные сведения.

Флеа снова провела пальцем по маршруту, покачала головой:

– Нет. Нам придется ехать через Бела-Бела. Мне понадобится свет, когда я буду их усыплять.

Лоуренс покосился туда, куда указывал ее палец.

– Хорошо, – сказал он. – Мы сделаем там остановку.

Она самодовольно сложила карту, как будто выиграла раунд в боксе. Положила карту на полочку, в углубление между держателями для стаканов, снова поджала под себя ноги и, словно показывая, что больше разговаривать не о чем, уронила голову на грудь.

Поездка обещала стать интересной.

Краеугольный камень моей профессии – умение читать людей. Заранее распознавать скрытую угрозу, изучить человека, которого ты охраняешь, предсказывать опасные ситуации и предотвращать их. Это вошло в привычку, превратилось в ритуал, иногда в игру – наблюдать, слушать, ловить обрывки случайных сведений, соединять их в досье, которое постепенно расширялось и увеличивалось, и всякий раз на один шагок приближаться к истине. Еще двадцать лет назад я понял: трудность в том, что мы, люди, – лживые животные. Мы умело прячемся за ложными фасадами, путаем следы, смешиваем правду и вымысел, дабы подчеркнуть хорошее и приемлемое и скрыть плохое.

Искусство заключается в том, чтобы суметь правильно истолковать даже ложный фасад, потому что он тоже многое говорит о том, кто или что за ним прячется. Лицо Флеа ван Ярсвелд выдавало многое. С него не сходило выражение раздражающего превосходства. Она намеренно сохраняла дистанцию между собой и нами. Бойко сыпала медицинскими терминами. Открещивалась от собственного имени. Десять к одному, Корнел – это от Корнелия. Ну, и одежда...

Она не случайно оделась так, чтобы повыгоднее подчеркнуть свои стати. Хотя подчеркивать их нет никакой необходимости. Она красива, несмотря на мелкие недостатки. А может, как раз из-за этих незначительных недостатков.

Большинство клиентов «Бронежилета» составляют люди, выросшие в богатстве. Как правило, они держатся вполне естественно; у них врожденное умение выделяться из толпы, хотя свою красоту они тоже умеют демонстрировать – а иногда, наоборот, утаивать. Какой разительный контраст им составляла Флеа! Невольно напрашивался вывод: она выросла в семье, принадлежащей к нижнему слою среднего класса; отец, скорее всего рабочий, трудился на шахте или на заводе. Ее родители – наивные, приземленные, грубоватые люди.

Бедность не обязательно развивает в человеке отрицательные черты характера. Трудности начинаются, когда желание убежать, вырваться из своей среды становится всепоглощающим. В начальной школе она наверняка хорошо училась, а потом с успехом поступила в ветеринарный колледж. «Ты умница, – наверняка внушали ей скромные, любящие родители. – Ты должна получить образование. Сделать карьеру». Иными словами, «выбраться из грязи».

И все же подлинной причиной ее успеха наверняка стал физический расцвет. Судя по восклицанию Сванни «Господи, как ты изменилась!», должно быть, в детстве она была заурядной, даже некрасивой, ничто не предвещало, что она превратится в такую красавицу. Наверное, метаморфоза,

случившаяся где-то между пятнадцатью и шестнадцатью годами, застала ее врасплох, вынудила срочно переключаться на другую скорость, оценивать открывшиеся перед ней новые горизонты. Ум и красота – прочная основа, дающая надежды на лучшее будущее. На успешный старт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.